

78
104
5
128

21575-24

Зр

1799

1899

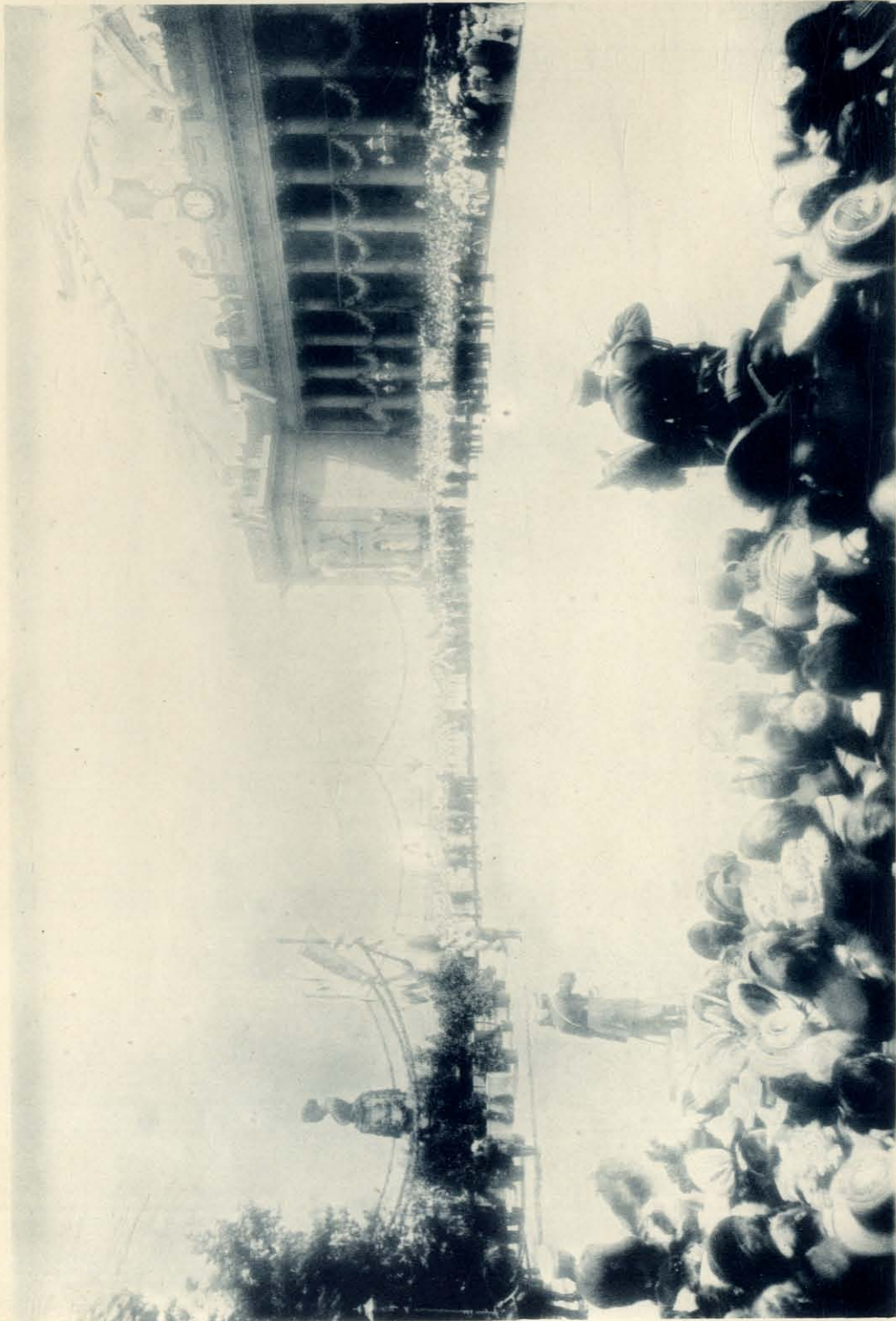
ПУШКИНСКІЕ ДНИ

ВЪ ОДЕССѢ

Сборникъ

Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Фотот. А. НОВАКА, Одесса.

Исполненіе гимна „Коль славенъ“ у памятника Пушкина 26-го Мая 1899 г.

1799—1899.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ

26—27 мая 1899 г.

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

Съ четырьмя фототипическими снимками.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІА, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1900.

J. 150/93

№ 11

136486

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
Университета. Ректоръ *О. Н. Шведовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Описаніе пушкинскихъ дней 26 и 27 мая 1899 г. 1— 32.

Рѣчь въ университетской церкви предъ панихи-
дою въ столѣтіе со дня рожденія Пушкина. Профес.
В. М. Войтковскаго 33— 37.

Пушкинъ и русская литература. Рѣчь профес.
В. М. Истрина 39— 58

Общественные идеалы Пушкина. Рѣчь профес.
А. Е. Назимова 59— 72.

Жизненная драма Пушкина. Рѣчь профес. *И. А.
Линниченка* 73— 92.

Пушкинъ и славяне. Рѣчь профес. *И. А. Лаврова* . 93—122.

Пушкинъ и Новороссійскій край. Рѣчь д. чл.
Ист.-Фил. Общ. при Университетѣ *А. И. Маркевича* . 123—150.

Снимки:

1. Исполненіе гимна «Коль славенъ» у памятника Пушкина на Приморскомъ бульварѣ 26 мая.
2. Процессія учащихся предъ памятникомъ.
3. Памятникъ Пушкина по возложеніи на него вѣнковъ.
4. Одесса времени пребыванія въ ней Пушкина (съ соврем. литографіи).

Сборникъ, предлагаемый нынѣ вниманію русской публики, имѣетъ своею цѣлью сохранить отъ забвенія ту долю участія въ торжественномъ всенародномъ чествованіи памяти А. С. Пушкина въ день 26 мая 1899 года, какую принималъ въ этомъ чествованіи Императорскій Новороссійскій университетъ совмѣстно съ одесскимъ городскимъ управленіемъ. Примыкая къ длинному ряду посвященныхъ имени великаго русскаго поэта юбилейныхъ изданій, сборникъ этотъ есть вмѣстѣ и отчетъ въ томъ, какъ понялъ и выполнилъ университетъ лежавшую на немъ задачу достойно почтить память нашего національнаго генія, и посильная дань благоговѣйной признательности — славной тѣни поэта.

Починъ въ возбужденіи вопроса о празднованіи пушкинскаго юбилея въ Одесѣ принадлежалъ правленію историко-филологическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Въ особомъ докладѣ, который былъ имъ представленъ въ совѣтъ университета и заслушанъ послѣднимъ въ засѣданіи 13 ноября 1898 года, между прочимъ говорилось: «Чествованіе такого событія, какъ предстоящее, не должно имѣть характеръ празднаго узкаго, замкнутаго въ тѣсныхъ предѣлахъ университета или состоящаго при немъ общества. А. С. Пушкинъ есть дорогое достояніе всей Россіи. Поэтому желательно было бы, чтобы университетъ, ставъ во главѣ того движенія, которое естественно вызывается общимъ горячимъ желаніемъ достойно отличить предстоящій день національнаго торжества, придалъ этому торжеству возможно болѣе широкій характеръ. Дни пуш-

винскихъ празднествъ должны быть такими днями, которые бы объединили культурныя силы мѣстнаго общества и слили отдѣльныя проявленія ихъ дѣятельности въ одно гармоническое цѣлое. Въ виду этого правленіе историко-филологическаго общества, не предрѣшая вопроса о способахъ чествованія памяти великаго поэта, полагало бы необходимымъ войти въ сношеніе съ городскимъ общественнымъ управленіемъ и двумя мѣстными просвѣдательными обществами, — славянскимъ благотворительнымъ обществомъ и одесскимъ обществомъ любителей науки, литературы и искусства, — для выработки совмѣстно съ ними программы предстоящаго празднества». Къ этому правленіе историко-филологическаго общества присовокупляло, что имъ въ свою очередь была образована особая коммисія въ составѣ трехъ членовъ, — В. М. Истрина, А. Н. Деревицкаго и А. И. Маркевича, — на которую оно возложило обязанность принять участіе въ тѣхъ подготовительныхъ къ юбилейному празднеству работахъ, какія будутъ предприняты совѣтомъ университета, буде совѣтъ присоединится къ мнѣнію правленія.

Проектъ былъ одобренъ и принятъ совѣтомъ, и въ томъ же засѣданіи его 13 ноября 1898 г. состоялось избраніе особой коммисіи, которой и было поручено выработать и представить планъ торжества по соглашенію съ представителями историко-филологическаго общества и на общихъ началахъ, указанныхъ въ вышеизложенномъ докладѣ. Въ составъ этой совѣтской коммисіи вошли профессора А. А. Кочубинскій, В. В. Преображенскій и И. А. Линниченко и въ качествѣ запасныхъ членовъ — профессора А. Е. Назимовъ, П. Е. Казанскій и Г. И. Перетятковичъ. Вскорѣ однако В. В. Преображенскій отказался отъ участія въ работахъ коммисіи и былъ замѣщенъ А. Е. Назимовымъ.

Такъ возникло *соединенное собраніе коммисій совѣта университета и историко-филологическаго общества*, какъ исполнительный органъ этихъ двухъ учрежденій, на долю котораго выпала не только разработка подробной программы юбилейнаго чествованія памяти А. С. Пушкина, но въ значительной степени и самое осуществленіе этой программы, — отъ подготовительныхъ работъ до изданія настоящаго сборника включительно.

Собраніе открыло свои дѣйствія 28 ноября 1898 г. Пред-

сѣдателемъ его избранъ былъ профессоръ А. Н. Деревицкій. Въ двухъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ 28 и 30 ноября установлены были въ общихъ чертахъ главные моменты празднества, которое предполагалось не ограничивать однимъ днемъ 26 мая 1899 г., — днемъ столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина, — но по возможности продолжить и въ слѣдующіе два дня, — 27 и 28 мая, — и ужъ во всякомъ случаѣ распространить по крайней мѣрѣ на 27 мая. При этомъ выражено было желаніе пригласить къ совмѣстному съ университетомъ и городскимъ управленіемъ участію въ организациі юбилейнаго торжества всѣ ученныя и просвѣдательныя общества г. Одессы и озаботиться устройствомъ пушкинской выставки.

Въ согласіи съ этими основными положеніями былъ выработанъ въ видѣ проекта подробный планъ празднества и, по одобреніи его совѣтомъ университета въ экстренномъ засѣданіи послѣдняго 7 декабря 1898 г., сообщенъ всѣмъ учрежденіямъ и обществамъ, которыя являлось желательнымъ въ интересахъ дѣла привлечь къ совмѣстной съ университетомъ работѣ по устройству пушкинскаго юбилейнаго торжества. Вотъ эти общества и учрежденія: 1) городское общественное управленіе; 2) Императорское одесское общество исторіи и древностей; 3) славянское благотворительное общество; 4) литературно-артистическое общество; 5) одесское общество изящныхъ искусствъ; 6) общество любителей науки, литературы и искусства; 7) городской лекціонный комитетъ; 8) одесское отдѣленіе Императорскаго музыкальнаго общества; 9) музыкально-артистическій кружокъ; 10) одесское отдѣленіе Императорскаго общества садоводства; 11) фотографическое общество; 12) товарищество южно-русскихъ художниковъ; 13) общество естествоиспытателей при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ; 14) Императорское общество сельскаго хозяйства южной Россіи; 15) общество русскихъ врачей въ Одессѣ; 16) общество одесскихъ врачей; 17) одесское отдѣленіе Императорскаго русскаго техническаго общества; 18) одесское юридическое общество; 19) крымскій горный клубъ; 20) одесское общество вспомошествованія литераторамъ и ученымъ; 21) редакціи мѣстныхъ газетъ: «Одесскаго Листка», «Одесскихъ Новостей», «Новороссійскаго Телеграфа», «Южнаго Обзорнія», «Театра», «Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства», «Журнала опытной физики и элементарной математики», «Хер-

совскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», «Биржеваго бюллетеня», «Odessaer Zeitung»; 22) городская общественная библіотека; 23) городская читальня.

Изъ возникшихъ затѣмъ письменныхъ сношеній между соединеннымъ собраніемъ комиссіи университета и историко-филологическаго общества и всѣми перечисленными органами общественной жизни г. Одессы вскорѣ выяснилось, что 1) почти въ одно время съ тѣмъ, какъ вопросъ объ устройствѣ пушкинскаго юбилея возникъ въ совѣтѣ университета, т. е. въ ноябрѣ 1898 г., отдѣленіе одесской городской управы по народному образованію съ своей стороны вошло въ городскую управу съ предложеніемъ, въ которомъ выражало желаніе, чтобы городское общественное управленіе взяло на себя инициативу достойнаго чествованія памяти А. С. Пушкина въ Одессѣ,—что 2) одесское литературно-художественное общество предприняло уже подготовительныя работы по устройству пушкинской выставки въ Одессѣ и могло бы содѣйствовать университету въ выполненіи этой части программы предложеннаго празднества, и что 3) всѣ ученые и просвѣдители общества г. Одессы вообще одинаково горячо сочувствовали идеѣ дружной, совмѣстной съ университетомъ и городомъ работы, съ цѣлью ознаменованія пушкинскихъ юбилейныхъ дней въ Одессѣ вполне достойнымъ образомъ.

Въ виду этого было признано желательнымъ обсудить и окончательно установить всѣ подробности предложенной программы празднествъ сообща съ депутатами отъ тѣхъ обществъ и учреждений, которыя выразили готовность примкнуть къ предложенію университета, и въ особенности—выяснить, въ какой мѣрѣ городское общественное управленіе могло бы содѣйствовать осуществленію этой программы. Послѣдній вопросъ былъ дважды обсуждаемъ въ особыхъ совѣщаніяхъ изъ представителей городской управы, исполнительной театральнаго комиссіи, общества любителей науки, литературы и искусства, славянскаго общества, лекціоннаго комитета при городской аудиторіи и соединеннаго собранія комиссіи совѣта университета и историко-филологическаго общества. Первое изъ этихъ совѣщаній (безъ участія представителей соединеннаго собранія) произошло 10 февраля, а второе (съ ихъ участіемъ) — 30 марта 1899 года.

Въ результатѣ совѣщаній было установлено, что участіе города въ организаціи празднествъ могло бы быть двоякое: 1) самостоятельное и 2) совмѣстное съ университетомъ и другими учреждениями и обществами. Предполагалось, что городское управленіе могло бы принять на себя заботу о томъ, чтобы въ день юбилея 26 мая возлѣ памятника Пушкина на Приморскомъ бульварѣ (а еслибы къ этому встрѣтились какія либо затрудненія,—то въ залѣ городской думы) была отслужена панихида, чтобы памятникъ поэта былъ декорированъ растеніями и чтобы по окончаніи панихиды состоялось возложеніе на памятникъ вѣнковъ отъ различныхъ обществъ и учреждений города уполномоченными на то депутатами. Предполагалось далѣе, что городское управленіе озаботится также приобретеніемъ или даже изданіемъ соответственныхъ значенію чествуемаго событія брошюръ, портретовъ А. С. Пушкина, его біографій и сочиненій поэта для бесплатной раздачи въ сиротскихъ домахъ и пріютахъ, въ народныхъ аудиторіяхъ и городскихъ училищахъ. Наконецъ имѣлось въ виду, что городъ возьметъ на себя устройство 27 мая въ городскомъ театрѣ бесплатнаго утренняго спектакля для учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а равно литературно-музыкальныхъ вечеровъ и утреннихъ народныхъ чтеній во всѣхъ городскихъ аудиторіяхъ. Что же касается до участія города въ осуществленіи той программы празднества, которая была выработана университетскою комиссіею, то выражено было мнѣніе, что 26 мая могъ бы быть устроенъ въ одной изъ наиболее помѣстительныхъ залъ города (напр. въ зданіи новой биржи, городской думы, городского театра и т. п.) торжественный актъ съ музыкальнымъ отдѣленіемъ и соответствующими случая рѣчами профессоровъ и что для этого акта городъ могъ бы предоставить бесплатно городской оперный оркестръ и хоръ. При этомъ предполагалось, что представительство на актѣ будетъ принадлежать особому комитету, во главѣ котораго будутъ находиться ректоръ университета и городской голова.

Вслѣдъ за означенными совѣщаніями состоялись 31 марта и 6 апрѣля 1899 г. въ зданіи университета два засѣданія пушкинской университетской комиссіи съ участіемъ представителей отъ обществъ и учреждений, приглашенныхъ къ содѣйствію въ устройствѣ юбилейнаго торжества 26 мая. Въ засѣданіяхъ подъ предсѣдательствомъ проф. А. Н. Деревницкаго присутствовали

гг. члены пушкинской комиссіи профессора А. А. Кочубинскій, А. Е. Назимовъ, Г. И. Перетятковичъ, П. Е. Казанскій, В. М. Истринъ и депутаты: а) отъ одесскаго общества исторіи и древностей А. В. Лонгиновъ и Х. П. Ящуржинскій, б) отъ славянскаго благотворительнаго общества С. И. Знаменскій, гр. М. М. Толстой, М. М. Синцовъ, Н. И. Драго, в) отъ городского лекціоннаго комитета И. Л. Руденко, г) отъ городской публичной бібліотеки М. Г. Попруженко, д) отъ одесскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества А. П. Соколовъ, е) отъ одесскаго общества изящныхъ искусствъ Г. К. Шеврембрандтъ и пр. А. А. Павловскій, ж) отъ южно-русскаго товарищества художниковъ Б. В. Эдуардъ и П. А. Нилусъ, з) отъ литературно-артистическаго общества И. А. Смирновъ, и) отъ одесскаго общества любителей науки, литературы и искусства А. А. Цѣновскій и В. Н. Петровскій, к) отъ одесскаго артистическаго кружка Д. И. Донашевскій, К. А. Геромузо и И. Я. Гартенштейнъ.

Предметомъ занятій служило обсужденіе вопроса о степени участія каждаго изъ поименованныхъ обществъ и учреждений въ осуществленіи программы, намѣченной пушкинскою комиссіею по соглашенію съ представителями городского управления. При этомъ выяснилось, что однимъ изъ членовъ дирекціи одесскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества была написана ко дню пушкинскихъ празднествъ торжественная кантата и что для усиленія городского оркестра отдѣленіе готово предоставить какъ преподавателей, такъ и наиболѣе подготовленныхъ учениковъ своего музыкальнаго училища. По этому поводу представители одесскаго артистическаго кружка заявили, что для усиленія городского хора кружковъ въ свою очередь также готовъ предложить свои хоровыя силы. Отъ товарищества южно-русскихъ художниковъ послѣдовало заявленіе, что оно предполагаетъ издать сборникъ стихотвореній Пушкина съ рисунками членовъ товарищества и что нѣкоторые изъ числа послѣднихъ могутъ взять на себя изготовленіе ко дню юбилея художественныхъ программъ предполагаемаго акта, а также постановку живыхъ картинъ на пушкинскіе сюжеты въ городскомъ театрѣ или въ народной аудиторіи въ одинъ изъ пушкинскихъ юбилейныхъ дней. Общество садоводства предложило свои услуги по декорированію

памятника А. С. Пушкина на Приморскомъ бульварѣ актоваго зала. Фотографическое общество изъявило желаніе приготовить для украшенія актоваго зала или для выставки увеличенный фотографическимъ способомъ портретъ Пушкина и принять на себя фотографированіе различныхъ моментовъ юбилейныхъ празднествъ. Наконецъ редакція «Одесскаго Листка» выразила готовность доставить по требованію пушкинской комиссіи, сколько понадобится, хорошо исполненныхъ портретовъ А. С. Пушкина для раздачи ихъ народу во время чествованія памяти поэта.

Кромѣ того по вопросу о пушкинской выставкѣ было установлено, что литературно-артистическое общество уже успѣло собрать коллекцію гравюръ, портретовъ, фотографій и т. п. вещей, относящихся къ Пушкину и его времени, и разсчитываетъ на полученіе большого и весьма цѣннаго частнаго собранія предметовъ, отвѣчающихъ задачамъ выставки. Въ виду этого въ засѣданіи пушкинской комиссіи, происходившемъ при участіи вышепоименованныхъ депутатовъ 6 апрѣля 1899 г., было рѣшено предоставить организацію выставки литературно-артистическому обществу—въ составѣ особаго комитета. Въ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ секретаря общества И. А. Смирнова, вошли профессоръ В. М. Истринъ и П. А. Лавровъ (отъ университета), Э. Р. Ф.-Штернъ (отъ одесскаго общества исторіи и древностей), А. А. Павловскій (отъ одесскаго общества изящныхъ искусствъ), прив.-доц. М. Г. Попруженко (отъ одесской городской бібліотеки), художники—А. Х. Заузе, П. А. Нилусъ и Б. В. Эдуардъ (отъ товарищества южно-русскихъ художниковъ), бывшій профессоръ А. И. Маркевичъ и А. И. Черкасскъ (отъ одесскаго литературно-артистическаго общества), В. В. Королевъ и С. К. Гамалѣй (отъ одесскаго фотографическаго общества). При этомъ было высказано желаніе, чтобы на выставкѣ была представлена съ возможною полнотою и бібліографическая часть (изданія произведеній Пушкина, журналы, въ которыхъ они печатались, переводы ихъ на иностранные языки и т. п.). А такъ какъ для устройства выставки были необходимы значительныя затраты, то предполагалось установить за входъ на выставку нѣкоторую плату съ тѣмъ, чтобы за покрытіемъ расходовъ остатокъ выручки, еслибы таковой оказалась, былъ употребленъ на какое либо учрежденіе имени Пушкина.

Что касается академической части празднества, то выска-

зано было желаніе въ соотвѣтствіи съ первоначальнымъ проектомъ университетской пушкинской комиссіи, чтобы кромѣ торжественнаго акта, долженствовавшаго быть въ первый день юбилейнаго торжества, могло вслѣдъ затѣмъ состояться и публичное соединенное засѣданіе университета и учено-литературныхъ обществъ г. Одессы съ рефератами о Пушкинѣ. По времени такое засѣданіе могло бы быть отнесено на 27 мая, т. е. на второй день предстоявшаго празднества.

Въ результатъ этого обсужденія программы пушкинскихъ дней окончательно выработанъ былъ подробный общій планъ чествованія памяти поэта, который по разсмотрѣніи его въ засѣданіи совѣта университета 13 апрѣля 1899 г. и былъ утвержденъ послѣднимъ.

Вотъ этотъ планъ.

Планъ юбилейнаго торжества, устраиваемаго въ г. Одессѣ въ память столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина (26 мая 1799—1899 г.).

а) Празднества 26 мая 1899 г.

1. Въ 11 часовъ дня, послѣ богослуженія въ университетской церкви, на Приморскомъ бульварѣ, близъ памятника А. С. Пушкина, а если это окажется почему либо неосуществимымъ, то въ залѣ городской думы, имѣеть быть совершена, по возможности архіерейскимъ служеніемъ, общая торжественная панихида по А. С. Пушкину.

По окончаніи панихиды на памятникъ А. С. Пушкина, декорированный растеніями, возлагается вѣнокъ отъ городского общественнаго управленія и вѣнки отъ различныхъ обществъ и учреждений г. Одессы. Депутации, избранныя сими послѣдними для возложенія вѣнковъ, и учащіеся дефилируютъ передъ памятникомъ подъ звуки соединенныхъ оркестровъ военной музыки, послѣ чего оркестры размѣщаются на бульварѣ и исполняютъ въ продолженіи дня музыкальныя піесы, имѣющія связь съ произведеніями поэта.

Примѣчаніе. Возложеніе вѣнковъ рѣчами не сопровождается.

2. Въ 2¹/₂ часа пополудни въ залѣ новой биржи, а если это окажется невозможнымъ, то въ залѣ городской думы или же го-

родскаго театра, въ которомъ въ такомъ случаѣ должны быть сдѣланы необходимыя для того приспособленія, состоится торжественный актъ. Въ залѣ, декорированномъ растеніями, во время акта имѣеть быть выставленъ бюстъ А. С. Пушкина.

Примѣчаніе. Декорированіе растеніями памятника поэта на Приморскомъ бульварѣ и зала акта принимаетъ на себя одесское отдѣленіе Императорскаго общества садоводства.

Актъ состоитъ изъ двухъ частей — музыкальной и академической. Музыкальная часть, исполняемая городскими оркестромъ и хоромъ при участіи, по возможности, и другихъ оркестровыхъ и хоровыхъ силъ г. Одессы и подъ управленіемъ капельмейстеровъ гг. Прибика и Бернарди, организуется городской театальной комиссіею по соглашенію съ представителями одесскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества. При этомъ, еслибы оказалось возможнымъ составить эту часть изъ двухъ пушкинскихъ кантатъ и народнаго гимна, то кантата меньшаго объема должна предшествовать академической части, а кантата большаго объема — слѣдовать за рѣчами университетскихъ представителей. Гимнъ исполняется въ концѣ акта.

Академическая часть акта составляется изъ двухъ рѣчей профессоровъ В. М. Истрина и А. Е. Назимова, за коими послѣдуетъ приѣмъ депутацій отъ обществъ и учреждений съ принесеніемъ привѣтствій и сообщеніе постановленій о медаляхъ, преміяхъ, изданіяхъ и другихъ формахъ увѣковѣченія чествованія дня 26 мая 1899 г. въ Одессѣ. Приѣмъ депутацій, равно какъ и почетныхъ гостей, производится особымъ комитетомъ, во главѣ коего находятся ректоръ университета и городской голова.

Участники торжества, почетные посѣтители и депутаты получаютъ художественно исполненную программу акта, выполненіе которой возлагается на товарищество южнорусскихъ художниковъ.

Ученики и ученицы народныхъ и городскихъ школъ, принимающіе участіе въ процессіи у памятника поэта, также получаютъ на память о празднествѣ особо изданную городомъ брошюру о Пушкинѣ.

б) Празднества 27 мая

(второй день торжества).

1. Утромъ въ городскомъ театрѣ бесплатный спектакль для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, устраиваемый городомъ,—народныя чтенія о Пушкинѣ въ городскихъ аудиторіяхъ и въ пригородныхъ селахъ, устраиваемыя одесскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, и въ университетѣ—публичное соединенное засѣданіе университета и учено-литературныхъ обществъ съ рефератами о Пушкинѣ гг. проф. И. А. Линниченко, П. А. Лаврова, А. И. Маркевича и И. А. Смирнова. Во время чтеній въ аудиторіяхъ, въ чайной попечительства о народной трезвости, въ домѣ трудолюбія происходитъ раздача художественно исполненнаго портрета Пушкина, бесплатно предоставляемаго для этой цѣли г. редакторомъ «Одесскаго Листка» въ количествѣ экземпляровъ, какое окажется нужнымъ.

Примѣчаніе. На публичномъ собраніи университета и учено-литературныхъ обществъ представительство принадлежитъ комитету, образованному изъ предсѣдателей обществъ съ ректоромъ университета во главѣ.

2. Вечеромъ того же дня въ аудиторіяхъ спектакли или литературно-музыкальные вечера съ пушкинскими программами, а если окажется свободнымъ городской театръ, то и въ немъ платный художественно-литературно-музыкальный вечеръ съ постановкою живыхъ картинъ на пушкинскіе сюжеты. Чистый сборъ съ вечера обращается въ пользу голодающихъ или на учрежденіе стипендіи имени Пушкина при Новороссійскомъ университетѣ, или же на какое либо иное установленіе имени поэта.

в) Пушкинская выставка.

Въ связи съ юбилейными празднествами 26 и 27 мая 1899 года съ 20-го мая въ помѣщеніи литературно-артистическаго общества (на Николаевскомъ бульварѣ) имѣетъ быть открыта выставка печатныхъ произведеній и художественныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину, какъ то—изданій сочиненій А. С. Пушкина, ихъ переводовъ на иностранныя языки, журналовъ, въ коихъ эти сочиненія печатались, картинъ на

Пушкинскія темы, гравюръ, фотографій, портретовъ какъ самаго поэта, такъ и лицъ, къ нему близкихъ, и т. п. Въ устройствѣ означенной выставки принимаетъ участіе коммисія изъ представителей фотографическаго общества, литературно-артистическаго общества, товарищества южно-русскихъ художниковъ, одесскаго общества исторіи и древностей, общества изящныхъ искусствъ, городской общественной библіотеки и профессоровъ В. М. Истрина и П. А. Лаврова. Входъ на выставку въ дни празднествъ 26 и 27 мая предоставляется исключительно учащимся бесплатно, причѣмъ имъ даются надлежащія разъясненія гг. устроителями выставки. Въ остальные дни за посѣщеніе выставки взимается плата (15 коп.), обрабаемая вмѣстѣ съ суммами, выручаемыми отъ продажи каталога выставки (10 коп.), на покрытіе расходовъ по ея устройству. Остатокъ отъ этого сбора обращается въ пользу голодающихъ.

Примѣчаніе. *Описаніе юбилейнаго торжества со включеніемъ въ это описаніе рѣчей и рефератовъ, какіе будутъ произнесены на актѣ 26 мая и въ соединенномъ собраніи университета и обществъ 27 мая, имѣетъ быть издано въ свѣтъ университетомъ въ видѣ особаго сборника.*

Въ дѣйствительности не все предположенія университетской пушкинской коммисіи, выраженные въ этомъ планѣ, могли осуществиться. Такъ напр. оказалось, что ко времени пушкинскаго юбилея городская исполнительная театральная коммисія не располагала въ достаточной мѣрѣ артистическими силами, чтобы выполнить цѣликомъ программу второго дня празднества. Затѣмъ не задолго до юбилея отъ члена одесскаго литературно-артистическаго общества И. А. Смирнова поступило заявленіе, что, будучи занятъ устройствомъ пушкинской выставки, онъ не имѣетъ времени для подготовленія рѣчи ко дню публичнаго засѣданія университета и учено-литературныхъ обществъ, и въ виду этого число рѣчей пришлось ограничить тремя. Встрѣтились также нѣкоторыя затрудненія и въ осуществленіи перваго пункта программы: торжественная панихида 26-го мая состоялась не на Приморскомъ бульварѣ, близъ памятника Пушкина, какъ предполагалось, а въ залѣ городской думы, а процессія учащихся была отмѣнена. Роскошный залъ новой биржи ко дню

юбилея А. С. Пушкина оказался не вполне готовымъ, и торжественный актъ рѣшено было устроить въ городскомъ театрѣ. Наконецъ, въ самой программѣ акта пришлось измѣнить порядокъ его частей.

Но всѣ эти незначительныя отступленія отъ программы, отчасти предусмотрѣнныя уже пушкинскою комиссіею, нисколько не отразились на великолѣпнѣмъ празднествѣ, имѣвшаго въ общемъ грандіозный характеръ.

Желая по возможности содѣйствовать наиболѣе широкому проникновенію въ массы одесскаго населенія правильныхъ воззрѣній на историческое и общественное значеніе А. С. Пушкина и его поэзіи, уже задолго до наступленія «пушкинскихъ дней» одесскія ученые и литературныя общества посвятили памяти великаго поэта экстренныя засѣданія и публичныя чтенія.

Первымъ и въ этомъ отношеніи оказалось историко-филологическое общество при Новороссійскомъ университетѣ, организовавшее цѣлый рядъ публичныхъ лекцій «О литературныхъ и общественныхъ отношеніяхъ пушкинской эпохи», прочтенныхъ въ теченіи марта 1899 г. въ актовомъ залѣ университета профессоромъ В. М. Истринымъ.

Славянское благотворительное общество также особо чествовало память А. С. Пушкина въ торжественномъ общемъ собраніи своихъ членовъ въ день свв. первоучителей славянства Кирилла и Меѳодія 11 мая 1899 г. Чествованіе происходило въ городской народной аудиторіи. Оно началось пространною рѣчью профессора В. Н. Мочульскаго «О вліяніи поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа», по окончаніи которой на сценѣ, изображавшей роскошный садъ, предъ бюстомъ поэта, утопавшимъ въ зелени, мужскимъ и женскимъ хоромъ любителей была исполнена «Слава» великому генію земли русскою и кантата, спеціально написанная къ пушкинскимъ празднествамъ г. Ивановымъ.

Въ воскресенье 23 мая, въ 7 часовъ вечера, состоялось затѣмъ къ помѣщенію одесскаго городского кредитнаго общества посвященное памяти А. С. Пушкина торжественное собраніе членовъ одесскаго общества любителей науки, литературы и искусства. Послѣ краткой вступительной рѣчи предсѣдательствовавшего въ собраніи профессора А. Н. Деревицкаго былъ прочтенъ профессоромъ П. Е. Казанскимъ обширный докладъ на тему «Народ-

ное значеніе А. С. Пушкина», а затѣмъ послѣдовали сообщенія д-ра А. А. Цѣновскаго на тему «Пушкинъ въ музыкѣ» и Г. М. Пекатороса — «Взглядъ А. С. Пушкина на поэзію».

Но обращаемся къ описанію чествованія памяти великаго поэта 26 мая, т. е. въ самый день столѣтняго юбилея его рожденія.

Чествованіе началось въ 9 час. утра заупокойною обѣденою и панихидою въ домовою церквѣ университета, совершеною въ присутствіи ректора, профессоровъ, студентовъ и постороннихъ лицъ заслуженнымъ профессоромъ, о. протоіереемъ В. М. Войтковскимъ. Предъ началомъ панихиды о. Войтковскій произнесъ рѣчь, которая помѣщается въ настоящемъ сборникѣ ниже. По окончаніи же богослуженія въ университетской церквѣ начался съѣздъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, учреждений и обществъ, а также почетныхъ гражданъ и старожиловъ города Одессы къ торжественной панихидѣ, долженствовавшей быть въ залѣ одесской городской думы.

Вся думская площадь и Николаевскій бульваръ къ этому времени приняли праздничный видъ. Памятникъ поэта былъ красиво декорированъ тропическими растеніями и увѣнчанъ лаврами. У памятника полукругомъ были размѣщены воспитанники и воспитанницы всѣхъ народныхъ училищъ со своимъ начальствомъ во главѣ. Противъ памятника, у портика зданія городской думы, были поставлены живописными группами хоры воспитанниковъ городскихъ народныхъ училищъ со значками, въ количествѣ до 1500 человекъ. Тутъ же находились хоры военной музыки, городского сиротскаго дома и училища Ефрусси. Фасадъ зданія думы былъ пышно разубранъ гербами, флагами и гирляндами изъ зелени—со щитами и лирами наверху. По прилегающимъ къ бульвару улицамъ и площадямъ были установлены флаштки съ гербами города, также украшенные зеленью.

Думскій залъ былъ роскошно декорированъ флагами, гербами и щитами. Въ два ряда отъ входа до анаоя, временно

установленнаго въ глубинѣ зала, близъ портрета державной основательницы г. Одессы, императрицы Екатерины II, были разставлены вазоны съ тропическими растеніями. За портретомъ, въ полукругѣ, помѣстился хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Въ 11 часовъ почетныя лица, приглашенныя на торжество, были въ сборѣ, и началась панихида, которую совершалъ настоятель кафедральнаго собора о. Г. Селецкій въ сослуженіи ключаря собора о. В. Величко и свящ. о. С. Петровскаго. О. Селецкій предъ началомъ богослуженія обратился къ присутствовавшимъ съ краткою рѣчью, въ которой выяснялъ съ религіозной точки зрѣнія смыслъ воспоминаемаго событія. За панихидою послѣдовала актъ торжественнаго возложенія вѣнковъ отъ учреждений и обществъ г. Одессы на памятникъ А. С. Пушкина на Приморскомъ бульварѣ. Всѣ почетныя лица, присутствовавшія при панихидѣ, отправились къ памятнику и заняли мѣста по обѣимъ сторонамъ его. По аллеямъ прилегающей части Николаевского бульвара были шеренгами установлены воспитанники и воспитанницы городскихъ народныхъ училищъ. Вся Биржевая площадь и бульваръ были запружены толпами народа; массы зрителей усѣивали собою окна, балконы и крыши домовъ. На крышахъ же расположились со своими аппаратами и фотографы, желавшіе закрѣпить послѣдовательными снимками всѣ наиболѣе выдающіеся моменты юбилейнаго торжества.

Капельмейстеръ В. Г. Завадскій взошелъ на воздвигнутое для него предъ зданіемъ думы возвышеніе, и подъ его управленіемъ колоссальный хоръ воспитанниковъ городскихъ училищъ при участіи духового оркестра учениковъ училища Ефрусси (подъ управленіемъ К. Константины), струннаго оркестра 1-го и 2-го казенныхъ еврейскихъ училищъ (подъ управленіемъ Штейнмана) и военныхъ хоровъ Люблинскаго полка и саперной бригады исполнилъ гимнъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Подъ торжественные звуки этого гимна началось шествіе депутацій съ вѣнками, растянувшееся красивою лентою на всемъ протяженіи отъ городской думы до памятника. Депутаты слѣдовали другъ за другомъ группами, неся перевитые лентами вѣнки, и, подошедъ къ памятнику, благоговѣнно слагали ихъ къ подножію его. Всѣхъ депутатовъ было до 150 человекъ. Шествіе ихъ открывалъ городской голова П. А. Зеленый. За нимъ слѣдовали его товарищъ А. А. Швенднеръ и

членъ управы К. Э. Андреевскій, далѣе—депутація отъ херсонскаго губернскаго земства съ губернскимъ предводителемъ дворянства Н. О. Сухомлиновымъ во главѣ, за нею депутація отъ одесскаго уѣзднаго земства, отъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей, историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ, славянскаго благотворительнаго общества имени свв. Кирилла и Меѳодія, общества любителей науки, литературы и искусства, одесскаго литературно-артистическаго общества, общества вспомошествованія литераторамъ и ученымъ, общества естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ, редакцій мѣстныхъ газетъ, питомцевъ Императорскаго Александровскаго лицея, присяжныхъ повѣренныхъ округа одесской судебной палаты, консулціоннаго бюро при одесскомъ городскомъ съѣздѣ мировыхъ судей, женскаго коммерческаго училища Е. А. Бухтѣевой, одесскаго коммерческаго училища, одесскаго педагогическаго общества взаимопомощи, одесскаго общества изящныхъ искусствъ, товарищества южно-русскихъ художниковъ, одесскаго артистическаго кружка, артистовъ московскаго Малаго театра, одесскаго балнеологическаго общества, одесскаго отдѣленія Императорскаго общества садоводства, южно-русскаго общества сельскаго хозяйства, служащихъ одесской городской управы, одесской городской публичной библіотеки, лекціоннаго комитета одесской городской народной аудиторіи, учителей и учительницъ городскихъ народныхъ училищъ, городской воскресной школы на Пересыпи, общества русскихъ врачей въ г. Одессѣ, общества одесскихъ врачей, одесскаго фармацевтическаго общества, одесскаго одонтологическаго общества, общества содержателей аптекъ въ г. Одессѣ.

Вѣнки, одѣвшіе живописнымъ покровомъ пьедесталъ памятника, были оставлены на мѣстѣ до конца дня 26 мая, не переставая привлекать толпы любопытныхъ.

Когда шествіе депутацій закончилось, соединенные оркестры и хоры исполнили кантату въ честь А. С. Пушкина, написанную г. Главачемъ на слова Б. К. Случевского («Зазвучали наши хоры») и «Славу» Пушкину—мѣтнаго композитора (В. Г. Завадскаго). Торжество у памятника поэта завершилось троекратнымъ исполненіемъ народнаго гимна при громкихъ вликахъ «ура!».

Въ тотъ же день, въ 2¹/₂ часа, состоялся въ присутствіи многочисленной публики торжественный актъ въ городскомъ театрѣ, сцена котораго на этотъ разъ обратилась въ академическій залъ. На эстрадѣ, временно устроенной надъ мѣстомъ оркестра и составлявшей продолженіе сцены, которая такимъ образомъ была какъ бы выдвинута впередъ, на возвышеніи красовался бюстъ поэта, убранный зеленью. Справа отъ зрителей была установлена кафедра, также утопавшая въ зелени, слѣва—покрытый зеленою скатертью столъ, за которымъ предъ началомъ акта заняли мѣста члены представительствовавшего на актѣ комитета съ ректоромъ университета $\Theta.$ Н. Шведовымъ и городскимъ головою П. А. Зеленымъ во главѣ. Кромѣ упомянутыхъ лицъ въ составъ комитета входили профессора А. Н. Деревницкій, А. А. Кочубинскій, В. М. Истринъ, И. А. Линниченко, А. Е. Назимовъ, членъ историко-филологическаго общества А. И. Маркевичъ и секретарь городской управы И. Н. Денисевичъ.

Въ глубинѣ сцены расположился городской оркестръ, усиленный преподавателями и учениками одесскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества, а впереди—хоръ городского театра, одѣтый въ русскіе національные костюмы и также усиленный женскими хорами дѣтскаго пріюта имени Императрицы Маріи Феодоровны и городскихъ дѣвичьихъ училищъ.

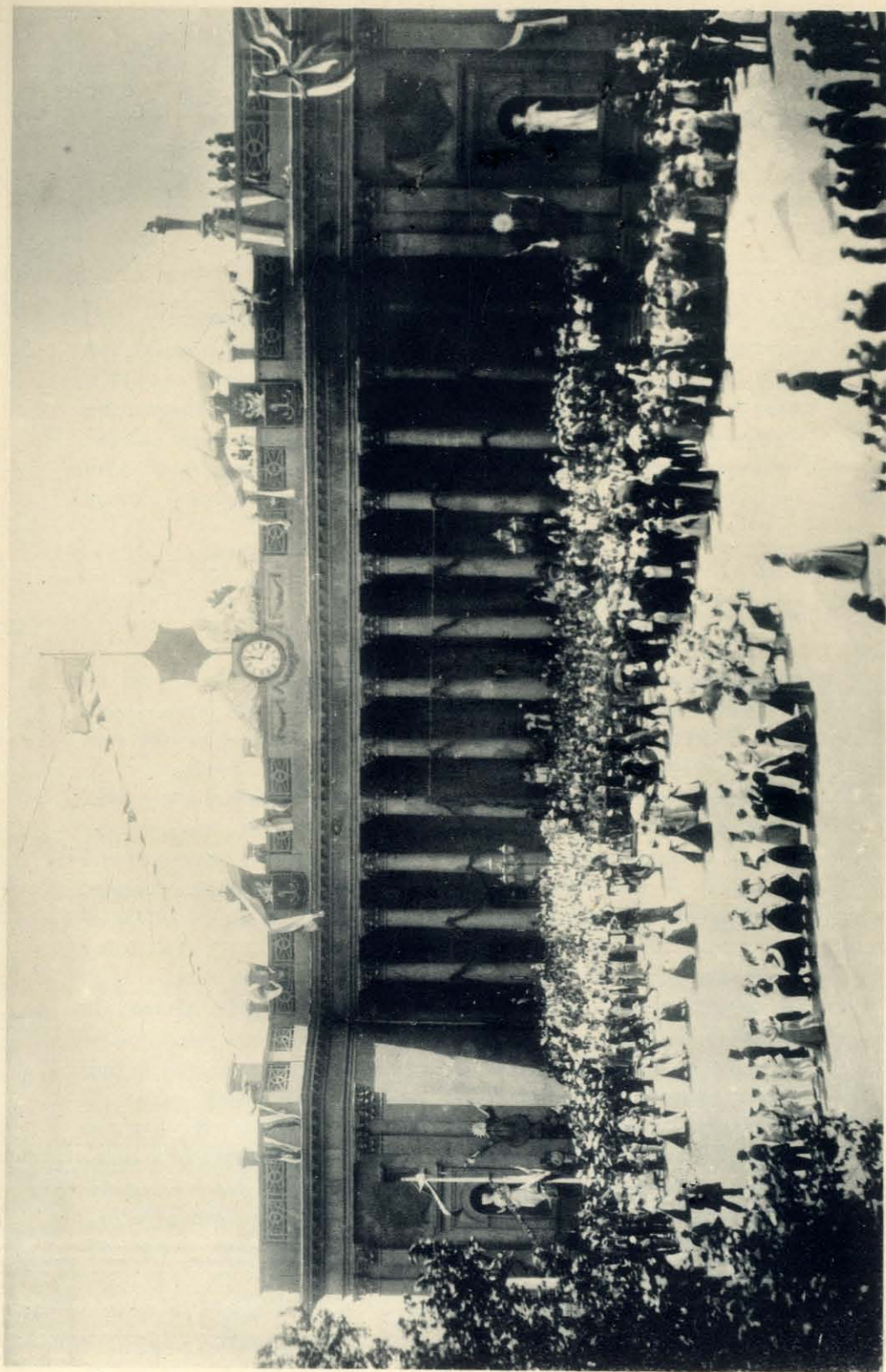
Публикѣ, наполнявшей театръ, при входѣ раздавались изящно отпечатанныя въ краскахъ, а отчасти и разрисованныя отъ руки, программы «Пушкинскихъ дней въ Одессѣ», исполненныя по рисункамъ художниковъ П. А. Нилуса и Н. Н. Лепетича.

Ректоръ университета объявилъ торжественное засѣданіе открытымъ, и началось принесеніе привѣтствій.

Шествіе открыла депутація отъ одесскаго городского общественнаго управленія въ лицѣ трехъ гласныхъ,—проф. Е. Ф. Клименко, $\Theta.$ В. Адаменко и контръ-адмирала А. В. Житкова. При этомъ проф. Е. Ф. Клименко прочелъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Въ этотъ торжественный день всеобщаго преклоненія предъ заслугами великаго поэта земли русской, мы являемся депутатами отъ общественнаго управленія того города, гдѣ жилъ поэтъ и гдѣ, по его словамъ,

Табл. II.

Фотогр. А. Чолака, Одесса.

Процессія учащихся предъ памятникомъ Пушкина.

Такъ долго ясны небеса,
Гдѣ хлопотливо торгъ обильный
Свой подьемлетъ паруса,
Гдѣ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой,
Гдѣ солнце южное и море...

«Назначенные думой для принятія участія въ этомъ торжественномъ актѣ Императорскаго Новороссійскаго университета и одесскаго городского управления въ честь Пушкина, мы привѣтствуемъ здѣсь университетъ, этотъ храмъ науки, источникъ знанія, истины и добра, въ честь того, кто «памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный», къ которому «не заростетъ народная тропа»,—кто долго будетъ

•Любезенъ тѣмъ народу,
Что чувства добрыя онъ ларой пробуждалъ,
Что въ свой жестокий вѣкъ возславилъ онъ свободу
И милость къ падшимъ призывалъ»—

съ душевнымъ пожеланіемъ, чтобы въ этомъ источникѣ знанія продолжали черпать свои духовныя силы молодые поколѣнія еще многіе годы на благо ихъ родины».

Вторымъ почтимо память А. С. Пушкина старѣйшее одесское ученое общество, — общество исторіи и древностей, представителями котораго были члены его, предсѣдатель перваго гражданскаго департамента одесской судебной палаты А. В. Лонгиновъ, проф. Э. Р. фонъ-Штернъ и преподаватель Х. П. Ящуржинскій. Ихъ привѣтствіе было изложено въ слѣдующихъ словахъ:

«Слова поэта — его дѣла», сказалъ нашъ великій поэтъ Пушкинъ. Прошло время, когда предметомъ исторіи признавались только громкія политическія событія. Исторія духовной жизни народа представляетъ гораздо болѣе важный интересъ, и Пушкинъ былъ выдающимся русскимъ историческимъ дѣятелемъ, а «Евгеній Онѣгинъ» и «Борисъ Годуновъ» болѣе крупными историческими событіями, нежели современныя имъ событія. Императорское одесское общество исторіи и древностей, высоко чтя Пушкина, какъ популяризатора въ русскомъ обществѣ историческихъ свѣдѣній и какъ поэта, прославившаго нашъ югъ,

видитъ еще большую заслугу въ его проповѣди мира и гуманности и желаетъ лишь одного, чтобы по великодушному слову нашего Державнаго Повелителя воцарился на землѣ вѣчный миръ и историки изучали-бы дѣятельность такихъ лицъ, какъ Пушкинъ, лучшихъ выразителей народнаго генія».

Отъ имени славянскаго благотворительнаго общества была произнесена привѣтственная рѣчь предѣдателемъ С. И. Знаменскимъ, явившимся на актъ во главѣ депутаціи изъ членовъ общества—М. В. Шимановскаго, Е. О. Рандича и М. М. Синцова. Вотъ эта рѣчь :

«Сегодня вся Россія участвуетъ въ торжествахъ въ честь знаменитаго русскаго поэта А. С. Пушкина».

«Одесское славянское общество съ особенной готовностью присоединяется къ этому величанію славнаго поэта, имя коего связано съ дѣятельностью славянскаго общества».

«Назадъ тому 18 лѣтъ одесское славянское общество въ ознаменованіе пребыванія А. С. Пушкина въ Одессѣ установило доску на домѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ. На долю славянскаго общества выпала честь соорудить и открыть ему памятникъ въ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ. Въ теченіе всего періода своей дѣятельности, направленной на просвѣщеніе одесскаго трудящагося населенія, славянское общество на первомъ мѣстѣ поставило ознакомленіе его съ великими произведеніями А. С. Пушкина».

«Не намъ, конечно, входить въ оцѣнку его литературной дѣятельности, опредѣлять значеніе ея и вліяніе на развитіе русскаго поэзіи. Да заслуги Пушкина въ этомъ отношеніи уже признаны не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только чтится поэзія!»

«Помолившись объ упокоеніи души покойнаго поэта, мы провозглашаемъ: да живетъ, развивается и процвѣтаетъ отечественная литература!»

«Да изобилуетъ земля русская людьми, достойными славы и чести! Слава русскому Царю, Покровителю наукъ и искусствъ! Слава Россіи, сыномъ которой былъ Пушкинъ! Вѣчная слава Пушкину, великому русскому поэту!»

Одесское общество любителей науки, литературы и искусства, представленное на актѣ предѣдателемъ его т. сов.

Г. Г. Маразли и членами проф. П. Е. Казанскимъ и Г. М. Пекаторосомъ, посвятило чувствуемому событію слѣдующія слова:

«Много лѣтъ прошло со времени кончины великаго поэта, но не заросла народная тропа къ его нерукотворному памятнику, къ его вдохновеннымъ трудамъ. Народъ русскій на всемъ пространствѣ нашей страны призналъ его своимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ. По прежнему онъ идетъ къ нему, поэту и учителю,—учителю красоты и истины, учиться думать и чувствовать».

«Народный поэтъ открылъ намъ красоту нашей скромной сѣверной природы, показалъ, что душа русскаго народа, его жизнь и его исторія—предметъ, достойный поэзіи. Онъ понялъ, почувствовалъ и выразилъ въ бессмертныхъ звукахъ и образахъ то доброе, то великое и то истинное, что хранитъ въ душѣ русскій народъ».

«Чарами своихъ пѣсенъ онъ скрѣпилъ народное единство Россіи. Онъ облегчилъ племенамъ, населяющимъ наше государство, взаимное пониманіе другъ друга и открылъ всѣмъ духовное могущество того племени, которое стоитъ во главѣ страны. Онъ отыскалъ для насъ союзниковъ за предѣлами государства и оставилъ въ родственныхъ народахъ сознаніе близости къ намъ. Онъ и его достойные предшественники и послѣдователи дали намъ право занять мѣсто среди великихъ просвѣщенныхъ народовъ. Въ лицѣ его мы празднуемъ свое духовное единство и духовную мощь».

«Да живетъ-же на вѣки память великаго поэта-учителя и да живутъ въ насъ, крѣпнутъ и развиваются, согласно требованіямъ времени, его добрые уроки: уроки красоты и истины, любви къ родинѣ, высокой человѣчности, стремленія къ миру, свободѣ, законности и просвѣщенію».

Представителями одесскаго литературно-артистическаго общества были И. А. Смирновъ и П. А. Нилусъ. Ихъ рѣчь была такова:

«Вѣрится, будто

«Бреговъ забвенья
Оставя хладну сѣнь»,

въ этотъ часъ слетѣла къ намъ поэта

«Признательная тѣнь»...

«Да будетъ-же ему мило и наше воспоминаніе, да будутъ милы ему эти минуты чистаго восторга передъ великимъ образомъ русскаго гениа,—передъ образомъ того, кто

«... Не унижалъ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной».

Отъ имени общества сельскаго хозяйства привѣтствіе принесено было членами его С. Н. Сомовымъ и А. А. Бычихиномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Сегодня, въ день столѣтней годовщины рожденія безсмертнаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, Императорское общество сельскаго хозяйства Южной Россіи, присоединяясь къ торжественному чествованію его памяти всею мыслящею, всею грамотною Россіею, привѣтствуетъ тѣнь нашего великаго національнаго гениа.

«Поэтъ-художникъ, поэтъ глубоко-національный, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ оставилъ настолько глубокой слѣдъ въ исторіи русской жизни, что нѣтъ общественной организаціи, нѣтъ корпораціи и группы, нѣтъ классовъ и сословій, которыя не пользовались-бы плодами его служенія русскому слову и русской мысли.

«Живой, ясный, простой, звучный и образный языкъ его произведеній, донынѣ никѣмъ не превзойденный, составилъ эпоху въ развитіи русскаго слова и, сближая книжный и разговорный языкъ, облегчилъ проникновеніе въ массу населенія всякаго рода знаній и произведеній русской литературы.

«На дивныхъ образахъ, созданныхъ Александромъ Сергѣевичемъ, на высокихъ идеалахъ, которые онъ оставилъ обществу, воспитались, воспитываются и будутъ воспитываться многія поколѣнія.

«Эти идеалы,—идеалы гуманности, правды и служенія обществу, должны лежать въ основѣ всякой дѣятельности, какихъ-бы сторонъ народной жизни она не касалась. Эти идеалы свѣтятъ всѣмъ, они согрѣваютъ жизнь и даютъ глубокой внутренней смыслъ самому заурядному, самому будничному, честному труду. Они соединяютъ неразрывною цѣпью и мыслителя, и поэта, и ученаго, и простого работника.

«Въ лицѣ А. С. Пушкина Императорское общество сельскаго хозяйства Южной Россіи привѣтствуетъ память великаго народнаго поэта, вдохновлявшаго и подготовлявшаго для дружной работы на пользу ближняго всѣ группы русскаго народа».

Депутація отъ одесскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества явилась въ составѣ предсѣдателя отдѣленія ген.-лейт. Н. А. Денпа, товарища предсѣдателя С. О. Стемпковскаго и членовъ Г. М. Вольфензона и А. Г. Бернардацци. Г. Вольфензонъ при этомъ произнесъ:

«Сегодня Россія чествуетъ память одного изъ самыхъ славныхъ сыновъ своихъ. Не одна Россія прославляетъ имя Пушкина. Въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только цѣнятся человѣческой гении, гдѣ проявленія тонкаго и блестящаго ума, вылитыя въ чудныя формы, чаруютъ воображеніе людей, гдѣ горячія побужденія благороднаго сердца плѣняютъ сердце и мысль, — вездѣ тамъ обликъ русскаго поэта окруженъ неотразимымъ обаяніемъ. Онъ явилъ міру все богатство, всю гибкость русскаго языка. Его гении извлекъ изъ глубины этого дотошъ малоразработаннаго рудника невѣдомыя предкамъ драгоценности. Рукою вдохновеннаго художника онъ придалъ имъ изящную обработку, подарилъ своему народу — всему человѣчеству — образцы неподражаемаго искусства. Преклоняясь передъ этою техникою высшаго порядка, отмѣченной печатью гениа, наше общество не можетъ молча остаться въ сторонѣ, не можетъ не присоединиться ко всеобщему чествованію дорогаго имени великаго художника и зодчаго русской мысли и слова! Со всѣми соотечественниками, со всѣми вами, господа, со всѣми мыслящими людьми—члены одесскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества приносятъ свою дань неувидаемой признательности и почитанія дорогаго памяти благороднаго сына земли русской».

Привѣтъ, принесенный депутаціею отъ одесскаго общества вспомошествованія литераторамъ и ученымъ, былъ слѣдующій:

«Великій поэтъ! Живя въ Одессѣ, въ этомъ торговомъ, практическомъ, въ твое время интернаціональномъ, но европейски цивилизованномъ городѣ, свободномъ отъ многихъ предрасудковъ, ты впервые пришелъ къ убѣжденію, что жить литературнымъ трудомъ не только не позорно, какъ тогда думали, но и почетно. Ты первый изъ тѣхъ, кто доказалъ, что слава, по-

четь, положеніе въ обществѣ, т. е. все то, что давалось тогда только по службѣ государственной, можно завоевать и литературнымъ трудомъ. Ты первый положилъ начало особому сословію литераторовъ, ряды котораго съ того времени все болѣе и болѣе увеличиваются, и въ настоящее время съ высоты Престола служба литературная признается службой государству, за которую выдается пенсія. Русское общество не только оплачиваетъ труды цѣлой арміи литераторовъ, но и поддерживаетъ ихъ въ нуждѣ и старости. Одесское общество вспомошествованія литераторамъ и ученымъ склоняетъ колѣна передъ памятью великаго поэта и перваго русскаго писателя, который исключительно литературнымъ трудомъ завоевалъ родному печатному слову почетное положеніе въ обществѣ и государствѣ».

Одесское педагогическое общество взаимопомощи, представленное въ качествѣ депутатовъ предсѣдателемъ общества К. А. Пятницкимъ и членами Ф. К. Юргенсономъ и С. И. Березинимъ, поднесло комитету художественно исполненный адресъ, текстъ котораго былъ написанъ славянскою вязью и окруженъ акварельной виньеткой символическаго характера. Вотъ этотъ текстъ:

«Одесское педагогическое общество взаимопомощи съ чувствомъ благоговѣнія присоединяется къ чествованію памяти великаго поэта, столь близкаго и дорогаго нашей школѣ, которая въ его вдохновенныхъ произведеніяхъ почерпаетъ національный, чистый и художественный матеріалъ, драгоценный для образовательныхъ и воспитательныхъ цѣлей.

«Въ школѣ, гдѣ свѣтлый и широкій потокъ пушкинской поэзіи вливается въ жизнь въ лицѣ подрастающихъ поколѣній, особенно сильно чувствуется могучее воспитательное значеніе гениальнаго творчества поэта: въ живыхъ и обаятельныхъ созданіяхъ Пушкина, обнимающихъ своимъ содержаніемъ всю ширь и разнообразіе нашего отечества, въ откровеніяхъ величавой музы поэта наше юношество слышитъ вѣчный призывъ къ «лелѣющей душу гуманности» и къ тѣмъ идеаламъ нравственнаго совершенства, истины и красоты, которые только одни даютъ возможность понимать поэзію жизни.

«Пусть же эти возвышенные идеалы, эти могучіе подъемы мысли и чувства вѣчно горятъ своимъ ровнымъ и сильнымъ свѣтомъ добра и правды, ярко освѣщая широкую и торную на-

родную дорогу къ покрытому вѣнками безсмертія памятнику поэта, который своей лирой пробуждалъ въ людяхъ добрыя чувства и «милость къ падшимъ призывалъ».

Лекціонный комитетъ городской народной аудиторіи въ лицѣ И. Л. Руденко и А. А. Андреевскаго почтилъ память А. С. Пушкина такими словами:

«Великъ и прекрасенъ твой «памятникъ нерукотворный», поэтъ-учитель русской земли! Но, увы! — знаютъ и достойно чтутъ его пока лишь тысячи русскихъ людей, и народная тропа къ нему еще далеко не протоптана. Утоптать и расширить ее, чтобы легко и свободно могли ходить по ней миллионы русскихъ людей,—объ этомъ заботится, между прочимъ, и лекціонный комитетъ при городской народной аудиторіи, посильно выполняя свою задачу—путемъ общедоступныхъ лекцій просвѣщать массу городского рабочаго населенія. Лекціонный комитетъ близко къ сердцу принялъ твое желаніе:

«Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.

«Онъ воодушевляетъ себя твоею горячею вѣрою, что зло и неправда «померкнутъ предъ солнцемъ безсмертнымъ ума», что

. взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россия воспрянетъ ото сна!...

«Въ день исполнившагося столѣтія со дня твоего рожденія, добрый печальникъ земли русской, великій работникъ на нивѣ ея просвѣщенія, лекціонный комитетъ не находитъ лучшаго пожеланія, которое могъ-бы выразить въ эту торжественную минуту чествованія твоей памяти, какъ слѣдующее: дай Богъ, чтобы свободными усилиями просвѣщенныхъ людей возможно скорѣе была-бы проложена широкая тропа, по которой могъ-бы свободно и сознательно ходить къ нерукотворному памятнику поэта дѣйствительно весь русскій народъ, чтобы по всей Руси великой зналъ бы Пушкина и чтилъ его «всякъ сущій въ ней языкъ». Да горитъ яркимъ свѣтомъ во вѣки и вѣки этотъ памятникъ поэта, который, какъ путеводный маякъ въ

житейскомъ морѣ, озаряетъ души всего русскаго народа свѣтомъ истины, добра и красоты!».

Депутатами отъ товарищества южно-русскихъ художниковъ явились П. А. Нилусъ и Н. Н. Лепетичъ. Привѣтственное слово, сказанное первымъ изъ нихъ, гласило:

«Товарищество южно-русскихъ художниковъ сегодня, въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія нашего великаго художника А. С. Пушкина, привѣтствуетъ этотъ свѣтлый, радостный праздникъ русской мысли, русскаго слова и счастливо возможностью присоединиться къ всенародному торжеству».

Отъ имени одесскаго фотографическаго общества его председателемъ Л. П. Шпановскимъ, явившимся во главѣ депутаціи изъ членовъ общества Б. Готлиба, Е. Князева и А. Посохова, было произнесено слѣдующее:

«Представляя одесское фотографическое общество, служащее благотворной силѣ свѣта, мы привѣтствуемъ великаго поэта земли русской, своими бессмертными твореніями распространявшаго свѣтъ истины, добра и красоты, и восклицаемъ словами его: «да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!».

Редакторъ «Записокъ крымскаго горнаго клуба» А. И. Маркевичъ произнесъ затѣмъ привѣтствіе отъ этого учрежденія, причемъ обратилъ преимущественное вниманіе на то значеніе, какое имѣла поэзія Пушкина на культурное развитіе Крыма.

Далѣе слѣдовало привѣтствіе отъ одесскаго фармацевтическаго общества, приславшаго на актъ депутацію въ составѣ председателя А. Э. Танчука, и члена И. И. Васильковскаго. Оно гласило:

«Счастливы тотъ, кто, при жизни срывая тернистые шины судьбы, провидитъ растущіе на гробу своемъ блестящіе лавры. Такимъ вѣщимъ предчувствіемъ одаренъ былъ чествуемый нами сегодня гениальный поэтъ: «я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,—къ нему не заростетъ народная тропа!»... Сбылось, великій гений, твое предсказаніе!».

Корпорация присяжныхъ повѣренныхъ округа одесской судебной палаты выставила своими представителями гг. В. Я. Протопопова, И. Г. Тиктина и Г. Б. Прушинскаго. При этомъ г. Протопоповъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«И мы, скромные работники въ области правоваго слова, въ столѣтній юбилей твой явились съ привѣтомъ тебѣ, великій

учитель русскаго слова!... Есть повѣрье, признающее существованіе въ морѣ девятаго вала; валь этотъ могучъ, а для пловцовъ иной разъ является и роковымъ. При неизслѣдованности законовъ бытія человѣческаго духа, возможно и въ его области допустить существованіе такого же представленія о девятомъ валь. И въ самомъ дѣлѣ, проходятъ ряды десятилѣтій въ жизни человѣчества, совершенно безразличныхъ, безцвѣтныхъ, мыслію плодovitой не отмѣченныхъ; но вдругъ, по неизвѣстнымъ законамъ, вздымается девятый валь въ области духа, и на высококомъ гребнѣ его появляются свѣточи, ведущіе къ добру, правдѣ и нравственной красотѣ. Эпохой девятаго вала въ области человѣческаго духа несомнѣнно слѣдуетъ считать конецъ минувшаго и начало истекающаго вѣка: въ Англіи—Байронъ, въ Германіи—Гейне, во Франціи—Гюго, въ Россіи—Пушкинъ появляются почти одновременно. Вотъ тѣ свѣточи, которые озаряютъ путь къ культурѣ, путь къ цивилизаціи. И счастливы тѣ народы, у которыхъ появляются такіе гени,—путь этихъ народовъ освѣщеніе, яснѣе, нужно только слѣдовать по этому пути. Счастье выпало и на долю Россіи.

«Недостаточно опѣненный современниками, даже тайно, во избѣжаніе безпорядковъ, погребенный,—поэтъ нынѣ возсталъ въ блескъ своего поэтическаго величія, и память его чествуется открыто всѣми, съ соблюденіемъ самаго строгаго порядка. Очевидно, гени, хотя поздно, побѣждаютъ нравственной силой, составляющей гордость и славу своего народа.

«Воздадимъ-же славу славы Россіи—Пушкину, а честь и хвалу тѣмъ, которые позаботились о достойномъ его чествованіи».

Депутатами отъ одесскаго коммерческаго училища были директоръ его И. С. Боровскій, инспекторъ П. А. Искра и преподаватель М. Г. Попруженко. Послѣдній при этомъ сказалъ:

«Одесское коммерческое училище благоговѣнно чтитъ память великаго гениа русской земли, вдохновляющаго юношество тѣми возвышенными идеями и чувствами, которыя неизмѣнно составляютъ первую, священнѣйшую задачу воспитанія и школы, каковы — беззавѣтная преданность, любовь къ родинѣ, сознание національнаго достоинства, вѣра въ безконечное совершенствованіе, въ достиженіе высшей духовной красоты человѣка».

Отъ имени народныхъ учительницъ и учителей Н. Н. Масленниковою, А. В. Климовичъ и Т. С. Степановымъ было принесено слѣдующее привѣтствіе:

«Прими и отъ насъ, народныхъ учителей и учительницъ, скромныхъ тружениковъ на нивѣ народнаго образованія, благодарный и благоговѣйный привѣтъ въ нынѣшній торжественный и памятный день для всего русскаго народа! Ты выступилъ первымъ поэтомъ его литературы передъ цѣлымъ міромъ и приобщилъ ее къ семьѣ великихъ европейскихъ литературъ. Да будетъ слава вѣчная великому поэту!»

Представителями служащихъ въ одесскомъ городскомъ общественномъ управленіи явились гг. Ландесманъ и Албуль. Ихъ рѣчь была такова:

«Служащіе въ одесской городской управѣ съ гордостью вспоминаютъ, что самый разцвѣтъ таланта нашего славнаго поэта А. С. Пушкина проявился въ стѣнахъ нашего города: здѣсь имъ написаны лучшія строфы «Онѣгина», здѣсь имъ воспѣты «Цыганы», здѣсь онъ создалъ «Бахчисарайскій Фонтанъ» и многія лирическія произведенія. Нынѣ, когда вся необъятная Русь чествуетъ память и славу великаго и незабвеннаго поэта, мы съ гордостью присоединяемся къ этому торжеству, памятуя, что въ стѣнахъ нѣкогда «пыльной Одессы» навѣяны были незабвенныя строфы къ морю. Слава великому русскому поэту! Слава пѣвцу нашей родины!»

Наконецъ, бібліотека общества взаимнаго вспоможенія евреевъ г. Одессы, представленная депутаціею въ составѣ трехъ лицъ, почтила память чествуемаго русскаго поэта слѣдующими словами:

«Въ торжественный для живого русскаго слова день, давшій Россіи столѣтіе тому назадъ величайшаго ея поэта, мы, представители бібліотеки общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы, вносящей свою лепту въ великое дѣло распространенія просвѣщенія среди населенія, считаемъ священнымъ долгомъ присоединить свой скромный голосъ къ хору голосовъ, славящихъ геніальнаго поэта земли русской.

«Способствуя распространенію въ народѣ великихъ твореній А. С. Пушкина, бібліотека наша гордится, что она можетъ посильно служить тому великому идеалу, который поэтъ начерталъ, говоря:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ и свободу.»

«Уже сбывается пророчество поэта:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.»

«Да сбудутся-же и другіе великіе завѣты поэта-гуманиста, призывавшаго къ свободѣ и равенству людей! Да настанетъ та славная пора, о которой онъ, обращаясь къ другому великому поэту, упоминаетъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, та пора —

«...когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.»

По окончаніи этой части акта оркестръ и хоръ исполнили торжественную кантату въ честь А. С. Пушкина, написанную ко дню праздника на слова Глокке капельмейстеромъ городского театра Г. В. Прибикомъ. Вслѣдъ затѣмъ на кафедру возшелъ проф. В. М. Истринъ и произнесъ рѣчь на тему: «А. С. Пушкинъ и русская литература».

Послѣ рѣчи былъ объявленъ перерывъ, и второе отдѣленіе акта началось новою кантатою, написанною членомъ дирекціи одесскаго отдѣленія Императорскаго музыкальнаго общества О. Р. Брандтомъ на стихотвореніе А. С. Пушкина «Поэтъ». Кантата была исполнена подъ управленіемъ капельмейстера городского театра А. А. Бернарди, и за нею послѣдовала рѣчь проф. А. Е. Назимова на тему «Общественные идеалы А. С. Пушкина».

Въ заключеніе, согласно съ программой, секретарь комитета И. Н. Денисевичъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе состоявшіяся постановленія о различныхъ способахъ увѣковѣченія чествованія памятнаго дня 26 мая 1899 г. въ г. Одессѣ.

«Вся Россія,—такъ началъ онъ свою рѣчь,—благоговѣйно чествуя сегодня память своего величайшаго національнаго поэта, ревностнаго просвѣтителя и гуманнаго человѣка, увѣковѣчила этотъ знаменательный день цѣлымъ рядомъ установленій, долженствующихъ служить и дѣйствовать во благо русскаго народа, во славу знанія и искусства. Имя А. С. Пушкина будетъ отнынѣ связано со многими школами, народными читальнями и аудиторіями, музеями и бібліотеками, стипендіями и преміями, пріютами и другими учрежденіями, вызванными къ жизни общимъ чувствомъ горячаго желанія достойно почтить память современнаго баяна русской земли.»

«Одесса не могла остаться позади другихъ русскихъ городовъ, охваченныхъ этимъ національнымъ движеніемъ: у нея есть свои права особенно горячо примкнуть къ нему.

«24-го февраля одесская городская дума единогласно постановила: 1) предназначить 1230 квадр. саж. изъ квартала Алексѣевской площади, гдѣ предполагено сооруженіе средняго техническаго училища, для постройки городского Пушкинскаго дома; 2) внести въ смѣту 1900 г. 6970 р. на открытіе съ 1-го января этого года на Молдаванкѣ народной читальни имени Пушкина. Наконецъ, въ 3-хъ, дума, принявъ предложеніе гласнаго В. В. Навроцкаго, постановила въ томъ-же засѣданіи, 24 февраля, отвести одесскому обществу вспомошествованія литераторамъ и ученымъ участокъ городской земли подъ постройку убѣжища для инвалидовъ печати съ бесплатною народною читальнею и съ заломъ для народныхъ чтеній и школы. вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено отпускать ежегодно тому-же обществу пособие въ размѣрѣ 5000 р. на содержаніе названныхъ учрежденій. Назначеніе этого убѣжища — служить для всѣхъ тружениковъ печати, преждевременно разстроившихъ свои силы и здоровье на поприщѣ служенія печатному слову. Убѣжищу этому должно быть присвоено наименованіе Пушкинскаго въ память пребыванія поэта въ Одессѣ.

«Императорскій Новороссійскій университетъ совмѣстно съ городскимъ общественнымъ управленіемъ, принявши на себя починъ въ устройствѣ настоящаго юбилейнаго чествованія памяти Пушкина, постановилъ оставить слѣдъ этихъ историческихъ дней въ изданіи подробнаго описанія юбилейныхъ торжествъ съ присоединеніемъ къ этому описанію текста тѣхъ рѣчей и докладовъ, которые входятъ въ программу пушкинскихъ поминокъ. вмѣстѣ съ симъ, памятуя о томъ, что нашъ великій поэтъ былъ членомъ Россійской академіи наукъ и московскаго общества любителей Россійской словесности, совѣтъ Императорскаго Новороссійскаго университета счелъ своей нравственною обязанностью привѣтствовать въ настоящій день это общество, а равно академію наукъ, какъ высшее наше ученое учрежденіе, слѣдующими телеграммами:

1) Въ академію въ С.-Петербургъ.

«Императорскій Новороссійскій университетъ совмѣстно съ учрежденіями и обществами города Одессы, гордой своимъ особеннымъ правомъ на участіе въ историческомъ днѣ обще-рус-

скаго праздника столѣтней годовщины рожденія властителя русскихъ думъ и русскаго слова, привѣтствуетъ въ лицѣ втораго отдѣленія Императорской академіи наукъ счастливаго осуществителя завѣтовъ академіи Пушкина, ревниваго оберегателя славы — гордости Россіи».

2) Въ Москву, въ общество любителей Россійской словесности.

«Старѣйшему обществу русскаго слова, которое имѣло счастье видѣть въ спискѣ своихъ сочленовъ и перваго хозяина русскаго слова, Императорскій Новороссійскій университетъ совмѣстно съ учрежденіями и обществами города шлетъ въ историческій музей столѣтнихъ поминокъ по безвременно закатившемся свѣтилѣ родной земли свой привѣтъ».

«Было-бы долго перечислять тѣ формы увѣковѣченія настоящихъ юбилейныхъ дней, которыя избраны мѣстными силами городского и земскаго самоуправления, а также литераторами, посвятившими памяти поэта цѣлый рядъ разнообразныхъ изданій, и композиторами, искавшими въ сферѣ своего искусства средствъ для выраженія одушевляющихъ нынѣ Россію чувствъ ликованія и гордости.

«Положено доброе начало — начало долгой и — можно надѣяться и пожелать — непрерывной дѣятельности въ томъ направленіи, которое съ достаточной ясностью проявилось сегодня».

Юбилейный актъ былъ заключенъ народнымъ гимномъ, въ исполненіи котораго приняли участіе соединенные хоры и оркестры.

На слѣдующій день праздникъ было перенесено въ стѣны университета, въ актовомъ залѣ котораго состоялось подъ предсѣдательствомъ г. ректора Э. Н. Шведова публичное соединенное засѣданіе университета и учено-литературныхъ обществъ г. Одессы. Чествованіе памяти великаго поэта и на этотъ разъ было обставлено съ большою торжественностью. Весь актовъ залъ былъ переполненъ публикою. На видномъ мѣстѣ красовался бюстъ поэта, окруженный лаврами и тропическими растеніями. Рядомъ съ бюстомъ возвышалась кафедра. За большимъ столомъ, покрытымъ зеленою скатертью, возсѣдалъ коми-

тетъ, состоявшій изъ ректора и предѣдателей одесскихъ учено-литературныхъ обществъ. Въ часъ дня засѣданіе было объявлено открытымъ, и на кафедре взошелъ проф. И. А. Линиченко, произнесшій отъ имени университета рѣчь на тему: «Жизненная драма А. С. Пушкина». Послѣ него отъ имени историко-филологическаго общества говорилъ проф. П. А. Лавровъ, избравшій темою своей рѣчи вопросъ объ отношеніи Пушкина къ славянамъ. Третьимъ выступилъ А. И. Маркевичъ, явившійся представителемъ одесскаго литературно-артистическаго общества. Его рѣчь была озаглавлена: «Пушкинъ и Новороссійскій край».

Въ то же время въ городскомъ театрѣ данъ былъ бесплатный пушкинскій спектакль для учащихся, а въ городской и народной аудиторіи состоялось юбилейное пушкинское утро съ литературно-музыкальною программою. Вечеромъ того-же дня въ аудиторіи были поставлены сцены изъ трагедіи А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ» и драматическій этюдъ его-же «Каменный гость». Наконецъ, 28-го мая циклъ пушкинскихъ празднествъ былъ завершёнъ публичнымъ актомъ народныхъ училищъ, состоявшимся съ большою пышностью также въ зданіи городской народной аудиторіи. Программа акта состояла изъ рѣчи преподавателя Т. С. Степанова на тему «О поэтической дѣятельности А. С. Пушкина» и большого музыкальнаго отдѣленія, въ которомъ приняли участіе соединенные оркестры и хоры воспитанниковъ и воспитанницъ городскихъ народныхъ училищъ.

Настоящій отчетъ былъ-бы неполонъ, если-бы мы не упомянули о пушкинской выставкѣ, которая была организована при содѣйствіи университетской пушкинской комисіи литературно-артистическимъ обществомъ и открылась въ помѣщеніи послѣдняго 23 мая 1899 г. Комитету выставки удалось собрать весьма разнообразную и поучительную коллекцію изображеній Пушкина, его родныхъ, современниковъ и друзей въ видѣ портретовъ, гравюръ, литографій и слѣпковъ. Не менѣе интереса представляла библиографическая коллекція, въ составъ которой вошли журналы, въ коихъ печатались произведенія Пушкина, равно какъ и отдѣльные изданія послѣднихъ, автографы и фотографическіе снимки съ автографовъ, рукописи, каррикатурные рисунки А. С. Пушкина и проч. Особую группу въ этомъ отдѣлѣ составила литература о Пушкинѣ, а также многочислен-

ные переводы произведеній Пушкина на иностранные языки (между прочимъ довольно полный подборъ переводовъ на славянскія нарѣчія, а также на новогреческій, турецкій и кавказскіе языки). Эти цѣнные собранія были дополнены различными вещами, имѣющими то или другое отношеніе къ памяти великаго поэта, — жетонами, лубочными картинками, разнообразными предметами промышленности съ изображеніемъ Пушкина и т. п. Комитетъ выставки озаботился изданіемъ ея иллюстрированнаго каталога.

Пушкинскіе дни 1899 года были не первымъ праздникомъ имени великаго нашего поэта въ томъ городѣ, гдѣ онъ когда-то жилъ изгнанникомъ. Университетская лѣтопись хранитъ на своихъ страницахъ воспоминаніе о томъ, какъ въ 1880 г., откликнувшись на призывъ изъ Москвы, предъ лицомъ многочисленной публики Новороссійскій университетъ чествовалъ память Пушкина въ посвященномъ ему торжественномъ засѣданіи (см. Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета, томъ XXXI).

Затѣмъ въ 1887 г., въ день полувѣковой годовщины безвременной кончины поэта, университетъ вторично совершалъ по немъ поминки, почтивъ его безсмертную тѣнь новымъ академическимъ торжествомъ (см. Записки Имп. Новорос. Унив., томъ XLV).

А два года спустя послѣ того, весной 1889 года, славянское благотворительное общество, соорудивъ незабвенному пѣвцу Одессы памятникъ на Приморскомъ бульварѣ, торжествовало открытіе этого памятника, — и снова различныя общественныя группы города соединились для того, чтобы воздать хвалу поэту.

Но никогда увлеченіе не было столь единодушнымъ, ликование столь всеобщимъ, какъ въ памятные майскіе дни 1899 года. Празднованіе пушкинскаго юбилея, всколыхнувшее всю Русь, вызвало на этотъ разъ и во веѣхъ слояхъ одесскаго населенія громкій и сердечный откликъ и обратилось въ Одессѣ, какъ и вездѣ, въ одно изъ тѣхъ свѣтлыхъ празднествъ, которыя заставляютъ смолкать веѣ страсти, примиряютъ веѣ нестройные диссонансы житейскихъ тревогъ и повседневной

суеты и поддерживают въ челоѣчествѣ прекрасный духъ единенія во имя нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ. Это были дни, когда имя Пушкина и на южной окраинѣ Россіи, какъ и въ самомъ сердцѣ ея, заставляло всѣ сердца биться однимъ согласнымъ біеніемъ, жить однимъ чувствомъ,—дни, когда это имя сливало всѣ голоса въ одинъ стройный хоръ.

Фотот. А. НОВАКА, Одесса.

Памятникъ Пушкина по возложеніи на него вѣнковъ.

Р Ъ Ч Ъ

въ университетской церкви предъ панихидою въ столѣтіе со дня
рожденія Александра Сергѣевича Пушкина (26 мая).

Заслуженнаго профессора Болословія протоіеря В. М. Войтковскаго.

Одною изъ яркихъ особенностей нашего времени въ нашемъ отечествѣ служитъ между прочимъ все болѣе и болѣе усиливающійся обычай торжественно и самыми многоразличными способами чествовать память отличнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ лицъ и при этомъ большею частію и даже первѣе всего воздавать славу, благодареніе и моленіе о сихъ лицахъ, не только въ общественныхъ собраніяхъ, но и предъ престоломъ Всевышняго Господа Бога, верховнаго Источника и Раздателя всехъ благъ и дарованій. Вотъ и мы вмѣстѣ со всею Россіею, подобающимъ образомъ празднуя столѣтнюю память великаго художника русскаго слова, русскихъ воззрѣній, чувствъ и стремленій, Александра Сергѣевича Пушкина, предстали предъ престоломъ Божиимъ, чтобы съ должною честію виновнику торжества воздать подобающую славу, благодареніе и моленіе о немъ и Самому Господу Богу.

Поистинѣ «всякое даяніе благое и всякій даръ совершенный», какъ мы постоянно слышимъ въ храмѣ Божіемъ, «нисходитъ свыше, отъ Отца *святова*» (Іак. 1, 17). Что великій даръ, удѣленный виновнику нынѣшняго торжества Александру Сергѣевичу Пушкину, былъ въ высокой степени благой и совершенный въ одномъ изъ важнѣйшихъ отправленій жизни и духа человѣческаго, именно въ просвѣтительно-образовательномъ (культурномъ) отношеніи, объ этомъ живо и велегласно свидѣтельствуется восторженно празднующая столѣтнюю его память вся просвѣщенная Россія, и даже не одна Россія. Да будетъ же и

отъ насъ,—и *въ особенности* отъ васъ, избраннѣйшихъ служителей и искателей просвѣщенія и образованія, велія слава и благодареніе Богу за его великій и благой даръ для Россіи!

Откровеніе Божіе намъ также говоритъ: «дарованія различны, но Духъ одинъ и тотъ-же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ-же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ-же, производящій все во всѣхъ. Но каждому», продолжаетъ Откровеніе, «дается проявленіе Духа *на пользу*» (1 Кор. 12, 4—7). И торжествуемый нами нашъ великій поэтъ употребилъ ниспосланный ему свыше великій даръ не на пагубу, не во зло, не во вредъ, не въ тщету, какъ это иногда бываетъ съ великими и величавыми талантами, а употребилъ на пользу, какъ извѣстно, просвѣтительно-образовательную. Да будетъ же, съ Господомъ, и ему достойная честь, по слову самого слова Божія: «ему-же честь—честь». (Рим. 13, 7).

Много разсуждалось и впрямь, и вкось, и вкривь, да и нынѣ слышится громкій голосъ, объ искусствѣ, блестящимъ представителемъ котораго въ вышемъ его проявленіи, въ поэзи, литературѣ, былъ виновникъ нынѣшняго всероссійскаго торжества. Много разсуждалось и разсуждается о сущности искусства, о его отношеніи къ другимъ высшимъ проявленіямъ и отправленіямъ духа человѣческаго,—къ знанію, къ добродѣтели,—о его значеніи и цѣнности въ жизни, о пользѣ, вредѣ и т. п. Среди различныхъ, иногда самыхъ крайнихъ, мнѣній и недомнѣній объ этомъ возвышенномъ, многосложномъ и трудномъ предметѣ, одно несомнѣнно вѣрно и вѣдать полезно, именно: истина, добро, благо,—эти высшіе предметы стремленій духа человѣческаго,—существенно, органически, сродны между собою, но не тождественны. Поэтому и знаніе, и искусство, и добродѣтель, такъ же существенно сродны между собою; но такъ-же не тождественны: знаніе не искусство и не добродѣтель, и на оборотъ. И потому не правильно, не законно смѣшивать ихъ безотчетно между собою или усиливаясь замѣнить одно другимъ, съ исключеніемъ даже котораго либо въ пользу другого. Тѣмъ не менѣе между ними безусловно должно быть и развиваться взаимное соотношеніе, согласіе, гармонія. Это высшій, священный и завѣтный идеалъ человѣчества. Всякій разладъ между ними въ своемъ ходѣ и исходѣ ведетъ не къ созиданію, не къ истинному творчеству, а къ разстройству, къ разруше-

нію, къ уничтоженію. Вотъ причины нерѣдкихъ сильныхъ воплей и нареканій то на науку, то на искусство, то на самую дѣятельность, когда онѣ совершаютъ свой великій путь не дружно, не въ добромъ согласіи между собою, а въ разладъ и въ разбродъ. Поэтому есть еще, какъ извѣстно, высшій, общій верховный узелъ, связующій и искусство, и знаніе, и добродѣтель,—это святая религія, по самому словопроизводству, связь, соединеніе, верховное объединеніе; это—благоговѣнное отношеніе, поклоненіе и служеніе духомъ и истиною, то есть всеѣмъ существомъ и всеѣми силами, Тому, въ Комъ единомъ (ипостасно, субстанціально), какъ-бы въ одушевленномъ, духоносномъ и живоносномъ, единомъ и вселенскомъ храмѣ, обитаютъ въ совокупности, всецѣло, въ полной гармоніи («неразрывно, несліянно, непреложно и неизмѣнно»), и совершенная истина, и совершенное добро, и совершенное благо, и полное, всестороннее блаженство и благолѣпіе. И искусство, въ своихъ низшихъ проявленіяхъ и въ высшихъ ношеніяхъ идущее врознь, наперекоръ этой общей гармоніи, религіи, не есть искусство въ полномъ и совершенномъ смыслѣ, не есть истинное, совершенное творчество. Точно тоже самое должно сказать и о наукѣ и самой добродѣтели (этикѣ), когда онѣ въ несогласіи, въ разладѣ, съ высшею, общею, верховною связію, религіею.

Простите мнѣ, мужи науки, искусства и дѣла, что я сдѣлалъ нѣкоторое отступленіе и вторженіе въ область, вами, по преимуществу, завѣдываемую. Но въ святилищѣ религіи, среди молитвенныхъ сердечныхъ возношеній къ Богу о виновникѣ нашего торжества, блестящемъ представителѣ высшаго искусства, не неумѣстно и не неблагоуременно коснуться и отношенія его творчества и его сердца къ сердцу жизни человѣческой, къ святой религіи. И, слава и благодареніе Всевышнему, онъ, пламенный служитель искусства, въ общемъ и существенномъ, не былъ въ разладѣ съ святынею религіи, съ поклоненіемъ и служеніемъ единому Богу, въ Троицѣ славимому; а въ этомъ отношеніи, свято слово верховнаго Учителя вѣры Христа, сказанное Имъ къ провозвѣстникамъ Его божественнаго ученія: «кто не противъ васъ, тотъ за васъ» (Мар. 9, 40). Вотъ между прочимъ и причина, почему творчество и творенія нашего великаго творца художественнаго слова пользуются не какими-либо лишь односторонними, но, можно сказать, всеобщими сочувствіями и признаніями.

Но не отрицательно только, а и положительно нашъ великій служитель искусства выражалъ самыя теплыя сочувствія своего сердца къ высшимъ и истинно христіанскимъ воззрѣніямъ, чувствамъ и стремленіямъ. Вотъ одинъ изъ образчиковъ этихъ сочувствій:

«Отцы—пустынники и жены не порочны,
пишетъ поэтъ,—

Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня (такъ) не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальныя великаго поста,
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И надшаго цѣлитъ живительною силой . . .
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
«Любоначалія, змии сокрытой сей,
«И празднословія не дай душѣ моей;
«Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
«Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
«И духъ смиренія, терпѣнія, любви
«И цѣломудрія мнѣ въ сердцаѣ оживи».

Но «нѣсть челоувѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ»; поэтому были минуты, когда нашъ великій поэтъ въ глубочайшемъ сокрушеніи сердца горько, горько оплакивалъ и свои челоувѣческія преткновенія и паденія. Вотъ между прочимъ его слова:

«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная налжетъ ночи тѣнь,
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда;
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья,
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горить во мнѣ
Змии сердечной угрызенья,
.
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свѣдѣніи длинный развиваетъ свитокъ,
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклипаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не ссываю».

И въ самый смертный часъ, отдавъ тяжкую дань вѣковому и роковому предрасудку о смытіи кровію попоранной чести, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ умираетъ, можно сказать, съ словами первыхъ христіанскихъ мучениковъ. «Требую, говоритъ онъ своему другу, умирая,—требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть *христіаниномъ*». (Русское Обозрѣніе 1898 г. Январь, стр. 44—46). Вотъ его послѣднія слова и молитва!

Помолимся и мы, искренніе его читатели, чтобы Господь Богъ простилъ и ему самому его согрѣшенія вольныя и невольныя и чтобы сотворилъ ему не только столѣтнюю, но и вѣчную память, и не только на землѣ у людей, но и на небѣ у небожителей.

Пушкинъ и русская литература ¹⁾).

Орд. проф. В. М. Истрина.

Мм. Гг.!

Въ настоящій день мы переживаемъ знаменательное событие: мы чествуемъ память творца русской поэзіи и русской литературы. Давно уже прошелъ о нашемъ поэтѣ «слухъ по всей Руси великой» и не разъ русскимъ писателямъ и ученымъ выпадала на долю счастливая участь въ сознаниіи важности подобныхъ событій подтверждать, что Пушкинъ есть національная литературная слава Россіи. Шестьдесятъ только лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ «замолкли звуки дивныхъ пѣсень», а между тѣмъ въ этотъ періодъ русская литература раздвинулась до такихъ предѣловъ, захватила такую широкую область воспроизведенія жизни, открыла міру такія тайны духовной жизни человѣка, что обозрѣватель невольно останавливается въ изумленіи и, отыскивая основныя свойства во всемъ разнообразіи русской литературы, въ каждомъ нашемъ писателѣ находитъ частицу Пушкина. Часто едва уловимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпчайшими нитями связывается вся русская литература съ поэзіей Пушкина, и эта-та связь, инстинктивно познаваемая даже тѣми, кто не имѣетъ ни времени, ни охоты задуматься надъ опредѣленіемъ значенія нашего поэта, и является одной изъ причинъ, заставляющихъ въ нынѣшній день соединяться для чествованія начала этой связи. Но если вся послѣдующая наша литература находится въ тѣсной связи съ поэзіей Пушкина, то, съ другой стороны, сама его поэзія тѣсны-

¹⁾ Произнесено въ торжественномъ собраніи университета и городского управленія 26 мая.

ми узами сплетается со всей ему современной и прошедшей русской литературой. Пушкинъ является, такимъ образомъ, на рубежѣ двухъ періодовъ русской литературы: переживъ на себѣ все, что пережила и переживала русская литература, глубже, чѣмъ кто либо другой, почувствовавъ чужое наслѣдіе, Пушкинъ силою своего гения вывелъ русскую литературу на путь самостоятельнаго творчества и указалъ ей средство изъ положенія ученическаго перейти въ положеніе сотоварищества съ западно-европейскими литературами.

Каковъ же былъ внутренній процессъ такой дѣятельности, которая еще при самомъ началѣ заставляла современниковъ невольно удивляться дарованіямъ нашего поэта? Съ именемъ Пушкина связывается представленіе о преобразователѣ русской литературы. Русская литература и до Пушкина пережила нѣсколько періодовъ своего развитія, и каждый періодъ связывался съ именемъ того или другого писателя, даващаго своимъ произведеніями новое направленіе литературѣ. Но каждое новое направленіе, заступая мѣсто стараго, не вытѣсняло окончательно послѣдняго и существовало рядомъ съ нимъ. Каждое старое направленіе имѣло горячихъ защитниковъ, не выносившихъ нововведеній и вступавшихъ въ ожесточенную борьбу съ защитниками новыхъ вѣяній. Пушкинъ выступилъ на литературное поприще въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ общественной и литературной жизни общества. Только что кончились Наполеоновскія войны, вознесшія Россію на высоту политической славы и открывшія въ то-же время русскимъ людямъ многія, мало извѣстныя, а иногда и совсѣмъ неизвѣстныя стороны общественной, политической и литературной жизни. Начало XIX вѣка было знаменательно не для одной только Россіи: западная Европа также вся пришла въ движеніе, и на глазахъ у всѣхъ выросъ романтизмъ, который оказалъ громадное вліяніе на зарожденіе новыхъ отраслей гуманитарныхъ наукъ и новаго направленія литературы. Въ русской литературѣ романтизмъ явился на сцену французскому псевдоклассицизму, который, выросши во Франціи въ зависимости отъ условій придворной жизни при Людовикѣ XIV, въ Россіи оказался наноснымъ явленіемъ. Не одна Россія подчинилась его вліянію: и Германія испытала на себѣ всю тяжесть его, и нѣмецкіе поэты 18 вѣка жалуются на это порабощеніе. Когда во Франціи сталъ разру-

шатся старый аристократическій строй и на сцену выступило третье сословіе, тогда и къ литературѣ были предъявлены новыя требованія. На смену вышней отдѣлки произведенія, отдѣлки, совершенно оставлявшей въ сторонѣ внутреннее содержаніе, выступало болѣе свободное отношеніе къ формѣ. На мѣсто царей и придворныхъ лицъ, бывшихъ героями псевдоклассической литературы, становится обыкновенный человѣкъ съ его будничной обстановкой и съ разнообразными движеніями души. Простой народъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе романтиковъ, и вотъ они начинаютъ изучать вышнюю и духовную жизнь народа, записываютъ его пѣсни, сказки и преданія. вмѣстѣ съ тѣмъ съ подъемомъ національнаго духа проявляется любовь къ своей старинѣ, и вотъ начинается изученіе среднихъ вѣковъ, бывшихъ дотолѣ въ пренебреженіи и у псевдоклассиковъ и у философовъ XVIII вѣка. Развивается мистицизмъ, и начинаетъ нравиться все неясное, туманное, что приводитъ къ знакомству съ восточными литературами. Однимъ словомъ, новое литературное движеніе совершенно стало въ противодѣйствіе старому, и насколько предшествующая теорія ставила необходимымъ условіемъ подчиненіе строгимъ правиламъ и господство однообразія, настолько романтизмъ казался нарушеніемъ всякихъ правилъ, «соединеніемъ всѣхъ разрозненныхъ поэтическихъ видовъ, стремленіемъ сдѣлать поэзію жизненной и общественной и, наоборотъ, придать жизни и обществу поэтической характеръ».

На западѣ борьба новаго направленія съ старымъ шла, конечно, съ болѣшимъ напряженіемъ силъ. Это и понятно, такъ какъ то и другое литературное направленіе тѣсно связывалось съ самой жизнью. Но борьба проявилась и у насъ, и поэтическая дѣятельность Пушкина играла самую существенную роль въ этой борьбѣ. Съ романтизмомъ русскіе читатели познакомились еще въ концѣ прошлаго столѣтія, затѣмъ Жуковскій познакомилъ русскую публику съ одной стороною романтизма, а Батюшковъ выдвинулъ на сцену новую область интимной лирики. Но настоящимъ представителемъ романтизма считался у современниковъ Пушкинъ. «Нынѣ сей родъ поэзіи называется романтическимъ»—говоритъ одинъ недовольный критикъ о поэмѣ «Русланъ и Людмила». Выпуская за Пушкина «Бахчисарайскій Фонтанъ», Вяземскій пишетъ предисловіе, въ которомъ разбираетъ сущность романтической поэзіи и защищаетъ ее

право на существованіе. И вся литературная критика двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, спорившая и за и противъ романтической поэзіи, группировалась около Пушкинскихъ произведеній. И самъ Пушкинъ признавалъ себя романтикомъ. «Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіей, въ ней-же первая персона Борисъ Годуновъ» — пишетъ Пушкинъ Вяземскому по окончаніи своей драмы. Въ то-же время въ письмѣ къ Бестужеву онъ говоритъ: «Я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ издать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма». И тутъ-же прибавляетъ: «Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то»—прибавленіе важное, указывающее намъ еще на одну сторону дѣятельности Пушкина. Пушкинъ самъ пытался опредѣлить сущность новаго явленія въ русской литературѣ, но не склонный по свойству своего ума къ теоретическимъ разсужденіямъ, не могъ дать, какъ и другіе, точнаго опредѣленія романтизма. «Наши критики» — говоритъ Пушкинъ — «не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ... Къ классическому роду, продолжаетъ онъ, должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ или коихъ образцы они намъ оставили... Если-же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій... Какіе-же роды стихотвореній должны отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими». — Опредѣленіе едва ли справедливое, но показывающее, что для Пушкина самое названіе не имѣло особеннаго значенія. Передавъ послѣдніе стихи Ленскаго, Пушкинъ добавляетъ: «Такъ онъ писалъ темно и вяло, что романтизмомъ мы зовемъ, хоть романтизма тутъ ни мало не вижу я». Пушкинъ придавалъ болѣе значенія фактамъ, нежели словамъ.

Осмѣявъ въ концѣ VII пѣсни Евгения Онѣгина классическую привычку начинать каждое произведеніе воззваніемъ къ классической музѣ, Пушкинъ восклицаетъ: «Съ плечъ долой обуза!» Этимъ словомъ довольно вѣрно можетъ быть выражено основное положеніе классицизма. Если на западѣ, во Франціи классицизмъ былъ вызванъ къ жизни общественными условіями, то у насъ онъ былъ искусственнымъ насажденіемъ. Пушкинъ

это хорошо понималъ, и потому былъ убѣжденъ, что и защитники классицизма у насъ не представляютъ собой органическаго явленія и, если они временами и появляются, то это обстоятельство, по его мнѣнію, еще не даетъ права считать нашъ классицизмъ такимъ явленіемъ, противъ котораго нужно серьезно бороться. Послѣ выхода Бахчисарайскаго Фонтана съ предисловіемъ Вяземскаго Пушкинъ пишетъ послѣднему: «Но старая классическая (поэзія), на которую ты нападаешь, полно, существуетъ-ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ... что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Василій Львовичъ. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность? Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?»—Итакъ, по мнѣнію Пушкина, нѣтъ ни тѣхъ ни другихъ. Однако фактъ былъ на лицо, если противъ Пушкина вооружались во имя правилъ классицизма. Но въ томъ-то и дѣло, что Пушкинъ хорошо понималъ, что вооружаются именно изъ-за правилъ, и, отдѣляя требованія теоріи отъ искренняго убѣжденія русскихъ классиковъ, онъ вступалъ въ борьбу съ правилами. Борьба у Пушкина шла главнымъ образомъ практически: каждое его новое произведеніе наносило классицизму тяжелый ударъ. Но онъ высказывалъ и теоретическія сужденія и поощрялъ всякую попытку сбросить съ литературныхъ произведеній тяжкія оковы классическихъ правилъ. «Ты перевелъ Сиду», пишетъ онъ Катенину: «Скажи: имѣли ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна. Пощечина, данная рукой гигантскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Боже мой! она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева». Эту борьбу противъ всего того, что съ точки зрѣнія французскаго классицизма считалось неприкосновеннымъ, Пушкинъ считалъ необходимою. «Стань за нѣмцевъ и англичанъ», пишетъ онъ Вяземскому, прося его написать предисловіе къ Кавказскому Пѣснику, «уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи». «Я не люблю», пишетъ онъ тому же Вяземскому, «видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности; грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія... И неоднократно Пуш-

кинъ останавливался на вопросѣ о значеніи и характерѣ французской литературы.

Но для насъ важны не только опредѣленія классицизма и романтизма какъ самимъ Пушкинымъ, такъ и его современниками. Для русской литературы романтизмъ важенъ какъ новая область художественнаго воспроизведенія жизни и человѣка въ словѣ. Романтизмъ есть прежде всего борьба личности противъ наложенныхъ на нее внѣшнихъ условій. На этой почвѣ выросла, между прочимъ, поэзія Байрона, наложившаго свою властную руку и на русскую поэзію. И ранняя поэзія Пушкина является протестомъ противъ внѣшнихъ стѣснительныхъ условій какъ по отношенію къ чисто литературнымъ проявленіямъ, такъ и по отношенію къ общественному положенію. Поэмы Пушкина открывали собой новый фазисъ въ развитіи не только литературныхъ формъ, но и въ развитіи самого общества. Отдѣльная личность, не выдающаяся изъ среды другихъ какими-либо особенными качествами, не герой въ смыслѣ ложноклассицизма — становится въ центрѣ художественнаго произведенія. Выросшая въ средѣ воинственныхъ горцевъ черкешенка, воспитанная въ простотѣ патриархальной жизни цыганка, взятые изъ хорошо знакомой среды Пльнникъ и Алеко, нарушители общественнаго спокойствія—братья разбойники, дикій крымскій ханъ—все эти люди явились въ произведеніяхъ Пушкина съ требованіемъ дать просторъ и возможность проявленія своимъ душевнымъ волненіямъ и съ явной смѣлостью бросить въ лице общества презрѣніе къ условной морали. Пускай характеры героев оказались недостаточно ярко очерчены, въ чемъ признавался и самъ Пушкинъ: для насъ остается первостепенной важною фактъ возвеличенія личности и признанія за ней права на вниманіе къ ея душевнымъ движеніямъ.—Это первый фазисъ переживанія Пушкинымъ романтизма. Пушкинъ не останавливается на этомъ, и въ его душѣ происходитъ дальнѣйшая упорная работа надъ выработкой новаго содержанія, и вотъ его гений выдвигаетъ намъ то, что уже давно было заложено въ его душѣ.—«Можетъ быть—говоритъ онъ—я перестану быть поэтомъ, велитъ въ меня новый бѣсъ, и я унижусь до смиренной прозы. Тогда закатъ мой займетъ романъ на новый ладъ: я изображу въ немъ не тайныя муки злодѣйства, а просто перескажу преданья русскаго семейства, плѣнительные сны любви и нравы нашей старины».

Такъ вотъ къ чему долженъ былъ привести Пушкина романтизмъ! Преданья русскаго семейства и нравы русской старины обѣщаетъ намъ представить поэтъ. Новость-ли это? Нѣтъ. Издавна наблюдалось стремленіе изображать русскую старину и преданья русскаго семейства, и это стремленіе всегда являлось скрытымъ или явнымъ, противодѣйствіемъ увлеченію иностранщиной. Но новостью является заявленіе поэта, что онъ все эти старинныя преданія и нравы перескажетъ «просто». Простота—вотъ будетъ отличительный признакъ его романа. «Я перескажу — говоритъ онъ — простыя рѣчи отца или дяди-старика, условенныя встрѣчи дѣтей, мученья несчастной ревности, разлуку, слезы примиренья, вновь поссорю, и, наконецъ, я поведу ихъ подъ вѣнецъ». Его героями явятся теперь не закаленные въ злодѣйствахъ отверженцы общества, не герои съ высокой думой на лицѣ, а простые люди въ своей будничной житейской обстановкѣ.—Это одно изъ основныхъ качествъ поэзіи Пушкина—«простота» кладется въ основу позднѣйшей литературы. Вліяніе нѣмецкаго, а затѣмъ и французскаго романтизма быстро пронеслось надъ русской литературой и, исполнивъ свое назначеніе, уступило мѣсто реальному изображенію жизни. Пушкинъ и даетъ намъ первые примѣры такого изображенія жизни, въ которомъ все дѣйствія и разговоры выбранныхъ героевъ представлены читателю съ полной художественной простотой. Какъ высоко одаренный художникъ, Пушкинъ, освободившись изъ-подъ вліянія романтизма, чутко относится къ изображенію каждаго чувства, каждаго положенія, каждаго описанія, и вмѣстѣ съ «простотою» выставляетъ еще два требованія—естественность и правдивость. При необыкновенно изящной формѣ эти внутреннія качества поэзіи Пушкина сдѣлали ее идеаломъ, по мѣрѣ приближенія къ которому оцѣнивались все послѣдующіе писатели. Послѣ Пушкина во всей силѣ сказались эти качества, а когда выступилъ на сцену Гоголь, тогда у нашихъ писателей установилось твердое мѣрило въ выборѣ сюжета и въ способѣ его изложенія. Мы такъ уже сжились съ этими качествами, чарующими насъ въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ писателей, что первое требованіе, которое мы предъявляемъ къ новому произведенію, выражается въ удовлетвореніи естественности, правдивости и простотѣ. Русская жизнь давала нашимъ писателямъ новое содержаніе, возведшее русскую литературу на степень общечеловѣческой, а художественность изо-

браженія дана Пушкинымъ. Въ его поэзіи искусство достигло своего апогея, и этотъ фактъ возноситъ заслугу Пушкина на недосыгаемую высоту. Какъ бы мы ни разсматривали искусство,—или какъ нѣчто самоовлѣющее, имѣющее цѣль въ самомъ себѣ, или какъ средство для тѣхъ или другихъ цѣлей, мы не можемъ отдѣлять идею отъ способа ея воспроизведенія. Идея тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на умъ человѣка, чѣмъ художественнѣе ея выполненіе и чѣмъ глубже, поэтому, впечатлѣніе, остающееся въ нашей душѣ. И если Пушкинъ является создателемъ художественной формы русской литературы, то тѣмъ самымъ цѣлая половина значенія русской литературы для человѣчества вынесена на его плечахъ, и тѣмъ самымъ мы съ полнымъ правомъ раздѣлимъ всю нашу литературу на двѣ половины: на одной сторонѣ стоитъ Пушкинъ, какъ создатель художественности, на другой—все остальные писатели, какъ воспользовавшіеся этой художественностью рѣчи для расширенія идейнаго содержанія литературы.

Пушкинъ есть олицетвореніе всей русской литературы. Естественность, простота и правдивость—эти качества новѣйшей литературы, замѣнившія собой чужія наслоенія, и въ поэзіи самого Пушкина заступаютъ мѣсто чужихъ вліяній и именно тѣхъ самыхъ, которыя держали во власти всю русскую литературу. Природный гений поэта не позволилъ ему остановиться на избранной разъ дорогѣ и чрезъ преграды, поставленныя чуждыми руками, велъ его къ художественной правдѣ. Чуткость поэта къ правдивости, естественности и простотѣ поэтическаго произведенія развивалась у него съ годами. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ выхода своихъ первыхъ поэмъ, онъ уже замѣчаетъ ихъ недостатки. «Кавказскій Пльнникъ, говоритъ онъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ... Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Пльнника... Молодые писатели—продолжаетъ онъ—вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно какъ мелодрама». Отъ этихъ-то недостатковъ и освобождался постепенно Пушкинъ. Освобожденіе отъ нихъ является, слѣдовательно, у Пушкина не только слѣдствіемъ одной безсознательной работы поэтическаго таланта, но и плодомъ изученія. И теорія и творчество шли у Пушкина рука объ руку.

Съ какими же новыми факторами въ связи совершалось это освобожденіе поэзіи Пушкина отъ наноснаго элемента? Опять мы возвращаемся къ тому же романтизму, хотя и не будемъ признавать за послѣднимъ исключительнаго вліянія въ выработкѣ указанныхъ качествъ поэзіи Пушкина. Воспитавшись на произведеніяхъ французской литературы и перенесши на себѣ вліяніе байронизма, Пушкинъ тѣмъ не менѣе былъ крѣпко привязанъ ко всему родному русскому. Еще въ дѣтствѣ, онъ становился лицомъ къ лицу съ народной жизнью, и въ своей юности онъ уже вспоминалъ село Захарово, гдѣ часто проводилъ время. Обучаясь въ Лицеѣ, онъ жилъ по лѣтамъ въ Михайловскомъ. Эта близость къ народной жизни наложила свой отпечатокъ на душу Пушкина, и впоследствии, когда кора чужого вліянія съ него спала, тогда эта близость опять ясно дала себя почувствовать и повела поэта на новый путь. Еще передъ отъѣздомъ на югъ онъ поэтически изобразилъ свое возрожденіе. «Какъ чуждыя краски, говоритъ онъ, наложенныя на картину гения, современемъ спадаютъ и созданіе гения выходитъ предъ нами съ прежней красотой, такъ съ измученной моей души исчезаютъ заблужденія и возникаютъ въ ней видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней». Полному возрожденію суждено было нѣсколько повременить, но тѣмъ дѣйствительнѣе оно было. Урокъ, данный старикомъ цыганомъ Алеко, имѣетъ для насъ значеніе не только общественнаго явленія, но и чисто литературнаго факта. «Сквозь магическій кристалль» Пушкинъ начинаетъ неявно различать «далъ свободнаго романа», который надолго сдѣлался его спутникомъ и который особенно возвелъ поэта на высоту народности. Стѣна, заложенная въ богато одаренной душѣ поэта, быстро возрасла, когда онъ силою обстоятельствъ былъ перенесенъ съ юга Россіи въ свое Михайловское, гдѣ опять на него пахнуло народностью и простотой. Отнынѣ онъ оставляетъ своихъ прежнихъ героевъ, подернутыхъ дымкой таинственности, и показываетъ намъ всю на видъ прозаичную сторону русской жизни; героемъ его является отнынѣ «просто гражданинъ столичный; какихъ встрѣчаемъ всюду тѣмъ, ни по лицу ни по уму отъ нашей брата не отличный». Простая семья Лариныхъ, простой помѣщичій образъ жизни—привлекаютъ его теперь къ себѣ. Даже сама природа влечетъ его отнынѣ особыми своими прозаичными свойствами. Не великолѣп-

ныя вершины Кавказа, не ослѣпительный блескъ моря нужны теперь поэту, а совершенно другія картины. «Люблю я песчаный косогоръ»—говоритъ онъ, — «передъ избушкой двѣ рябины, калитку, сломанный заборъ». «Теперь мила мнѣ балалайка—продолжаетъ онъ — «да пьяный говоръ трепака передъ порогомъ кабака». Поэту самому порой представляется странной такая переменна въ немъ и, сказавъ однажды, что «порой дождливою намедни онъ (я) завернулъ на скотный дворъ», поэтъ какъ-бы спохватывается и восклицаетъ: «Тьфу! прозаическія бредни! Фламандской школы пестрый соръ! Таковъ-ли былъ я разцвѣтая?» Въ концѣ VI пѣсни Евгенія Онѣгина Пушкинъ поэтически прощался съ юностью и встрѣчалъ свой полдень. «Съ ясною душой—говоритъ онъ—пускаюсь я нынѣ въ новый путь отдохнуть отъ жизни прошлой». «Лѣта клонятъ меня къ суровой прозѣ и гонятъ шалуныю рѣчю». Онъ желаетъ только одного—чтобы вдохновеніе прилетало почаще въ его уголь и не давало его душѣ остыть, ожесточиться, очерствѣть и окаменѣть въ мертвящемъ упоеніи свѣта. Послѣдняго не случилось, а первое исполнилось. Но его проза дала намъ опять таки не какихъ либо высокихъ героевъ, но—станціоннаго зрителя, ремесленника-гробовщика, простого офицера, дочь капитана въ отдаленной глуши и т. п. — Такъ расширялось содержаніе поэзіи Пушкина и опредѣлялось его отношеніе къ современности. Выступало на сцену новое требованіе, которое со времени Пушкина стало уже безошибочно примѣняться ко всякому литературному произведенію—народность. Пушкинъ, давая художественные образцы, проникнутые русской народностью, старался и теоретически выяснитъ сущность ея. Въ своей жизни онъ спускался до простонародности: входилъ въ сношенія съ простымъ народомъ, интересовался его бытомъ, записывалъ его пѣсни и любовался, какъ онъ говоритъ, игрой трепака. Но онъ хорошо понималъ, что отъ простонародности до народности большое разстояніе. «Одинъ изъ нашихъ критиковъ, — говоритъ Пушкинъ,—кажется полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи»; «другіе—продолжаетъ онъ, видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, объясняясь по русски, употребляютъ русскія выраженія». Не въ этомъ, по мнѣнію Пушкина, заключается народность. «Народность въ писателѣ—говоритъ онъ —

есть достоинство, которое вполне можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ... Есть образъ мыслей и чувствовзній, есть тѣма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра—даютъ каждому народу особенную физиономію, которая болѣе или менѣе отражается въ поэзіи». Слѣдовательно, быть народнымъ значитъ изображать окружающую дѣйствительность какъ она есть. Современники Пушкина далеко не все могли понять, что въ произведеніяхъ возмужавшаго таланта изображалась безъ прикрасъ русская народность, и только Бѣлинскому Пушкинъ обязанъ тѣмъ, что за нимъ усваивается имя народнаго поэта.

Въ этомъ вторая величайшая заслуга Пушкина. Его геній художественно представилъ намъ самыя лучшія внутреннія черты нашей народности и, такимъ образомъ, указалъ послѣдующимъ писателямъ тотъ путь, которымъ они должны идти, если желаютъ, чтобы ихъ творенія получили всеобщее значеніе. Русская литература въ настоящее время возвышается надъ другими именно своей индивидуальностью, изображеніемъ тѣхъ свойствъ, которыя отличаютъ одну національность отъ другой. Завѣтъ Пушкина исполняется тотчасъ же Тургеневымъ, говорящимъ намъ, что «въ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ». Но нужно было въ то время быть геніемъ, чтобы сознаніе народности не перешло въ кичливое національное самомнѣніе и не выразилось-бы во внѣшнихъ только проявленіяхъ. Воспринимая все данныя европейской культуры, насколько послѣдняя является общечеловѣческой, Пушкинъ представляетъ намъ вполне русскаго человѣка, какъ онъ сложился на протяженіи вѣковъ, и нашимъ писателямъ оставалось только расширять содержаніе и отыскивать новыя свойства русскаго человѣка. Всякая неестественность въ изображеніи народныхъ чертъ послѣ Пушкина стала настолько ощутительна, что совершенно безъ слѣда исчезли прежнія манеры рисовать русскую жизнь съ чужихъ образцовъ. И опять, слѣдовательно, мы раздѣлимъ всю нашу литературу на двѣ половины: съ одной стороны—вся плеяда писателей, изобразившихъ русскую народность съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, а съ другой—Пуш-

кинъ, положившій прочное основаніе художественнаго воспроизведенія народности.

Развитіе литературы тѣсно связывается съ развитіемъ языка. То и другое находится во взаимномъ самодѣйствіи. Безъ развитого литературнаго языка не возможна высокая степень литературы и, съ другой стороны, безъ развитія литературы не можетъ развиваться и языкъ. Вотъ почему мы и наблюдаемъ, что выдающіеся таланты одинаково оставляютъ свой слѣдъ какъ въ проведеніи новыхъ идей, такъ и въ приданіи языку большей степени совершенства. На глазахъ Пушкина шла жестокая борьба по вопросу, какимъ языкомъ надо писать то или другое литературное произведеніе. Ему достался въ наслѣдство языкъ, уже достаточно тронутый Карамзинскими реформами, но предстояло сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы русскій литературный языкъ вполне соответствовалъ тому богатому содержанію, которое открывалось съ эпохи Пушкина. Въ своемъ стремленіи приблизить письменный языкъ къ языку разговорному Карамзинъ, широко пользуясь способомъ изобрѣтенія новыхъ словъ, мало вносилъ въ него элемента чисто народнаго. Пушкинъ восполнилъ эту сторону. Все у него оказывалось, такимъ образомъ, въ связи—и содержаніе и способъ его выраженія. Русскій языкъ, по словамъ Пушкина, гибокъ и мощенъ въ своихъ оборотахъ и средствахъ, переимчивъ и общежителенъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ. Но Пушкинъ хорошо видѣлъ, что еще много предстоитъ работы, чтобы русскій языкъ получилъ полное право гражданства. «Положимъ—говоритъ онъ—что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по русски не объяснились: метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ». Пушкинъ былъ для своего времени правъ, и только лишь съ тридцатыхъ годовъ сталъ у насъ вырабатываться метафизическій языкъ. «Проза наша, продолжаетъ онъ, такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны». Еще передавая письмо Татьяны, поэтъ замѣчаетъ,

что «донинѣ гордый нашъ языкъ къ почтовой прозѣ не привыкъ». Предстояла, слѣдовательно, работа, чтобы нашъ языкъ былъ вполне удобенъ для прозы. Пушкинъ видѣлъ могущественное средство къ тому въ освѣженіи книжнаго языка народными элементами. «Простонародное нарѣчіе», говоритъ онъ, необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впоследствии они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей» — положеніе, вполне вѣрное. Не ту ли же судьбу испытала и вся русская литература? Народная поэзія, оторванная отъ просвѣщенныхъ людей и перешедшая къ Аринамъ Родионовнымъ, въ лицѣ гениальнаго поэта возводится на должную высоту и своей чистотой и первобытностью освѣжаетъ старое содержаніе. Но гениальный поэтъ былъ чутокъ не только къ содержанію, но и къ формѣ. Разматривая романъ Загоскина «Юрій Милославскій», Пушкинъ ставитъ ему въ заслугу, что «разговоръ живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ, обличаетъ мастера своего дѣла». Такимъ образомъ, Пушкинъ подмѣчаетъ въ простонародной рѣчи два важныхъ качества—живость и драматичность. Но какъ же можно пользоваться богатствомъ живого народнаго языка? Необходимо самому спуститься въ народъ, необходимо опроститься и послушать рѣчь простолюдина. И вотъ Пушкинъ, дѣйствительно, спускается въ народъ, ходитъ по базарамъ, прислушивается къ говору, и оставляетъ намъ драгоценный совѣтъ: «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими презираютъ». Но не только для критиковъ нужно знаніе свойствъ народнаго языка. «Разговорный языкъ простого народа—замѣчаетъ Пушкинъ, достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. «Не худо намъ иногда—продолжаетъ онъ—прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ». И Пушкинъ упорно работаетъ надъ языкомъ. Его природныя дарованія и необыкновенное чутье языка всегда полагали опредѣленную границу тому или другому элементу. При полномъ еще отсутствіи понятій о законахъ развитія языка, когда еще и не предчувствовалось существованіе новой науки, опредѣлившей впоследствии принципы жизни языка, Пушкинъ совершенно правильно смотритъ на взаимное отношеніе живого языка къ правиламъ, указываемымъ

грамматикой. «Грамматика,—говоритъ онъ,—не предписываетъ законовъ языка, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычай». Слѣдовательно, сначала идетъ живой языкъ, а потомъ и грамматика—положеніе, въ настоящее время азбучное, но во время Пушкина едва ли общеизвѣстное. Какъ вездѣ, такъ и въ языкѣ, въ заимствованіи ли слова изъ лѣтописей или изъ живого простонароднаго говора, Пушкинъ требовалъ чувства мѣры, а чувство мѣры опредѣляется истиннымъ вкусомъ. «Истинный вкусъ—говоритъ Пушкинъ—состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности». И первый, кто удовлетворилъ вполне всемъ указаннымъ условіямъ, былъ самъ Пушкинъ. Необыкновенная сжатость и въ то-же время выразительность, мѣткость и точность въ выборѣ словъ, плавныя, но вполне соответствующія живой русской рѣчи краткія синтаксическія формы—все это, соединенное съ безыскусственностью, сдѣлало Пушкина учителемъ русскаго языка для всего послѣдующаго поколѣнія. Не безъ труда достигалъ Пушкинъ такого совершенства въ языкѣ, и его черновыя тетради свидѣтельствуютъ, сколько значенія придавалъ онъ отдѣлкѣ языка своихъ произведеній. Мало того, что онъ находилъ нужнымъ тщательно обрабатывать слогъ своихъ произведеній: ему приходилось, кромѣ того, объяснять критикѣ, почему онъ употребилъ тотъ, а не другой оборотъ. И здѣсь Пушкинъ выставляетъ то же требованіе, что и относительно содержанія — простоту. Природное чувство изящнаго удерживало Пушкина на вершинѣ простоты, а истинный вкусъ заставлялъ его передѣлывать какъ стихотворенія, такъ и мелкія прозаическія статьи до тѣхъ поръ, пока не выливались тѣ слова и выраженія, которыя удовлетворяли поэтическому чувству поэта. Тѣхъ же качествъ и той-же отдѣлки требовалъ Пушкинъ и отъ другихъ. «Да говори просто: ты довольно уменъ для этого» — восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго объ Озеровѣ одну пышную фразу. Онъ зачеркиваетъ въ той же статьѣ фразу Вяземскаго «и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія», замѣняетъ ее другой «и совсѣмъ его забыли» и въ скобкахъ добавляетъ: «проще и лучше».

Вотъ третья великая заслуга Пушкина. Его талантъ опередилъ современниковъ. Гораздо раньше научныхъ открытій Пушкинъ вѣрно и твердо опредѣлилъ значеніе языка народнаго.

Въ настоящее время наука окончательно признала важное значеніе знакомства съ говоромъ вообще для правильнаго пониманія самаго роста языка. Въ чисто же литературной сферѣ языкъ Пушкина всегда служилъ примѣромъ умѣлаго обращенія съ нимъ. Нашимъ послѣдующимъ писателямъ значительно облегчалась задача: имъ уже не приходилось бороться съ недостатками русскаго языка, когда послѣ Пушкина онъ предсталъ предъ ними въ своемъ выработанномъ изящномъ видѣ. Лучшій нашъ стилистъ-художникъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, говоритъ, что онъ учился русскому языку у Пушкина, послѣдующіе учатся у Тургенева, и такимъ образомъ, между Пушкинымъ и послѣдующимъ поколѣніемъ писателей и въ этомъ отношеніи обнаруживается живая неразрывная связь.

Но слово есть внѣшнее выраженіе внутренняго содержанія, и языкъ есть могущественное средство для человѣка выражать свою внутреннюю индивидуальность. Если, по словамъ Пушкина, «есть образъ мыслей и чувствованій, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу», то, слѣдовательно, каждый народъ и выражается по своему. Чѣмъ шире содержаніе, тѣмъ разнообразнѣе и богаче языкъ, а чѣмъ талантливѣе писатель, тѣмъ вѣрнѣе соответствіе между содержаніемъ и выраженіемъ. Если въ поэзіи Пушкина русская народность впервые явилась съ наибольшей рельефностью, то и самый языкъ его поэзіи наглядно обнаруживаетъ, какъ выражаетъ свои думы и чувствованія русскій человѣкъ. Послѣдующая плеяда писателей, расширяя содержаніе литературы, расширила и область чувствъ и думъ русскаго человѣка, но это расширеніе въ его внѣшнемъ выраженіи покоилось, какъ на твердомъ базисѣ, на поэзіи Пушкина, являвшей народность не только въ содержаніи, но и въ способахъ его выраженія. Пушкинъ, слѣдовательно, есть по преимуществу выразитель народнаго духа, отражающагося въ словѣ.

Творчество Пушкина шло рядомъ съ его отзывчивостью на литературные запросы. Онъ рѣдко вступалъ въ полемику, однако же постоянно высказывалъ свои взгляды и на состояніе современной литературы и на необходимость критики. Онъ старался себя самому дать отчетъ въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя онъ переживалъ подъ чужимъ вліяніемъ, и, освободившись отъ послѣдняго, давалъ ему характеристику. Пушкинъ былъ не

только поэтъ, но и литераторъ и до известной степени не былъ чуждъ и публицистики. Двадцатые и тридцатые годы текущего столѣтія отмѣчены у насъ, между прочимъ, рожденіемъ литературной критики. Критика захватила и Пушкина. Его критическія замѣчанія имѣютъ значеніе не столько по отношенію къ литературнымъ теоріямъ, которыя сами строились на его произведеніяхъ, сколько по своей связи съ его литературной дѣятельностью. Его замѣчанія касались характера самой критики и опредѣленія современнаго ея состоянія. Несмотря на обиліе для тогдашняго времени критическихъ статей объ его произведеніяхъ, Пушкинъ не признавалъ существованія у насъ критики въ собственномъ смыслѣ. «У насъ есть критика, но нѣтъ литературы» — писалъ его пріятель Бестужевъ; Пушкинъ на это возражаетъ: — «Гдѣ же ты это нашелъ? Именно, критики у насъ недостаетъ». «Критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи» — говоритъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ. Ея младенческое состояніе, по его словамъ, выражается въ томъ, что, «она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя». Противъ послѣдняго-то свойства современной критики и вооружался Пушкинъ, говоря, что «состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще». Пушкинъ признавалъ важность критики, но насколько по своему таланту онъ превосходилъ другихъ, настолько же онъ возвышался надъ ними терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ: «Никогда не могъ я — говоритъ онъ — до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣтность, чтобы взять перо и приняться за возраженія или доказательства». И это происходило не отъ пренебреженія къ публикѣ, ибо Пушкинъ хорошо видѣлъ, что публика всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей: «Намъ все еще печатный листъ кажется святымъ» — говоритъ онъ.

Критика времени Пушкина не отличалась разборчивостью въ выраженіяхъ и не стѣснялась выходить изъ-за предѣловъ литературныхъ отношеній. Пушкинъ, поэтому, былъ вынуждаемъ иногда давать горячій отпоръ своимъ хулителямъ. «Будучи русскимъ писателемъ — говоритъ онъ — я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ». Вопросъ былъ только въ томъ, должно ли отвѣчать на критику.

Пушкинъ различалъ два рода критики: критику чисто-литературную и оскорбленія личныя или клеветы. И если «можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ, когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги, то (но) не должно оставлять безъ вниманія оскорбленія личныя и клеветы». «Публика не заслуживаетъ такого неуваженія» — добавляетъ Пушкинъ. Итакъ, отвѣчать на критику нужно, нужно руководить вкусомъ публики. Когда еще не выработано прочныхъ положеній ни политическихъ, ни общественныхъ, ни литературныхъ, тогда публика легко поддается тѣмъ, кто смѣлѣе и менѣе разборчивъ въ средствахъ. Пушкинъ видѣлъ необходимость противодействовать разлагающему вліянію такого рода литераторовъ и критиковъ, и пишетъ, что «въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій... но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо». Какъ писатель и просвѣщенный человѣкъ, Пушкинъ хорошо понималъ, что литературная критика есть одинъ изъ способовъ образованія общественности гражданъ. «Дружина ученыхъ и писателей — говоритъ онъ — стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла». Ученые и писатели, слѣдовательно, не могутъ быть отдѣляемы отъ критиковъ и всѣ вмѣстѣ способствуютъ тому, что публика пріучается вырабатывать свое мнѣніе, и «такимъ образомъ — говоритъ Пушкинъ — и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина».

Но чего же требовать отъ литературной критики, чтобы она исполняла одну изъ функцій общественной жизни? Требованія Пушкина вытекали изъ наблюденія того состоянія критики, въ которомъ она находилась въ его время. Критика же его времени далеко не отличалась ни твердо установленными принципами, изъ которыхъ она должна исходить, ни объективностью въ своихъ отношеніяхъ къ писателямъ. «Критики наши — пишетъ Пушкинъ — говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ

не выманишь». Такой способ критики не приносит никакой пользы. «Не довольно—говорить Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ—если критикъ рѣшить, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ нибудь это и докажетъ». Пушкину приходилось бороться и противъ внѣшнихъ приѣмовъ критики. Онъ видѣлъ въ журналахъ критику мелочную, критику буквъ, отъ которой, по его словамъ, пора бы отвыкнуть. Критика напр. говорила, что такія-то и такія-то слова являются низкими. Пушкинъ на это отвѣчалъ: «Низкими словами я почитаю тѣ, которыя выражаютъ низкія понятія, но никогда не пожертвую искренностью и точностью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.». Критика говорила, что такое-то и такое-то стихотвореніе безнравственно, ибо его нельзя дать читать 15 лѣтней дѣвушкѣ. Пушкинъ на это возражаетъ: «Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлью или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣка... Но шутка, вдохновенная сердечною веселостью и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственной только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое средство».

Всѣ подобнаго рода отдѣльные отзывы и возраженія Пушкина приводятъ къ выводу, что онъ смотрѣлъ на критику какъ на весьма серьезное дѣло. Она должна идти вмѣстѣ съ литературой, образовывая и просвѣщая публику; она должна стоять на высотѣ своего достоинства и не допускать личнаго элемента; она должна обращать вниманіе не на слова, а на духъ произведенія, а въ своихъ сужденіяхъ не выставять чисто случайныхъ основаній.—Быстрые успѣхи сдѣлала русская критика со времени тридцатыхъ годовъ. Но мысли Пушкина, частію разсѣяныя въ видѣ афоризмовъ, проникаютъ и въ цѣлыя трактаты позднѣйшихъ критиковъ. Эстетическая школа любовалась красотой литературнаго произведенія, и въ этомъ отношеніи сужденія Пушкина о всѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ писателяхъ удивляли своею вѣрностью и сходились съ мнѣніями такого тонкаго цѣнителя, какъ Бѣлинскій. Когда критика приняла общественное направленіе, когда на Пушкина посыпался рядъ обвиненій въ служеніи чистому искусству и въ пренебре-

женіи запросами общества, то забывали при этомъ, что самъ Пушкинъ видѣлъ въ критикѣ могущественное средство образовывать общественное мнѣніе. Расширялось содержаніе русской жизни, раздвигалась и область литературы, мужала вмѣстѣ съ тѣмъ и критика; но если мы прослѣдимъ ея исторію, то и увидимъ, что она постоянно стремится къ той же цѣли, на которую указалъ Пушкинъ—именно къ образованію вкуса публики и къ управленію общимъ мнѣніемъ. И въ этомъ отношеніи Пушкинъ подаетъ нашему времени свою руку.

Мм. Гг.!

Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы официально вступимъ въ 20-е столѣтіе, и Пушкинъ для насъ станетъ поэтомъ прошлаго вѣка. Множество открытій принесетъ, конечно, этотъ вѣкъ, и многимъ народамъ откроются, можетъ быть, новые пути для всеобщей работы. Приобщенная къ процессу всемірной исторіи, воспринимая всѣ данныя европейской культуры, и Россія вмѣстѣ съ другими вноситъ и будетъ вносить свою долю участія въ развитіи человѣчества, въ его стремленіи идти по пути матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія. Но работая прежде всего для своего дома, русской человѣкъ тѣмъ самымъ крѣпче привязывается къ нему и тѣмъ сильнѣе вырабатываетъ въ себѣ самосознаніе. Чествуемый нынѣ поэтъ сказалъ: «Независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы». Но самоуваженіе народа, какъ и отдѣльной личности основывается на самосознаніи. И если Пушкинъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ нашего самосознанія, то нынѣшній день есть по преимуществу день торжества русскаго человѣка. Вся Россія, отъ столицъ до глухихъ уголковъ, всему свѣту заявляетъ свои права на національную гордость и народное самосознаніе. Не увѣчанный славою оружія полководецъ, раздвинувшій предѣлы русской земли, не государственный дѣятель или дипломатъ, дѣла котораго ясны всему міру, — чествуется нынѣ, но артистъ-художникъ, въ жестокой вѣкѣ возславившій свободу и своей лирой пробуждавшій чувства добрыя. Этотъ артистъ-художникъ въ большей степени, чѣмъ кто либо, есть «радѣтель земли русской», и нынѣшнее всероссійское торжество въ честь создателя національной литературы есть яркое доказательство нашей возмужалости. «Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, есть первый при-

знакъ ума просвѣщеннаго»—сказалъ чествуемый нынѣ поэтъ, а уважая своихъ славныхъ дѣятелей и всенародно воздавая имъ должное, мы тѣмъ самымъ показываемъ міру, что уважаемъ себя. Пушкинское торжество есть торжество народной гордости.

Но нынѣшній день есть также праздникъ искусства, и потому есть праздникъ всего человѣчества. Во всѣхъ концахъ Россіи раздается кличъ къ забвенію житейской прозы и къ освѣженію духа чистой поэзіей. Великій поэтъ самъ объясняетъ нынѣшнее торжество поэзіи: «Произведенія великихъ поэтовъ—говоритъ онъ—остаются свѣжи и вѣчно юны—и между тѣмъ какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не потеряетъ своей младости». А если такъ, то всероссійское торжество поэзіи служитъ доказательствомъ, что человѣкъ стремится жить и дѣйствовать въ гармоническомъ сліяніи національныхъ силъ съ общечеловѣческимъ стремленіемъ къ правдѣ и съ общечеловѣческою готовностью на звуки лиры отзываться чувствами добрыми. «Поэзія есть земная сестра небесной религіи»—сказалъ учитель Пушкина, и нынѣшнее одушевленіе не есть-ли доказательство, что Пушкинъ вѣчно будетъ сіять для насъ, какъ творецъ художественной красоты? «Геній, какое направленіе ни изберетъ—говоритъ самъ Пушкинъ—останется всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси». — Судъ потомства уже свершился. Пусть же геній Пушкина будетъ витать надъ нашей словесностью свѣтлымъ геніемъ, побуждая насъ среди «житейскаго волненія» освѣжаться «чистыми звуками» поэзіи и отъ низменной житейской прозы возноситься къ созерцанію художественной красоты!

Общественные идеалы А. С. Пушкина.

И. д. экстра-ординари. профес. А. Е. Назимова¹⁾.

Мм. Гг.

Значеніе А. С. Пушкина не ограничивается его великими заслугами передъ русской словесностью. Пушкинъ поэтъ-мыслитель; въ его поэзіи отражаются его завѣтныя думы; творенія его имѣютъ важное значеніе для исторіи самосознанія русскаго общества.

Въ исторіи русской культуры царствованіе Императора Александра I занимаетъ почетное мѣсто. Благодаря сближенію съ западомъ, русское общество обогащается запасомъ новыхъ идей; русскіе люди начинаютъ критически относиться къ явленіямъ русской жизни и требовать реформъ во имя культурныхъ идеаловъ. Обнаруживается стремленіе къ просвѣщенію, гуманности, къ огражденію правъ личности, стремленіе къ общественной свободѣ. Свѣтлые идеалы эпохи глубоко западаютъ въ впечатлительную душу юноши поэта; но Пушкинъ сохраняетъ въ себѣ эти идеалы и въ пору возмужалости и полного расцвѣта своего таланта; онъ вспоминаетъ о нихъ и незадолго до своей кончины, когда, перечисляя въ «Памятникѣ» свои заслуги передъ русскимъ обществомъ, онъ говоритъ, «что въ свой жестокой вѣкъ возславилъ онъ свободу.»

Я постараюсь показать, какъ развивался у Пушкина идеалъ общественной свободы; въ какой мѣрѣ онъ вліялъ на его творчество, какъ отразились въ Пушкинской поэзіи стремленія современнаго ему русскаго общества.

¹⁾ Произнесена на торжественномъ собраніи университета и городского управленія, 26 мая.

Среди политических теорій начала XIX-го вѣка видное мѣсто занимаетъ ученіе о, такъ называемомъ, естественномъ правѣ; ученіе теперь почти забытое, но сильно вліявшее въ то время на умы. Естественное право стремится опредѣлить отношенія общежитія, отношенія людей между собой, по началамъ естественной справедливости, по началамъ, вытекающимъ изъ человѣческой природы. Когда естественное право съ своими требованіями естественной справедливости приходитъ въ столкновение съ опредѣленіями положительнаго права, то сторонники естественнаго права начинаютъ требовать устранения злоупотребленій, требовать реформъ во имя своего общественнаго идеала. Для русскаго общества того времени естественное право не было новинкой. Но съ конца прошлаго столѣтія эта доктрина получала въ глазахъ современниковъ особенное значеніе. Французскій переворотъ 1789 года, имѣвшій такой резонансъ по всей Европѣ, былъ попыткой перестроить общественныя отношенія по началамъ естественной справедливости; ученіе естественнаго права переходило, слѣдовательно, изъ области теоріи въ практику; мало того: Императоръ Александръ I, воспитанникъ республиканца Лагарпа и восторженный поклонникъ либеральныхъ идей своего времени въ началѣ царствованія, не скрывалъ своей антипатіи къ существующимъ порядкамъ и обѣщавъ Россіи коренныя преобразованія въ либеральномъ духѣ. При такихъ условіяхъ естественное право, которое преподавалось въ то время не только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ старшихъ классахъ гимназій, получало особенное воспитательное значеніе: въ сухія матеріи догматической юриспруденціи оно вносило живую политическую струйку, давало идеаль, воспитывала будущихъ дѣятелей на началахъ справедливости и гуманности. Молодой Пушкинъ, конечно, не остался въ сторонѣ отъ этого умственного движенія. Въ стихахъ, посвященныхъ памяти проф. Куницына, онъ такъ изображаетъ вліяніе на молодѣжь талантливаго преподавателя естественнаго права въ Царскосельскомъ лицѣ:

«Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень»
 «Поставленъ имъ краугольный камень»,
 «Имъ чистая лампада возжена.»

Наступившая реакція отнеслась къ естественному праву крайне недружелюбно; преподаваніе его отнынѣ допускалось

только въ обличительномъ духѣ; ученые сторонники его преслѣдовались. Куницынъ долженъ былъ выйти въ отставку, а книга его о естественномъ правѣ была запрещена, какъ пропитанная революціоннымъ духомъ.

Но притокъ либеральныхъ идей въ русское общество все-таки продолжался; онъ принялъ только другую форму. Ж. Ж. Руссо, самый блестящій представитель ученія о естественномъ правѣ XVIII столѣтія и горячій сторонникъ его, хорошо понималъ, что для распространенія любимыхъ его идей недостаточно дѣйствовать на разумъ людей, что гораздо вѣрнѣе дѣйствовать на ихъ чувство и воображеніе. Исходя изъ этой мысли Руссо недовольствуется составленіемъ политическихъ трактатовъ, а пропагандируетъ свою идею посредствомъ педагогическихъ и соціальныхъ романовъ, въ которыхъ съ ѣдкимъ сарказмомъ нападаетъ на современную ему цивилизацію и въ обольстительныхъ краскахъ рисуетъ человѣческую природу въ ея неповрежденномъ состояніи. Нападки на цивилизацію, призывъ къ первобытному состоянію природы переходятъ отъ Руссо къ писателямъ романтической школы. Мотивъ этотъ встрѣчается у Шатобриана, рисующаго прелести дѣвственной американской природы и первобытныя нравы дикарей, съ которыми онъ ознакомился во время своихъ путешествій; также и въ поэзіи Байрона, гордые герои котораго не могутъ ужиться съ цивилизаціей и бросаютъ ей вызовъ.

Сочиненія этихъ писателей были знакомы русской читающей публикѣ и, конечно, вліяли на складъ мыслей образованнаго общества, когда появились поэмы Пушкина: «Кавказскій плѣнникъ» и «Цыгане». Впервые въ русскую поэзію перенесенъ былъ коренной вопросъ вѣка, вопросъ о противорѣчій современной цивилизаціи природѣ чловѣка, вопросъ, на который раньше у насъ встрѣчались только робкіе намеки. Впервые-же, это заманчивое первобытное состояніе такъ приближалось къ русскому читателю: оно изображалось уже не тамъ, гдѣ-то въ дали, за моремъ, а тутъ же у себя дома, у насъ въ Россіи, въ горахъ Кавказа и степяхъ Бессарабіи. Дѣйствительно, впечатлѣніе было необычайное. Впрочемъ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» читатель только какъ-бы готовится къ рѣшенію вопроса. Герой поэмы, молодой кавказскій офицеръ, вовсе не врагъ цивилизаціи; онъ считаетъ себя разочарованнымъ въ любви и дружбѣ

и летитъ въ далекій край «съ веселымъ призракомъ свободы». Но разочарованіе его не глубоко, и, послѣ своихъ кавказскихъ приключеній, онъ снова возвращается въ цивилизованное общество.

Не таковъ Алеко, герой «Цыганъ». Алеко, убѣжденный, принципиальный противникъ цивилизаціи и страстный поклонникъ первобытной свободы. Послушайте, въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ онъ изображаетъ испорченность цивилизованныхъ людей:

- «Любви стыдятся, мысли гонятъ.»
- «Торгуютъ волею своей.»
- «Главы предъ идолами клонятъ.»
- «И просятъ денегъ да цѣпей.»

Попавши въ цыганскій таборъ, Алеко искренно желаетъ «опроститься», желаетъ усвоить образъ жизни и привычки кочевниковъ; одного онъ не можетъ сдѣлать: не можетъ освободиться отъ своего эгоизма, отъ понятій цивилизованнаго человѣка о своихъ правахъ. Измѣна Земфиры, которая стараго цыгана оставляетъ равнодушнымъ, приводитъ его въ ярость; онъ восклицаетъ: «отъ правъ своихъ не откажусь!». Тутъ-то и разыгрывается драма. Читатели, наслаждаясь поэтическими красотами поэмы, могли придти къ слѣдующему философскому выводу. Первобытное состояніе, съ которымъ такъ носится цивилизованный человѣкъ, къ которому такъ стремится—ему совершенно недоступно: оно давно ушло отъ него въ историческую даль; а если-бы ему и удалось открыть слѣды этого первобытнаго состоянія у полудикихъ племенъ, все-таки онъ не могъ-бы сжиться съ нимъ; онъ не снесъ-бы его, оно не доступно ему психологически: гордый современный человѣкъ не можетъ сжиться «съ смиренной вольностью цыганъ», такъ же, какъ христіанинъ не можетъ сжиться съ обычаемъ кровавой мести кавказскихъ горцевъ.

«Цыгане» знаменуютъ собой поворотный пунктъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ оставляетъ мечты о естественномъ правѣ и естественномъ состояніи человѣка и начинаетъ смотрѣть на общественные вопросы съ исторической точки зрѣнія; беретъ свои сюжеты изъ дѣйствительной русской жизни и изъ русской исторіи. Другими словами, Пушкинъ переживаетъ тотъ-же процессъ мысли, который характеризуетъ научную эволюцію начала

XIX вѣка. Но большинство русской публики не успѣвало въ своемъ развитіи за поэтомъ. Публика оставалась при своемъ старомъ міровоззрѣніи, она все просила поэмъ, вроде «Кавказскаго плѣнника» и «Цыганъ», и уже хуже понимала послѣдующія произведенія Пушкина.

Справедливо было замѣчено, что Кавказскій Плѣнникъ, Алеко и Евгенийъ Онѣгинъ—разновидности одного и того-же типа; это могло бы навести на мысль, что и въ Евгении Онѣгинѣ поэтъ интересуется тотъ-же старый, наболѣвшій вопросъ о свободѣ; но герой поэмы ищетъ этой свободы уже не внѣ общества, не въ фантастическомъ естественномъ состояніи, а старается отстоять среди общества свою независимость. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ сплетается съ вопросами русской общественной жизни первой четверти XIX-го вѣка; онъ видоизмѣняется при этомъ въ вопросъ о личной независимости, о личномъ достоинствѣ. Въ настоящее время существуетъ убѣжденіе, что достоинство человѣческой личности не зависитъ ни отъ служебнаго положенія, ни отъ принадлежности къ сословію. Но эта простая, повидимому, мысль была результатомъ долгой умственной работы, сложнаго историческаго процесса. Въ Пушкинское время процессъ этотъ далеко еще не завершился въ русскомъ обществѣ, а достоинство человѣческой личности рѣшительно заслонялось служебной и сословной честью.

Пушкинъ ненавидѣлъ бюрократическую рутину и никогда не былъ чиновникомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но во время своего пребыванія на югѣ Россіи, онъ, по обычаю того времени, числился по министерству иностранныхъ дѣлъ. Геніальный русскій поэтъ былъ въ служебной іерархіи и въ обществѣ не болѣе, какъ коллежскимъ секретаремъ, и это ему, при случаѣ, давали чувствовать. Неудивительно поэтому, что вопросъ о чиновничьей въ Россіи рано сталъ предметомъ его размышленій. Однажды, бесѣдуя съ Погодинымъ, Пушкинъ сказалъ: «можемъ-ли мы познакомить съ нынѣшней Россіей не растолковавши, что такое тайный совѣтникъ и коллежскій регистраторъ?» Нашъ извѣстный историкъ, очевидно, былъ пораженъ мѣткостью этого замѣчанія и внесъ его въ свой дневникъ.

Въ твореніяхъ Пушкина не мало колкихъ и остроумныхъ замѣчаній объ этомъ-же предметѣ. Въ «Романѣ въ письмахъ» переписываются между собой двое современныхъ молодыхъ людей

различнаго образа мыслей; одинъ изъ корреспондентовъ, убѣждая другого служить, пишетъ между прочимъ: «чины въ Россіи необходимость; молодому дворянину необходимо служить хоть для однѣхъ станцій, гдѣ безъ того не добьется лошадей». У Лариныхъ, за столомъ, по стародавнему русскому обычаю, разносятъ гостямъ блюда по чинамъ. Да, не у однихъ Лариныхъ. Во время путешествія въ Арзерумъ Пушкинъ располагалъ плохимъ трактирнымъ столомъ. Онъ поэтому очень обрадовался, когда одинъ извѣстный тифлисскій гастрономъ пригласилъ его къ себѣ обѣдать. Но Пушкину не пришлось полакомиться, такъ какъ за столомъ были чиновные гости, а прислуга его усердно обносила. Съ приличнымъ чиномъ на Руси хорошо было жить, хорошо было и умирать, а люди добраго стараго времени, посылая своихъ покойниковъ на тотъ свѣтъ, не забывали упомянуть о чинѣ:

«Господній рабъ и бригадиръ.»

«Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.»

Впрочемъ не всѣ дворяне въ одинаковой мѣрѣ стремились на государственную службу; не для всѣхъ служба представляла одинаковыя выгоды; люди со связями легко и быстро дѣлали карьеру; для другихъ-же служба была мачихой; при первой возможности они выходили въ отставку, селились въ деревняхъ и занимались хозяйствомъ. Но во вторую половину царствованія Александра I, у насъ замѣчается небывалое явленіе: молодые люди высшаго общества, слѣдовательно, со связями и протекціей избѣгаютъ службы. Не даромъ-же самые замѣчательные писатели того времени—Пушкинъ и Грибоѣдовъ выводятъ не служащихъ молодыхъ людей въ качествѣ своихъ героев. Онѣгинъ и Чацкій—литературные близнецы, не смотря на различіе характеровъ, не смотря на то, что у Чацкаго преобладаетъ въ жизни идейная сторона, а у Онѣгина эпикурейская; это люди одного общества, «цвѣтъ умной молодежи» того времени. Изъ разговора Чацкаго съ Фамусовымъ мы узнаемъ, почему Чацкій не служить:

«Служить-бы радъ, прислуживаться тошно.»

Знаемъ и взглядъ Фамусова:

«То-то, всѣ вы гордецы!»

«Спросили-бы, какъ дѣлали отцы.»

Но между отцами и дѣтьми разладъ непримиримый, а молодое поколѣніе идетъ своей дорогой. Онѣгинъ и Чацкій не только не служатъ, но и не поддерживаютъ родственныхъ связей, не подчиняются родственному авторитету. Эта вторая черта прибавлена не случайно къ характеру нашихъ героевъ, она дополняетъ первую. Молодой человѣкъ извѣстнаго круга, подчиняясь родственному авторитету непременно долженъ-бы былъ служить и дѣлать карьеру; съ другой стороны, служебный успѣхъ въ то время по большей части зависѣлъ отъ родственныхъ связей. Наконецъ, эти молодые люди усвоили себѣ какую то горделивую манеру держать себя въ обществѣ, манеру указывающую на какое-то внутреннее ихъ превосходство. Но чѣмъ-же они могутъ гордиться? Не дворянскимъ-же своимъ происхожденіемъ среди общества сплошь состоящаго изъ дворянъ! Не титулами и чинами которыхъ у нихъ нѣтъ; они очевидно полагаютъ свое достоинство въ чемъ-то другомъ, чѣмъ-то другимъ гордятся; но чѣмъ-же? Всмотримся ближе въ это явленіе и передъ нами раскроется общественное значеніе этихъ типовъ.

Онѣгинъ не служить и внутренно, конечно, гордится этимъ; онъ гордится тѣмъ, что онъ не карьеристъ; что свободенъ отъ искаательства и низкопоклонства съ которыми въ то время слишкомъ часто была связана служба, короче, онъ гордится своей общественной независимостью. Но этого мало; Онѣгинъ гордится своимъ независимымъ образомъ мыслей; онъ непременно либераль и притомъ либераль Александровскаго времени, т. е. слегка фрондирующій. Черта эта въ то время была обязательна для человѣка извѣстнаго круга, она служила признакомъ хорошаго тона. Онѣгинъ видитъ темныя и смѣшныя стороны тогдашняго русскаго общества; онъ не хуже Чацкаго съумѣлъ-бы заострить свои мысли въ эпиграмму, но онъ слишкомъ хорошо знаетъ свѣтъ, чтобы выступать обличителемъ свѣтскихъ пороковъ. Но въ его манерѣ держать себя есть что-то независимое; его трудно смѣшать съ толпой. Прислушаемся къ тому, что говорятъ про Онѣгина его деревенскіе сосѣди; они кое-что смекаютъ, хотя, конечно, все понимаютъ по своему:

«Онъ Фармазонъ; онъ пьетъ одно.»

«Стаканомъ красное вино;»

«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;»

«Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ.»

«Иль нѣтъ-съ». «Таковъ былъ общій гласъ.»

Наконецъ, Онѣгинъ чувствуетъ себя выше свѣтской толпы, презираетъ ее и даже чуждается свѣта; но привычками своими онъ связанъ съ свѣтомъ, онъ не можетъ отстать отъ него; онъ вѣкъ осужденъ вращаться въ средѣ, которая ему давно опостыла. Это вноситъ извѣстный трагизмъ въ его существованіе—черта автобіографическая.

Онѣгинъ, конечно, не Пушкинъ, гений поэта проводитъ въ этомъ отношеніи рѣзкую демаркаціонную линію. Но не подлежитъ сомнѣнію, что на характерѣ Онѣгина отразились нѣкоторыя черты характера поэта; недаромъ Пушкинъ считалъ «Евгенія Онѣгина» самымъ душевнымъ своимъ произведеніемъ. Дѣйствительно, на характерѣ героя поэмы отразилась основная черта характера Пушкина—его душевное благородство. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, что благородство Онѣгина просто сводится къ старому понятію о дворянской чести, какъ, напримѣръ, по вопросу о дуэли. Но при болѣе внимательномъ изученіи этого характера, мы убѣждаемся, что благородство Онѣгина имѣетъ болѣе широкую основу, что оно органически связано съ чувствомъ общественной независимости. Стремленіе къ этой независимости было завѣтнымъ стремленіемъ Пушкина, отличительной чертой его характера. Пушкинъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ это стремленіе развивалось въ русскомъ обществѣ и отмѣтилъ эту черту въ характерѣ своего героя.

Я старался показать, какъ у Пушкина видоизмѣнился идеалъ свободы, какъ смѣна этихъ идей вліяла на его творчество. Мы видѣли, что, слѣдуя направленію своего времени, Пушкинъ сначала искалъ этотъ идеалъ во внѣ общественномъ, первобытномъ состояніи человѣка, что потомъ вопросъ этотъ, перенесенный въ среду русскаго общества, привелъ его къ вопросу объ общественной независимости. Теперь, отмѣчая третій и заключительный фазисъ этой эволюціи въ понятіяхъ и творествѣ Пушкина, я долженъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Мы знаемъ, что развитіе либеральныхъ идей въ русскомъ обществѣ, начавшееся при столь благопріятныхъ условіяхъ въ первую половину царствованія Императора Александра I-го, встрѣчаетъ препятствіе во вторую половину этого царствованія. Событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ Императора Николая I заставили наше правительство круто повернуть на

путь реакціи. Видя крушеніе своихъ общественныхъ идеаловъ, Пушкинъ, однако, не упалъ духомъ; одаренный удивительной жизненной энергіей и замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, онъ сталъ искать въ окружающей его русской жизни элементовъ, способныхъ и теперь поддержать его завѣтныя стремленія къ независимости. Такимъ элементомъ было тогда только русское дворянство. Оно обладало достаткомъ, вліяніемъ и пользовалось драгоцѣнной привилегіей личной и имущественной неприкосновенности. Только опираясь на эти дворянскія привилегіи, можно было въ то время оградить себя отъ обиднаго и, нерѣдко, возмутительнаго произвола. Вотъ, въ этихъ-то дворянскихъ привилегіяхъ и нашелъ свой послѣдній пріютъ гонимый идеалъ общественной независимости Пушкина. Но дворянскія привилегіи были не конечной цѣлью, а лишь исходной точкой его общественныхъ стремленій. Въ дворянскомъ правѣ личной неприкосновенности какъ-бы въ зародышѣ таилось право на общечеловѣческое достоинство. Въ дворянскомъ сословіи Пушкинъ видѣлъ естественное представительство народныхъ нуждъ передъ правительствомъ; въ дворянствѣ видѣлъ ходатая за безгласную массу русскаго народа. Онъ по временамъ даже мечталъ о политической роли дворянства; но мечты эти были тогда несвоевременны и изобличали въ Пушкинѣ неисправимаго либерала Александровскаго времени. Какъ-бы мы не смотрѣли теперь на эту дворянскую теорію Пушкина, намъ нельзя будетъ отказать ему ни въ строгой послѣдовательности мысли, ни въ политическомъ тактѣ. Пушкинъ хорошо понималъ, что общественная свобода можетъ развиваться въ странѣ только при наличности социальна-независимыхъ элементовъ среди населенія, но какъ уже замѣчено, такіе элементы въ то время были только среди дворянства. Излагая воззрѣніе Пушкина на дворянство, нужно коснуться одного частнаго вопроса, имѣвшаго значеніе въ жизни поэта. Общественное значеніе дворянства подрывалось расколомъ среди его членовъ. Въ томъ тѣсномъ аристократическомъ кругу, въ которомъ вращался Пушкинъ, проводилось рѣзкое различіе между такъ называемой знатью, богатой и вліятельной, и остальнымъ дворянствомъ; для Пушкина, потомка древняго дворянскаго рода, эта исключительность знати была нестерпима. Противъ аристократической гордости знати онъ выставилъ гордость древняго историческаго дворянства; на высокомъ брѣ

отвѣчалъ эпиграммами. Этого именно вопроса Пушкинъ коснулся въ знаменитыхъ строфахъ «Родословной моего героя» («Мой дѣдъ не торговалъ блинами»), гдѣ зло осмѣялъ происхожденіе нѣкоторыхъ аристократическихъ фамилій отъ случайныхъ, или какъ ихъ тогда называли, «припадочныхъ» людей XVIII-го вѣка. Стрѣла попала въ цѣль и создала Пушкину враговъ непримиримыхъ. Пушкина не разъ упрекали за его аристократическія тенденціи; говорили: зачѣмъ гению входить въ мелкіе сословные счеты? Но не могъ же Пушкинъ при всякихъ мелочныхъ столкновенияхъ ссылаться на свою гениальность; въ средѣ, пропитанной предрасудкомъ, онъ говорилъ языкомъ предрасудка.

Пушкинъ хорошо понималъ, что дворянскій вопросъ органически связанъ съ крестьянскимъ вопросомъ. Еще въ 1822 году онъ писалъ: «нынче наша политическая свобода не разлучна съ освобожденіемъ крестьянъ». Слова эти, сказанныя въ то время, когда многіе сторонники политическихъ реформъ довольно холодно относились къ крестьянскому вопросу, указываютъ на высокій политическій смыслъ Пушкина. Но Пушкинъ былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ, конечно, и по другимъ причинамъ; да и могъ-ли Пушкинъ, страстно любившій народный языкъ и народную поэзію, не быть отъявленнымъ противникомъ рабства русскаго народа? Но условія того времени не допускали открытой проповѣди аболіціонистическихъ идей. Стихотвореніе «Деревня» писанное въ ту пору, когда наше правительство еще сочувствовало мысли объ освобожденіи крестьянъ, проникнуто чувствомъ глубокаго негодованія на крѣпостное право; въ «Анчарѣ» или «Древѣ Яда», писанномъ уже въ позднѣйшую эпоху, слышится чувство безпредѣльной грусти.

Вниманіе поэта-мыслителя привлекали и политическія движенія русскаго народа. Стеньку Разина Пушкинъ считалъ единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи; въ Пугачевѣ умѣлъ открыть человѣческія черты.

Пушкинъ внимательно слѣдилъ за политическими движеніями запада, онъ сочувствовалъ народнымъ движеніямъ Германіи, Италіи, Испаніи; онъ страстно желалъ освобожденія Греціи. Все его поэтическое творчество отражаетъ на себѣ его горячую любовь къ человѣческой свободѣ.

Говорили, что Пушкинъ подъ конецъ жизни поколебался въ своихъ общественныхъ идеалахъ. Историческое изученіе хода

его идей показываетъ, какъ мы видѣли, что онъ только мѣнялъ средства, ведущія къ цѣли, сообразно условіямъ времени, всегда оставаясь вѣрнымъ своимъ завѣтнымъ стремленіямъ. Насколько Пушкинъ и въ послѣднюю пору жизни былъ далекъ отъ официального оптимизма того времени, показываетъ намъ маленькое, неоконченное, но въ высшей степени замѣчательное произведеніе, которое Бѣлинскій справедливо считалъ литературнымъ перломъ. Я говорю о Исторіи села Горохина.

Обыкновенно думаютъ, что въ Исторіи села Горохина Пушкинъ пародировалъ «Исторію государства Россійскаго» Карамзина. Я полагаю, что намѣренія Пушкина шли дальше: онъ пародировалъ не только Карамзина, но и нѣкоторыхъ его противниковъ. Извѣстно, что въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Карамзинъ отличался крайнимъ консерватизмомъ; желая обосновать этотъ взглядъ исторически, онъ и въ своихъ изысканіяхъ по древней русской исторіи веюду, какъ-бы преднамѣренно, выдвигаетъ начало государственной власти. Крайніе политическіе противники Карамзина выставляли противъ его монархической теоріи теорію республиканскую, и преимущественно останавливались на началахъ народной свободы въ древней Руси. Особенной ихъ симпатіей пользовался вѣчевой строй древняго Новгорода и Пскова. Одно время эта древняя новгородская свобода кружила головы и нашимъ поэтамъ; даже Пушкинъ, начавъ писать поэму «Вадимъ» изъ древней новгородской жизни, заплатилъ дань этому направленію. Но объ теоріи, не смотря на полную свою противоположность, страдали однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ смотрѣли на древнюю русскую жизнь сквозь призму современныхъ политическихъ воззрѣній и, благодаря этому, конечно, приходили къ фальшивымъ выводамъ. Осмѣивая эти взгляды, Пушкинъ смѣется надъ историческими иллюзіями своего времени.

Чтобы вполне оцѣнить юморъ «Исторіи села Горохина» нужно возстановить въ памяти образъ того лица, отъ имени котораго ведется повѣствованіе, образъ простодушнаго Ивана Петровича Бѣлкина, помѣщика-самоучки. Бѣлкинъ имѣетъ страсть къ писательству, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проникнутъ почти суевѣрнымъ уваженіемъ къ литературѣ. Поэтому задумавъ писать исторію своего роднаго села Горохина и, боясь уронить

званіе исторіографа, Бѣлкинъ ведетъ свое повѣствованіе въ торжественномъ, высокопарномъ тонѣ; но описываемыя событія сельской жизни мелки и обыденны, онѣ не даютъ ни малѣйшаго повода къ паренію мысли; этотъ контрастъ между сюжетомъ и тономъ повѣствованія производитъ глубоко комическое впечатлѣніе.

Хотя имя Карамзина нигдѣ не упоминается, но съ первыхъ-же строкъ исторіи ясно, что Бѣлкинъ именно его ставитъ себѣ въ образецъ, именно ему старается подражать. Сюда относится прежде всего перечень источниковъ, на основаніи которыхъ Бѣлкинъ ведетъ свое повѣствованіе. Собраніе старыхъ календарей, дѣдовская лѣтопись, съ ея краткимъ, но выразительнымъ слогомъ, на примѣръ: «9-го мая дождь и снѣгъ; 10-го мая Тришка за пьянство битъ» и т. д. безъ всякихъ разсужденій; лѣтопись Горохинскаго дьячка, изустныя преданія, ревизскія сказки. Сюда же относится подробное географическое описаніе села Горохина; свѣдѣнія объ этнографическомъ составѣ населенія, нравахъ и обычаяхъ горохинцевъ, дѣленіе исторіи села Горохина на времена баснословныя и историческія, сообщеніе нелѣпой деревенской сказки съ благоразумной оговоркой, «что эта сказка не достойна вниманія историка и что намъ было-бы непросительно ей вѣрить послѣ Нибура.»

Но попутно достается и крайнимъ противникамъ Карамзина. Это село Горохино, которое долгое время платило помѣщику лишь малую дань и пользовалось автономіей, благодаря своему географическому положенію; эти грозныя предписанія объ увеличеніи дани, которыя читаются на шумномъ горохинскомъ вѣчѣ; эти отговорки и смиренныя жалобы горохинцевъ; наконецъ, крушеніе горохинскаго вѣчеваго строя; все это содержитъ въ себѣ намеки на знакомыя историческія черты и современныя увлеченія.

Пушкинъ достигъ апогея своего интеллектуальнаго развитія, когда писалъ Исторію села Горохина. Въ полной силѣ своего таланта, свободный отъ исторической фальши, онъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ передъ жизнію русскаго народа.

Какое направленіе приняли-бы его мысли? Мы можемъ объ этомъ только догадываться. Въ замѣчаніяхъ на исторію Полеваго, Пушкинъ говоритъ: «Россія никогда не имѣла ничего общаго съ остальной Европой; исторія ея требуетъ другой

мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада.» Въ замѣчаніяхъ на извѣстное философическое письмо Чаадаева, Пушкинъ съ удивительной проницательностью указываетъ на нѣкоторыя изъ такихъ особенностей нашей исторіи. Къ какимъ-же выводамъ привелъ-бы Пушкина этотъ самобытный взглядъ на русскую исторію? Какихъ откровеній можно было ждать отъ его дивной наблюдательности? А эта шуточная попытка показать, какъ отражается русская исторія на исторіи русскаго села, ячейки нашей народной жизни, развѣ не представляетъ проблеска гениальной мысли? Но Пушкинъ унесъ съ собою свою тайну.

Пушкинъ, какъ пѣвецъ свободы, выражалъ въ свое время стремленія лишь весьма небольшого кружка передовыхъ русскихъ людей, кружка, оторваннаго отъ народа. Я, однако, не могу разстаться съ своимъ предметомъ, не указавши на одну глубоконаціональную черту Пушкинской поэзіи. Первый намекъ на это сдѣланъ былъ еще въ 30-хъ годахъ нѣмецкимъ писателемъ Фарнгагеномъ, въ его критической статьѣ о Пушкинѣ. Фарнгагенъ проводитъ такую мысль: по общему правилу каждый поэтъ способенъ выражать въ своемъ творчествѣ только особенности своей мѣстной народной жизни; исключенія рѣдки: Байронъ расширилъ предѣлы своего творчества путешествіями, Гете силой духа. Но Пушкину «отдаленное по пространству и различное по духу естественно представляется въ его національномъ кругѣ. Ему все одинаково извѣстно—югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дивость и утонченность, древность и современность... на всѣ эти противоположности онъ имѣетъ равное право; всѣ онѣ его собственныя русскія.» Такъ говоритъ нѣмецкій критикъ.

Но Пушкинская поэзія отражаетъ на себѣ не только наши государственныя особенности, но и особенности нашего народнаго характера. Эта широта поэтической концепціи, эта способность проникаться духомъ чуждой цивилизаціи и сживаться съ разноплеменными типами—все это указываетъ на чисто русскій складъ ума нашего поэта: тутъ отражаются коренныя особенности русскаго характера: отсутствіе племенной гордости, дружелюбіе къ иноземцамъ, удивительная способность къ ассимиляціи чуждыхъ элементовъ. Особенности эти результатъ продолжительнаго историческаго процесса приспособленія; онѣ сыграли важную роль въ нашемъ государственномъ строеніи; онѣ составляютъ

нашу политическую силу; отражаясь въ поэзиі Пушкина, онѣ придаютъ ей глубоко національный характеръ.

А когда племена, о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ своемъ «Памятникѣ», откликнутся на его пророческій призывъ, когда передъ ними раскроются сокровища Пушкинской поэзиі, они найдутъ въ ней не узкую національную исключительность, а братскій призывъ къ вѣчнымъ началамъ правды, добра и свободы. Это случится, когда свѣтъ просвѣщенія прольется по всему лицу земли русской.

Скажу-же, въ заключеніе, словами нашего безсмертнаго поэта, любившаго уподоблять дневному свѣту свѣтъ разума и просвѣщенія:

«Ты, солнце святое, гори!»

Жизненная драма Пушкина ¹⁾.

Орд. проф. И. А. Линниченко.

На зарѣ жизни поэтъ-полуребенокъ, едва успѣвшій жадными устами коснуться чаши житейскихъ наслажденій, восклицаетъ въ восторгѣ упоенія:

Мигъ блаженства вѣкъ лови,
Помни дружбы наставленья,
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви. ²⁾

Къ поэту рано постучался маленькій шаловливый богъ, и онъ не въ силахъ уже съ нимъ разстаться:

И покажетъ жизни нить
Старой паркой тамъ прядется,
Пусть владѣтъ мною онъ,
Веселиться — мой законъ. ³⁾

Въ послѣдніе дни своей недолгой, но разнообразной и бурной жизни великій поэтъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, еще далеко не успѣвшій «въ предѣлѣхъ земномъ свершить все земное», поетъ исполненную гнетущей тоски лебединую пѣснь:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить,
Летать за днями дни, и каждый день уносить
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!

¹⁾ Рѣчь, произнесенная по порученію Совѣта въ торжественномъ собраніи Университета и ученыхъ Обществъ 27 мая 1899 г.

²⁾ I. 32. Большинство цитатъ по восьмому изданію Ефремова.

³⁾ I. 30.

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мнѣ доля,
 Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
 Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.¹⁾

Между этими двумя настроеніями цѣлая жизнь, исполненная такого захватывающаго интереса, такихъ шумныхъ успѣховъ, такого богатства разнообразныхъ ощущеній, такихъ моментовъ высокаго наслажденія, какіе выпадаютъ на долю только очень рѣдкихъ баловней судьбы, и мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: ужели эта тоскливая лебединая пѣснь — послѣдняя искренняя поэтическая исповѣдь всей прожитой жизни, не оправдавшей надеждъ, не удовлетворившей высокаго ума и горячаго сердца, или эти печальныя слова только слѣды минутнаго настроенія, временнаго упадка силы и воли, столь частаго у впечатлительныхъ натуръ? Уединиться, уйти отъ жизни, отъ ея интересовъ, горестей и радостей, искать наслажденія въ эгоистическомъ покоѣ, — и объ этомъ въ своей лебединой пѣснѣ мечтаетъ поэтъ, видѣвшій цѣль жизни своей въ пробужденіи добрыхъ чувствъ, въ призывѣ милости къ падшимъ, въ служеніи дорогой любимой родиной, — поэтъ впервые сведшій родную музу съ заоблачной колесницы, влекомой высокопарными орлами, выведшій ее изъ темной пещеры романтическихъ бредней на залитую свѣтомъ родного солнца проселочную дорогу, на кипящую шумной жизнью мѣщанскую улицу, поэтъ реальной русской дѣйствительности, такъ глубоко проникшій въ сущность духа своего родного народа! И если эта предсмертная исповѣдь невольный вопль изстрадавшейся души, то какую сумму тяжелыхъ ощущеній, разбитыхъ надеждъ и горькихъ разочарованій нужно пережить, чтобъ придти къ такому концу!

И въ настоящій день, день такого блестящаго осуществленія самыхъ завѣтныхъ мечтаній поэта, когда вся многомилліонная Русь одними устами повторяетъ имя величайшаго изъ своихъ пѣвцовъ, когда къ подножію его образа сносятся тысячи вѣнковъ и привѣтствій, спросимъ себя, — былъ-ли самъ поэтъ когда-либо счастливъ — не тѣмъ грубымъ счастьемъ, которое даетъ возможность удовлетворить своимъ страстямъ, самолюбію, тщеславію, а тѣмъ единственнымъ истиннымъ, высокимъ счастьемъ, которое

¹⁾ Изд. Лит. ф. II. 193.

даетъ удовлетвореніе самимъ собою, своей дѣятельностью, оправдывающей личное существованіе, осуществленіе дорогихъ идеаловъ, — тѣмъ счастьемъ, которое цѣликомъ не дается никому, но и крупицы котораго достаточно, чтобы въ упоеніи, подобно Фаусту, воскликнуть: мгновенье, ты такъ прекрасно, остановись?

Чужая душа — потемки. Внутренній процессъ душевныхъ движеній останется навсегда для насъ загадкой, — мы составляемъ о немъ болѣе или менѣе вѣроятное представленіе только по его конечнымъ результатамъ — внѣшнимъ актамъ. А между тѣмъ сколько разнообразныхъ ощущеній, внутреннихъ бореній, мыслей и чувствъ смѣняются въ душѣ прежде реального выраженія ихъ во внѣшнемъ актѣ! И чѣмъ глубже и разностороннѣе душевный міръ человѣка, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе этотъ духовный процессъ, а съ другой стороны — чѣмъ сдержаннѣе, чѣмъ менѣе экзпансивна натура даннаго лица, тѣмъ менѣе внѣшнихъ показаній оставляетъ она для исторіи его духовной жизни. Чаше другихъ даютъ намъ возможность хотя отчасти проникнуть въ чужую душу люди, одаренные поэтическимъ талантомъ. Каждое сильное ощущеніе, шумная радость, тихое восхищеніе, жгучая боль — вызываютъ въ душѣ поэта образы и звуки. «Въ часы печали томной, въ минуты вдохновенія» поэтъ призываетъ на пиръ воображенія свою неизмѣнную музу, и рука его невольно ищетъ чернильницы, подруги думы праздно¹⁾, и каждый листокъ поэтическаго произведенія — страница его собственной жизни.

Но однако мы должны сдѣлать оговорку: судить человѣка можно лишь по всей совокупности его поступковъ, — и для вѣрной оцѣнки чужой дѣятельности мы должны знать не только ея факты, но и ихъ мотивы. Многоразличныя черты каждаго характера, особенно у натуръ впечатлительныхъ, страстныхъ, могутъ настолько доминировать въ отдѣльныхъ поступкахъ, что ихъ легко принять за *основную*, существенную, опредѣляющую данную личность особенность. Оттого-то такъ и разнорѣчивы сужденія о каждой выдающейся личности: впечатлѣніе отдѣльнаго случая является основаніемъ приговора. Только знаніе всѣхъ крупныхъ фактовъ жизни, ихъ мотивовъ, и притомъ въ исторической послѣдовательности этихъ фактовъ, даетъ намъ возможность найти Ариаднину нить сущности каждаго отдѣльнаго

¹⁾ I. 343.

характера. Временное, наносное, подражательное часто заслоняет для насъ вѣчное, природенное, оригинальное, — и эту мысль понялъ и изобразилъ нашъ поэтъ въ своемъ «Возрожденіи»:—какъ въ замазанной художникомъ-варваромъ картинѣ:

Краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей,
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой,
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней. ¹⁾

Сказанное особенно примѣнимо къ писателю и поэту. Слова писателя — его дѣла. Душа поэта, какъ эхо, шлетъ отвѣтъ всѣмъ звукамъ жизни; но этотъ отвѣтъ не мертвый, а живой откликъ даннаго настроенія; въ разное время на тотъ-же звукъ отвѣчаютъ разныя струны души, и оттого въ твореніяхъ поэтовъ, особенно одаренныхъ такимъ удивительно-обширнымъ и разнообразнымъ діапазономъ, какъ Пушкинъ, вы найдете противоположные, противорѣчивые отклики на одни и тѣ-же жизненные явленія. Поэзію Пушкина часто сравнивали по широтѣ и разнообразію съ моремъ; но нужно помнить, что въ ней, какъ въ морѣ, идутъ вѣчно два параллельныя теченія — на поверхности, гдѣ свободно играетъ вѣтеръ, то слегка колебля легкую зыбь, то поднимая грозныя и бурныя валы, и въ глубинѣ, гдѣ ровно и спокойно текутъ воды, скрывающія такъ мало намъ вѣдомую, почти таинственную жизнь.

Прочтите безъ глубокаго анализа всю массу произведеній великаго поэта, просмотрите его обширную переписку съ друзьями и родными; что за духовный образъ поэта вынесете вы изъ этого бѣлаго знакомства? Какое огромное мѣсто среди его многочисленныхъ мелкихъ пьесъ проникнуто игривой безпечностью, шаловливымъ задоромъ, весельемъ, неунывающимъ юморомъ; какъ часто воспѣваетъ [онъ веселаго Вакха и шаловливаго Эрота; какъ мило и остроумно, порою слишкомъ вольно, бесѣдуетъ онъ мысленно съ далекими, но близкими его сердцу.

¹⁾ I. 268.

Какъ рѣдки въ его посланіяхъ жалобы, какъ быстро смѣняются въ нихъ мимолетныя грустныя тѣни удачной шуткой, мѣткимъ остроумнымъ сравненіемъ, неожиданной эпиграммой! И какъ сравнительно мало въ длинномъ ряду его лирическихъ изліаній слѣдовъ унылыхъ, меланхолическихъ, подавленныхъ настроеній! Вы скажете — это натура удивительно жизнерадостная, жизнеспособная, полная свѣжей бодрости и вѣчно юной энергіи, не отступающей передъ препятствіями, свѣтло и радостно глядящая на жизнь, быть можетъ слишкомъ безпечная и даже легкомысленная. Временныя испытанія, минутныя горести и разочарованія оставляютъ въ ней лишь минутный слѣдъ послѣдней тучи разсѣянной бури и не смущаютъ ликующаго дни свѣтлой жизни.

Но если мы ближе приглядимся къ многоузорной канвѣ его недолгой жизни, если мы глубже проникнемъ въ смыслъ его произведеній, искреннихъ и правдивыхъ отзвуковъ и собственной жизни, и окружающей дѣйствительности, мы придемъ къ иному, болѣе печальному, но и болѣе вѣрному выводу. Мы скажемъ: да, нужно было имѣть удивительную жизнеспособность, силу, энергію, вѣру въ лучшее будущее, чтобы вынести всю сумму нравственныхъ испытаній, какія выпали на долю пѣвца, такъ мало жившаго, такъ мало наслаждавшагося, нужно было много и тяжело «мыслить и страдать», чтобы умереть съ такимъ достоинствомъ, съ такимъ всепрощеніемъ.

И замѣтите: поэтъ, повидимому, столь общительный и экспансивный, былъ крайне сдержанъ въ проявленіи своихъ интимныхъ ощущеній. Онъ ревниво оберегалъ свою душу отъ чужой, хотя-бы и участливой, но рѣдко деликатной и почти всегда нескромной руки. Прочтите его наставленія юному брату — это цѣлый кодексъ поведенія для охраны личнаго достоинства и неприкосновенности души.

Прочтите его посланія къ друзьямъ — это своего рода художественныя произведенія. Въ душѣ поэта встаетъ образъ далекаго друга, и онъ бесѣдуетъ съ нимъ такъ-же, какъ-бы бесѣдовалъ наединѣ; онъ шутитъ и рѣзвится съ наперсниками по Вакху и Кипридѣ, умно и серьезно бесѣдуетъ съ товарищами чистыхъ помышлений, съ почтительнымъ достоинствомъ говоритъ со старцами и граціозно болтаетъ съ женщинами.

И какъ мало въ этихъ посланіяхъ интимныхъ изліяній: случайный просвѣтъ въ своей душѣ онъ быстро стремится прикрыть шуткой или эпиграммой. Онъ, всегда вдумчивый и осторожный, когда южный богъ дремлетъ въ его душѣ, такъ-же взыскателемъ къ своимъ посланіямъ, какъ и къ плодамъ музы; онъ по нѣскольку разъ обрабатываетъ простой дружескій отвѣтъ и нерѣдко, недовольный его тономъ или содержаніемъ, оставляетъ его у себя.

И если мы вспомнимъ, что поэтъ бережно хранилъ наиболѣе интимные плоды своей музы, что многіе изъ нихъ увидели свѣтъ только послѣ его безвременной кончины, а другіе погибли безвозвратно, мы поймемъ, что внутренний міръ поэта можно возстановить только тщательнымъ и детальнымъ изученіемъ его твореній въ связи съ обстоятельствами его личной жизни.

Судьба была, повидимому, доброй феей для великаго пѣвца. Она заморозила его свирѣль, она ввела его въ дружескій кругъ самыхъ выдающихся людей его временіи, она приблизила его къ трону, любовь улыбалась ему всю жизнь и блеснула прощальной улыбкой на его печальный закатъ, онъ испыталъ тѣ рѣдкія и высшія духовныя наслажденія, которыя даетъ своимъ избранникамъ чудный даръ творчества, ему, еще отроку, единогласно врученъ поэтическій скипетръ, онъ дышалъ съ природой одной жизнью, ему была ясна звѣздная книга, и съ нимъ говорила морская волна. Развѣ онъ въ своей недолгой, но полной глубочайшаго содержанія и изумительнаго разнообразія жизни не вполне ею отдышалъ, не получилъ всего земнаго, отдавъ его въ своихъ чудныхъ пѣсняхъ?

Но почему-же съ того времени, когда надъ головой его пронеслась туча, когда одна за другой, точно въ сказкѣ, стали осуществляться его завѣтные мечты, когда талантъ его вполне созрѣлъ и возмужалъ, когда онъ началъ ясно, сознательно понимать и сущность своего призванія, и цѣль своей жизни, въ пѣсняхъ его все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ звучать скорбная нота, томительная тоска душевнаго разлада, горечь неудовлетворенія собою, своимъ прошлымъ, неясная тоска будущей бѣды, даже осужденіе самой жизни, напраснаго, случайнаго дара?

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира.
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенія полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...¹⁾

Поэтъ-обыватель, въ толпѣ, среди дѣтей ничтожныхъ міра, и поэтъ въ минуты вдохновенія — два различныя существа; вотъ мотивъ, къ которому не разъ возвращается великій русскій поэтъ. Въ часы уединенія, въ тиши родныхъ полей, усталый и разбитый бурной столичной жизнью, пресыщенный грубыми наслажденіями, поэтъ часто задумывается надъ глубокими противорѣчіями собственной природы. Въ его душѣ живутъ попеременно два бога — богъ африканскій, богъ знойной природы и разнузданныхъ неукротимыхъ страстей, и богъ европейскій — богъ мирной культуры, гармоніи и свѣтлыхъ вдохновеній. Наслѣдіе предка-дикаря сдѣлало изъ него «страдальца чувственной любви»²⁾. Этотъ «потомокъ негровъ безобразный»³⁾ «съ безстыднымъ бѣшенствомъ желаній»⁴⁾ предается дикому разгулу, стараясь превзойти въ немъ товарищей по Вакху и Эроту.

¹⁾ П. 164.

²⁾ I. 192.

³⁾ I. 193.

⁴⁾ ib.

Поэтъ глубоко и больно чувствовалъ тотъ душевный разладъ, на который обрекла его двойность внутренней природы.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
Въ бездѣйствіи ночномъ горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья.
Мечты кипятъ: въ умѣ подавленномъ тоской
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ,
Воспоминаніе безмолвно предъ мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ;
И съ отвращеніемъ читаю жизнь мою.
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, бѣдности, въ чужихъ стѣнахъ
Мои утраченные годы. ¹⁾

Поэтъ увидалъ родную обитель,

Главой поникъ и зарыдалъ.
Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ бесплодномъ вихрѣ суеты
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты. ²⁾

Каждая мысль о прошломъ возбуждаетъ въ благородной и чуткой душѣ поэта горькое раскаяніе:

Въ уныніи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ бесплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души доврчивый и вѣрный,
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства. ³⁾

Его ясный и трезвый умъ возставалъ противъ заблужденій унаследованной природы. Онъ горько оплакиваетъ свои увлечения, борется съ темнымъ божествомъ своей души, и какъ часто падаетъ въ безсильную борьбу!

¹⁾ II. 163.

²⁾ II. 249.

³⁾ III 406. (1835)

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая пыль и гриву потрясая
И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій. ¹⁾

И когда, казалось, изъ его души исчезло навсегда смутное похмѣлье безумныхъ лѣтъ его мятежной жизни, въ ней внезапно съ неудержимой силой воскресаетъ языческій богъ его предковъ и требуетъ послѣдней жертвы — и этой жертвой была его жизнь. Но побѣда теперь была неполная, — погибла жизнь, но уцѣлѣла душа.

Каждый живой человѣкъ живетъ двойной жизнью — жизнью личной, для себя, и жизнью общественной — для другихъ. Въ содержаніи требованій личной жизни лежитъ оцѣнка *нравственной* цѣны человѣка, въ содержаніи общественной работы — объективное его значеніе.

Чего желалъ и требовалъ для себя лично великій поэтъ? Чѣмъ стремился удовлетворить свою личную жизнь?

Три страсти, три желанія наполняли его сердце, три кумира воздвигъ онъ въ своей душѣ и молился имъ своими чудными гимнами; этими кумирами были — любовь, дружба, свобода.

Но тотъ коренной разладъ, то внутреннее противорѣчіе, что раздѣляло и мучило его душу, оставило неизгладимый слѣдъ на предметахъ его поклоненія.

Пушкинъ любилъ женщину со всей страстью своей южной природы, съ чувственностью, «съ безстыднымъ бѣшенствомъ желаній» дикаго сына пустыни. Но онъ любилъ ее и какъ рыцарь старой Европы, онъ поклонялся ей, какъ Мадоннѣ ²⁾, какъ чистому божеству, сіявшему совершенствомъ, любовь котораго казалась ему недостижимымъ блаженствомъ ³⁾; онъ любилъ

¹⁾ Изд. Лит. ф. II. 162.

²⁾ II. 271.

³⁾ III. 188.

какъ молодой пажъ, «безмолвно, безнадежно, любилъ искренно и нѣжно, съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ, съ такою нѣжною томительной тоской, съ такимъ безумствомъ и мученьемъ»¹⁾. Онъ любилъ ее и какъ поэтъ — она была для него источникомъ вдохновенья, геніемъ чистой красоты, будившимъ въ душѣ и жизнь, и слезы, и мечты. Ей посвящаетъ поэтъ первый младенческой лепетъ своей музы, и съ ея именемъ улетаетъ его послѣдній вздохъ. Какъ часто этотъ вѣчный любовникъ напрасно думалъ, что сердце позабыло способность легкую страдать²⁾ — и что-же? это сердце вновь горитъ и любитъ оттого, что не любить оно не можетъ!³⁾

Такъ много, такъ горячо любилъ поэтъ, такъ идеально высоко ставилъ женщину! И что-же дала ему любовь, чѣмъ отплатила ему женщина?

Въ минуты самоуглубленія поэтъ часто оглядываетъ свое прошлое, свои увлеченія, и его сердце болѣзненно содрагается:

Мнѣ стыдно идоловъ моихъ,
Къ чему несчастный я стремился,
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ,
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Кто были онѣ — эти идолы его души, эти недосыгаемая Мадонны, эти геніи чистой красоты, чистѣйшей прелести чистѣйшіе образцы? Увы! поэтъ украшалъ лучшими цвѣтами своей поэзіи лишь мотыльковъ съ душою вѣтренной и легкой, неспособныхъ къ глубокимъ чувствамъ и страстямъ. Ихъ нечистое воображеніе не способно было понимать высокихъ думъ поэта, —

И признакъ Бога, вдохновенье,
Для нихъ и чуждо и смѣшно.⁴⁾

Въ воспоминаніи поэта встаетъ длинный рядъ оболъстительныхъ образовъ, въ обманчивыхъ сѣтяхъ которыхъ онъ

¹⁾ II. 137.

²⁾ III. 218.

³⁾ III. 238.

⁴⁾ II. 423.

бился, какъ ястребъ молодой¹⁾, кому онъ приносилъ въ жертву «и голосъ лиры вдохновенный, и слезы дѣвы воспаленной, и трепетъ ревности моей»²⁾. Въ этой разноцвѣтной толпѣ Темиръ, Дафнъ и Лилетъ была одна: «предъ ней одной дышалъ я чистымъ упоеніемъ любви поэзіи святой. Она одна-бы разумѣла стихи неясные мои, одна-бы въ сердцѣ пламенѣла лампадой чистою любви». Но это чудное и таинственное существо отвергло мольбы поэта. «Увы, напрасныя желанья! Она отвергла заклинанья, мольбы, тоску души моей; земныхъ восторговъ изліянья, какъ божеству, не нужны ей»³⁾. И поэтъ оставался всю жизнь одинокимъ; онъ искалъ любви, и находилъ одну чувственность, искалъ женщину — и находилъ лишь напереницу порочныхъ заблужденій.

Поэтъ высоко и свято чтилъ дружбу. Онъ былъ ей преданъ, какъ юный кунакъ, смѣшавшій въ одной чашѣ свою кровь съ кровью друга, какъ неизмѣнный членъ священнаго рыцарскаго братства. Пока любовь не овладѣла всецѣло его страстной натурой, онъ видѣлъ счастье въ одной лишь дружбѣ.

Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновленъ,
Мой другъ, я счастливъ ею.⁴⁾

Его союзъ съ друзьями не мимолетный случайный капризь, — это святое братство, которому его любящая душа клянется въ вѣрности до гроба.

Но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ,
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О, милый, вѣченъ онъ.⁵⁾
Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ-ли смертной битвы,
При мирныхъ-ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

¹⁾ II. 160.

²⁾ II. 137.

³⁾ I. 425.

⁴⁾ I. 51.

⁵⁾ I. 183.

И когда поэтъ воздвигнулъ въ своей душѣ новый кумиръ, онъ съ наивною искренностью кается друзьямъ:

Все тѣ-же вы, но сердце ужъ не то-же,
Уже не вы ему всего дороже.

Во всѣхъ житейскихъ разочарованіяхъ, подъ гнетомъ ударовъ судьбы, тоскуя объ утратѣ обмановъ милой мечты ¹⁾, поэтъ ищетъ утѣшенія въ дружбѣ. И этого утѣшенія онъ ищетъ не въ эгоистическомъ требованіи раздѣлить съ нимъ чуждыя ихъ душѣ страданія, — онъ думаетъ искать утѣшенія въ чужомъ счастьи, счастья друзей. Онъ ждалъ безопасно лучшихъ дней

И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеніемъ.

Поэтъ глубоко цѣнитъ малѣйшее выраженіе искреннихъ дружескихъ отношеній и трогательно благодаритъ за дружеское участіе:

О, дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей,
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ. ²⁾

Ничто, ни музы, ни труды, ни радости досуга ³⁾ не могутъ замѣнить ему дружбы:

Но дружбы нѣтъ со мной — печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края:
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.

Прочтите его письма къ друзьямъ — сколько въ нихъ граціи, деликатности, простоты, отсутствія тщеславія! Какъ искренно онъ радуется каждому ихъ успѣху, какъ боится оскорбить чужое самолюбіе, нарушить законы святаго братскаго союза!

¹⁾ I. 173.

²⁾ I. 294.

³⁾ I. 341.

И однако поэтъ, вѣрный рыцарь святаго братства дружбы, испыталъ и въ этой привязанности горькія и обидныя разочарованія.

Кругъ первыхъ, лучшихъ друзей его юности, этотъ вѣчный союзъ, который онъ такъ восторженно воспѣвалъ, рѣдѣетъ съ каждымъ годомъ: однихъ уноситъ неумолимая смерть, другихъ — безпощадная буря судьбы.

Они разбросанные спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой. ¹⁾

На смѣну старымъ друзьямъ являются новые, и пѣвецъ, довѣрчивый и любящій,

Друзьямъ инымъ душой предается нѣжно,
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ; ²⁾

и одинокій пѣвецъ горестно восклицаетъ:

Знакомыхъ тѣма, а друга нѣтъ. ³⁾

Пронеслась гроза, поэтъ возвращается въ покинутыя мѣста, куда въ изгнаніи неслись всѣ его помыслы; но прошли года чредою незамѣтно

И какъ они перемѣнили насъ:
Мы возмужали, рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья,
И смерти духъ средь насъ ходилъ. ⁴⁾

Напрасно онъ ищетъ старыхъ впечатлѣній, молодыхъ надеждъ, даже дорогихъ лицъ — его перваго безцѣннаго друга «измялъ съ налету вихорь шумный» ⁵⁾; еще немного, и вотъ во цвѣтъ лѣтъ уходитъ въ толпу родныхъ тѣней

¹⁾ III. 203.

²⁾ II. 23.

³⁾ I. 343.

⁴⁾ III. 413.

⁵⁾ II. 265.

Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений; ¹⁾

тотъ, кто былъ ему ближе всѣхъ на свѣтѣ ²⁾, къ кому онъ питалъ не только дружбу, но какую-то особенную нѣжность, отеческое чувство. А скоро свѣтъ произноситъ свой безмысленный и беспощадный приговоръ надъ его чуднымъ другомъ, тѣмъ страннымъ отшельникомъ, загадочнымъ мыслителемъ, который одинъ зналъ его сердце во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ, который одинъ видѣлъ, какъ въ волненіи страстей онъ тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный, — который въ минуту гибели поддержалъ его недремлющей рукой и воспламенилъ въ немъ «къ высокому любви» ³⁾.

И кто-же явился на смѣну этихъ первыхъ лучшихъ друзей мятежной юности? Тѣ лицемѣрные друзья, что предательскимъ привѣтомъ встрѣчали его на играхъ Вакха и Киприды ⁴⁾, тѣ, что за жаръ души довѣрчивой и нѣжной заплатили ему горькой обидой ⁵⁾, тѣ, что заставили этого рыцаря дружбы въ тяжелую минуту разочарованія горестно воскликнуть:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обманъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ. ⁶⁾

Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже. ⁷⁾

Кого-жь любить, кому-же вѣрить,
Кто не измѣнитъ намъ одинъ? ⁸⁾

Они подъ маской фарисейскаго участія копались въ его душѣ, тайныя сокровища которой онъ не рѣшался даже откры-

¹⁾ П. 265.

²⁾ Письма, 289.

³⁾ I. 342.

⁴⁾ П. 164.

⁵⁾ III. 406.

⁶⁾ П. 19.

⁷⁾ III. 77. (Евг. Он.).

⁸⁾ III, 75. (Евг. Он.).

вать своей неизмѣнной подругѣ думы праздною, молчаливой чернильницѣ. Они преслѣдовали его тайно и явно завистью и враждой, обидой и клеветой, они затемняли въ вольномъ или невольномъ непониманіи глубокій смыслъ его великихъ твореній, они вторглись въ его семейную жизнь, изранили его душу и наконецъ нанесли ему послѣдній ударъ.

Мученикъ любви, великій поэтъ былъ и мученикомъ дружбы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ,
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ. ¹⁾

Поэтъ любилъ и рвался къ свободѣ, какъ вольный сынъ степей, какъ молодой звѣрь, заключенный въ клетку; но онъ научился уважать ее, цѣнить и понимать, какъ вразумленный многолѣтнимъ опытомъ потомокъ старой европейской гражданственности.

И въ дни мятежной юности, и въ дни пира разнузданныхъ страстей, и въ дни мужественной зрѣлости, яснаго и просвѣтленнаго сознанія, онъ поетъ и славить свободу ²⁾. Но какъ далека свобода послѣднихъ его пѣсенъ отъ той свободы, что была его кипящей младости кумиромъ! Смутное недовольство жизнью, стѣсненной разнообразными преградами, горячая южная кровь, избытокъ силъ звали его къ какой-то неясной свободѣ, туда «гдѣ гуляютъ лишь вѣтеръ да я» ³⁾. Буря жизни уноситъ его далеко отъ родныхъ мѣстъ, на берега могучей свободной стихіи, и этотъ врагъ стѣснительныхъ условій и оковъ, «познавъ и тяжкій трудъ, и жажду размышлений», мечтаетъ вознаградить «въ объятіяхъ свободы мятежной младости утраченные годы» ⁴⁾ — и плодомъ этихъ размышлений было то глу-

¹⁾ I. 317.

²⁾ I. 294.

³⁾ I. 376.

⁴⁾ I. 341.

бокое и возвышенное пониманіе свободы, которому онъ остался вѣренъ до конца. Онъ понялъ, что всюду страсти роковыя

И отъ судьбы защиты нѣтъ. ¹⁾

Онъ произноситъ беспощадный приговоръ всѣмъ порочнымъ заблужденіямъ своей мятежной юности и необузданнымъ порывамъ къ дикой волѣ.

Свобода не есть необузданное безграничное своеволие, безпрепятственное удовлетвореніе дикихъ страстей. Кто для себя лишь ищетъ воли, тотъ рабъ, рабъ тѣхъ самыхъ страстей, для которыхъ онъ требуетъ воли; не онъ свободно управляетъ ими, а онѣ владѣютъ имъ, поработаютъ его душу. Свобода неразлучна съ ограниченіемъ, свобода — сознательное и ясное подчиненіе низшихъ сторонъ души высшимъ, животнаго духовному, сознательное, благоговѣйное подчиненіе нравственнымъ идеаламъ. Въ чьей душѣ нѣтъ этой высшей свободы, этой внутренней гармоніи,—для того нѣтъ покоя, нѣтъ счастья, нѣтъ свободы: онъ не найдетъ ее ни на снѣжныхъ вершинахъ горъ, какъ Кавказскій плѣнникъ, ни въ мирномъ кругу дѣтей свободы, какъ Алеко, ни въ сельскомъ уединеніи и свѣтской гостини, какъ Онѣгинъ. Рабомъ прирожденныхъ привычекъ и вкусовъ, рабомъ несдержанныхъ просвѣтленнымъ разумомъ страстей, рабомъ имъ-же презираемой и опостылой толпы онъ останется навсегда и среди дѣтей природы, и въ блестящей толпѣ культурнаго общества.

И это возвышенное понятіе свободы поэтъ изъ глубины міра нравственнаго переноситъ и во внѣшній міръ, въ общество. Онъ хочетъ *свободною* душой законъ боготворить ²⁾; общественную свободу онъ признаетъ въ сочетаніи святой вольности, *правъ* человѣка съ мощными законами; только тамъ человѣкъ не рабъ, гдѣ надъ всѣми простертъ одинъ твердый щитъ равнаго для всѣхъ закона ³⁾, гдѣ личность, личная свобода сознательно подчиняется закону во имя высокаго идеала — всеобщаго блага.

¹⁾ I. 453.

²⁾ I. 206.

³⁾ I. 249.

Но этой свободы онъ не находитъ ни внутри себя, ни во внѣ. Годы его невольнаго заключенія кончились, онъ опять тамъ, гдѣ протекали дни его мятежной юности, въ родномъ кругу. Но какая-то тайная тоска гнететъ его. Онъ вспоминаетъ тотъ бодрый челнъ, на которомъ отважно понесли въ бурное море его друзья — тѣ, для кого онъ плѣлъ среди шума волнъ; но ихъ ужъ нѣтъ, ихъ измялъ съ налету вихорь шумный, а онъ, таинственный пѣвецъ, на берегъ выброшенный грозой — онъ живъ и невредимъ. Онъ не раздѣлялъ увлеченій друзей мятежной юности, но буря, смявшая ихъ челнъ, не могла разорвать его *сердечной* связи съ несчастными пловцами, и его чуткая душа болѣзненно сжималась при сравненіи своей участи съ несчастіемъ близкихъ его сердцу. Онъ, съ гордостью нѣкогда восклицавшій

На лиръ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силъ въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ, ¹⁾

и теперь не былъ льстецомъ. Но не сбылись его мечты быть эхомъ русскаго народа у трона...

Онъ, горячо болѣвшій надъ родными недугами, съ такой жгучей тоской вопрошавшій:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря? ²⁾

и теперь съ болью видѣлъ вокругъ себя только жестокой вѣкъ, мракъ невѣжества...

Онъ, такъ безмѣрно возвышавшійся надъ окружающими, идетъ, какъ Онѣгинъ, вельдѣ за чинною толпою, не раздѣляя съ ней ни общихъ мнѣній, ни страстей.

¹⁾ I. 209.

²⁾ I. 207.

Пѣвецъ свободы опутанъ кругомъ — и ему не разорвать этихъ путъ: среди нихъ есть однѣ, на которыя не поднимется его честная рука — путы *благодарности*...

Такъ одна за другою исчезаютъ его иллюзіи, опадаютъ, какъ лепестки увядшаго цвѣтка, его свѣжія мечты, и поэтъ съ печалью восклицаетъ:

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она,
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.

И теперь у него, измученнаго жизненными разочарованіями, одна мечта, одно желаніе. Онъ уже не мечтаетъ о роли народнаго трибуна, свободаго глашатая истины передъ тронномъ, онъ не требуетъ правъ, не ищетъ свободы — онъ молить объ одномъ маленькомъ, доступномъ ничтожнѣйшему изъ дѣтей міра благѣ — *независимости*: никому

Отчета не давать — себѣ
Лишь самому служить и угождать,
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утонать въ восторгѣ умиленья.
Вотъ счастье, вотъ права.

Но и въ этомъ скромномъ счастьи ему было отказано.

Въ чемъ-же могла найти послѣднее прибѣжище, послѣднее утѣшеніе измученная душа поэта?

Въ его «скромномъ дарѣ», въ таинственной силѣ творчества, украсившей безсмертнымъ ореоломъ его чело, въ поэзіи, которая, какъ ангель-утѣшитель, спасла его, когда онъ былъ одинъ, когда врага онъ видѣлъ въ каждомъ, измѣнника въ това-

рищѣ минутномъ, и бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства, и ненависть и грезы мести блѣдной¹⁾. Онъ еще хочетъ жить, чтобы мыслить и страдать. И «вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья,

Межь горестей, заботъ и тревоженья.
Порой опять гармоніей утѣюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.»²⁾

Но развѣ ему теперь доступно *свободное* творчество? Развѣ онъ самъ не наложилъ печати на свои вѣщія уста, развѣ онъ могъ свободно пѣть, не измѣнивъ данному слову, не порвавъ той цѣпи благодарности, тяжесть которой такъ больно чувствовалъ, такъ терпѣливо и смиренно носилъ!

И вотъ, когда и это послѣднее прибѣжище закрылось для него, изъ его переполненной смертной тоской груди вырывается вопль отчаянья:

На свѣтѣ счастья нѣтъ,
А есть покой и воля.

Покой и воля! Да развѣ онъ забылъ свои-же слова:

Я думалъ: вольность и покой —
Замѣна счастью. Боже мой,
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

Не воля и покой, а послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья³⁾ могъ утолить его горячее сердце, его пылкую душу, и онъ припалъ къ нему жадными устами — и навѣки забылся.

И вотъ передъ нами жизнь, исполненная глубокихъ и мучительныхъ противорѣчій. Ясный и трезвый умъ, высокое и благородное чувство — и алчный грѣхъ по пятамъ; страстный призывъ къ чистымъ привязанностямъ — и злорадная усмѣшка чувственности; гордый кликъ свободы — и вольныя и невольныя цѣпи рабства.

¹⁾ Изд. Лит. фонда. II. 184.

²⁾ Изд. фонда. II. 101.

³⁾ II. 149.

Да! Странная и горькая иронія судьбы. Всю жизнь пѣть свободу, святую вольность — и цѣлую жизнь оставаться невольникомъ — невольникомъ любви, невольникомъ дружбы, невольникомъ толпы, невольникомъ закона; и, наконецъ, умереть невольникомъ чести. Да развѣ это не глубочайшая, не потрясающая душу жизненная драма?

Пушкинъ и Славяне.¹⁾

Экстраординарнаго профессора П. А. Лаврова.

Мм. Гг.

Передъ отъѣздомъ на югъ въ 1820 г. Пушкинъ писалъ князю Вяземскому: «Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ, авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу». Эти надежды на благодатное вліяніе юга не обманули поэта. Поѣздка на югъ внесла въ его жизнь всю полноту «спасительнаго для души разнообразія». Въ первый же годъ мы находимъ его на берегахъ Днѣпра и на Кавказѣ, въ Крыму и пустынной Молдавіи, въ Украинѣ и благословенной Бессарабіи. И всюду, куда ни ступаетъ его нога, раздаются дивныя пѣсни, воспѣвающихъ и горы, и море, и степи. Но не одна природа съ ея красотою восхищала поэта, ни чуть не менѣе привлекали его разноплеменные народы южной Россіи — черкесы на Кавказѣ, татары въ Крыму, цыганы въ Бессарабіи. Съ свойственной русскому человѣку способностью проникать въ духъ каждаго народа, съ которымъ онъ сталкивается, способностію, которою нашъ поэтъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ нашихъ писателей, обладалъ въ высшей степени, Пушкинъ всматривается въ жизнь упомянутыхъ племенъ, для него новыхъ. Онъ самъ признаетъ, что въ Кавказскомъ Плѣнникѣ «черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть его повѣсти». И дѣйствительно, перечитывая Кавказскаго Плѣнника, Бахчисарайскій Фонтанъ, Цыганъ, мы невольно дивимся тому, съ какой

¹⁾ Рѣчь произнесена въ торжественномъ собраніи Университета и ученыхъ Обществъ 27 мая.

поразительной вѣрностію изображаетъ нашъ поэтъ дикаго черкеса, когда то грознаго бича народовъ, теперь трудолюбиваго татарина и кочующаго цыгана, точно они ему свои, точно онъ вѣкъ жилъ съ ними, дѣля ихъ задушевныя думы и желанія. Мы назвали тѣ племена, которымъ главнымъ образомъ посвящены пушкинскія поэмы того времени, но въ его душѣ запечатлѣвались и другіе образы, готовые заговорить, когда будетъ нужно позднѣе: мягкая природа Украйны и черты малорусскаго быта, съ такою живостію выступающія въ Полтавѣ, безъ сомнѣнія, были знакомы поэту со времени пребыванія въ Малороссіи. А сколько еще другихъ народностей, сколько отдѣльныхъ типовъ отмѣченыхъ въ его разнообразныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ: не рѣдко двумя-тремя стихами уловлена характерная черта народности или типа. — Но обнаруживая интересъ къ чуждымъ намъ племенамъ, приглядываясь къ разнообразнымъ этнографическимъ типамъ населенія нашего юга, Пушкинъ не забываетъ успѣховъ общаго русскаго дѣла и съ одушевленіемъ петиннаго патріота воспѣваетъ подвиги тѣхъ людей, которые своими усиліями преодолѣвали препятствія на поступательномъ пути русскаго государственнаго могущества. Бятыинскій, Ермоловъ и простые наши казаки прославлены тамъ же, гдѣ и отстаивающіе дикую волность гордые сыны Кавказа. Пушкинъ провидитъ, что продолжительная борьба закончится торговыми выгодами послѣ замиренія Кавказскаго края, онъ признаетъ важное значеніе запущеннаго Крыма, не забывая даже интересовъ чисто археологическихъ.

Среди нашего разноплеменнаго юга вниманіе Пушкина въ самомъ скоромъ времени привлекли и близкіе намъ сосѣдніе народы—единовѣрные греки и единоплеменные славяне. Какъ разъ въ то время, когда Пушкинъ прибылъ на югъ, вспыхнуло греческое движеніе такъ называемой этеріи. Нѣсколько писемъ нашего поэта свидѣтельствуютъ, какъ увлекала его начатая греками борьба за независимость. Онъ внимательно слѣдитъ за ходомъ этой борьбы, упоминая о прокламаціяхъ Ипсиланти, освященіи знаменъ, о проявленіи небывалаго энтузіазма греческихъ патріотовъ въ Одессѣ; размышляетъ о судьбахъ греческаго возрожденія и живо интересуется вопросомъ о томъ, какое положеніе займетъ въ этомъ дѣлѣ Россія. Когда немного позднѣе онъ замѣчаетъ и слабыя стороны движенія, неподго-

товленность вождей, случайный составъ войска и до его друзей доходятъ слухи о его несочувствіи грекамъ, Пушкинъ съ живостію возражаетъ: «я не варваръ и не апостолъ Юрана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ; вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ выпала священная обязанность быть защитниками свободы». Такому настроенію вторитъ и его муза:

«Возстань, о Греція, возстань!
 Не даромъ напрягаешь силы,
 Не даромъ потрясаешь брань
 Олимпъ и Пиндъ и Фермопилы.
 . . . Страна героевъ и боговъ,
 Расторгни рабскія вериги,
 При пѣвнѣ пламенныхъ стиховъ
 Тиртея, Байрона и Риги!»

Можно думать, что въ тѣсной связи съ участіемъ въ греческой борьбѣ за освобожденіе находится и пробужденіе въ Пушкинѣ интереса къ южнымъ славянамъ, преимущественно сербамъ. Послѣдніе ранѣе грековъ вели такую же борьбу противъ турокъ. Къ тому времени, когда греческое движеніе только еще началось, сербы выдержали два возстанія и одинъ изъ ихъ вождей, прославившій себя геройскими подвигами въ битвахъ съ турками, Георгій Петровичъ Черный, послѣ непродолжительнаго управленія страной, успѣлъ уже сойти со сцены. Въ 1813 г. покинувъ Сербію, онъ поселился въ Бессарабіи, гдѣ избралъ мѣстомъ жительства Хотинъ. Люди, стоявшіе во главѣ этеріи и подготавливавшіе исподоволь дѣло освобожденія Греціи, были заинтересованы въ томъ, чтобы привлечь къ участію въ немъ сербовъ, какъ уже испытанныхъ борцовъ съ турками. Склонить на свою сторону страшнаго туркамъ Карагеоргія было для нихъ крайне важно. И они успѣли въ этомъ. Карагеоргій въ 1817 г., покинувъ Бессарабію, явился въ Сербіи. Но воевода Милошъ, представлявшій въ то время сербовъ въ правительствѣ бѣлградскомъ, опасаясь потерять власть послѣ прибытія Карагеоргія, предупредилъ объ этомъ турокъ и Карагеоргій жизнью заплатилъ за попытку поднять сербовъ. Безучастіе правительства, разумѣется, не мѣшало участію въ движеніи вольныхъ людей: мы хорошо знаемъ, что позднѣе не мало сербовъ и болгаръ сражалось въ рядахъ гетеристовъ за греческую

свободу. Но это сочувствіе сильнѣе выражалось у насъ на югѣ и въ Бессарабіи въ особенности, гдѣ жило много сербовъ, между которыми были люди, близкіе къ Карагеоргію, занимавшіе должности начальниковъ отдѣльныхъ сербскихъ округовъ въ то время, когда онъ былъ у власти. Семья Карагеоргія продолжала жить въ Хотинѣ. Какъ много было сербовъ на югѣ можно судить по тому напр., что среди подписчиковъ на известную поэму сербскаго поэта Сими Милутиновича Сербіанку мы насчитали до 75 сербовъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей сербской территоріи Бѣлграда, Шабца, Смедерева, Ужиць, Крушева, Фрушкой Горы, Сараева, Мостара, Боки, Котора, Риена и даже Черногоріи и все это были жители Одессы, Кишинева, Хотина, Измаила, Аккермана¹⁾. Среди этого сербскаго населе-

¹⁾ Въ числѣ подписчиковъ на вышедшую въ Лейпцигѣ съ 1826 г. Сербіанку С. Милутиновича мы находимъ имена слѣдующихъ сербовъ, жившихъ на югѣ Россіи:

1) Изъ Одессы: Филип Лучић града глава и трговине совѣтник, Иван Ризнич Комерцие совѣтник, Иван Квекичъ, Георг Ризничъ, Дмитрие Скуличъ, Марко Квекичъ, Платон Симоновичъ Срб (из Фрумке Каменице), доктор Фил. и своб. Наук и профес. у Лицею, Лука Лиссар Црногорецъ, Дмитрие Раювичъ Триестинацъ, Христо Петровичъ бив. Срб. главни Куріер, Степан Иванов Радовичъ.

2) Изъ Бессарабіи, изъ г. Кишинева: Егъ В. П. Г. Леонтие бивши Митрополит у Београду, и руски Кавалер. Ег. Преп. Г. Спиридон Филиповичъ Срб. Архимандрит и Рус. Кавалер, Г. Полковник и кавалер Іаков Николаевичъ Родич (Србин), Госпоіа полковница Мари Андреевна Радичевка, Гн Подполковникъ Петар Феодоровичъ Добрніацъ, Гіа Подполковница Мари Дикановичъ Добрнічевка, Гчна Ліубинка Петровна Добрнічева, Гн. Отет. Штабс-Капетан и кавалеръ Степан Огоріелица, Гн Лука Лазаревичъ бив. Шабца и Подрніа Комендант, Гіа Даноіла Лазаревичка, Г. Іанчиче Дмитріевичъ Буричъ бив. вѣжда главни секретар и Рус. Кавалер, Г Вуле Пличъ бив. Комендант Смедерева, Гіа Мариа Константиновна Илићка, Гчна Милица Вуловна, Гн Крага Патрнаршанин бив. Срб. Капет., Гіа Стака Констиндиновна Краговка, Гчна Катарина Константиновна, Гн Александер Миловановичъ, Тит. сов. Александер Миатовичъ Срб., Подпоручикъ Крета Никшичъ, Прапорщикъ Дмитрие Хрестичъ, Іефта Хрестичъ бив. беогр. Полвц., Гіа Авета Срдановичъ Хрестичка. Ніјов син. г. Максим Іефтимевъ Хрестичъ студент вишеч. Училишта Ніежинска, Гн Благое Миленковичъ, Христа Живковичъ Ксеадовски, Никола Симоновичъ, Никола Ивановичъ Видинлиа, Никола

ніа безъ сомнѣнія многіе неравнодушно слѣдили за греческимъ движеніемъ. Были и прямые въ немъ участники. Пушкинъ могъ ихъ видѣть вмѣстѣ съ греками. Отъ нихъ онъ конечно слышалъ разказы и о герояхъ сербской борьбы за освобожденіе. Отзываясь на все своей лирой, въ 1820 г. онъ написалъ первое стихотвореніе на славянскую тему. Это было: Дочери Карагеоргія, явившееся въ печати только въ 1826 г. Гораздо позднѣе въ 1833 г. написаны имъ были пѣсни о Георгіи Черномъ и Воевода Милошъ, но написать ихъ Пушкинъ могъ, только храня въ своей памяти разказы, слышанные во время пребыванія на югѣ: народныхъ пѣсенъ такого содержанія мы не находимъ въ извѣстныхъ намъ сборникахъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, хотя пѣсенъ, воспѣвающихъ возстаніе, не мало. На сколько намъ извѣстно, эти стихотворенія Пушкина не подвергались разбору критики. Анненковъ ограничился о нихъ замѣткой: «двѣ пѣсни «о Георгіи Черномъ и воевода Милошъ»,

Іовановичъ Карановчанин, Прока Іовановичъ Судар из Славоніе, Моисило Іеремичъ Српемчина, Ћорге Бесаровичъ, Милутинъ Симоновичъ с рожаніства Нах. Ужичке, Гчна Марпа Іовановичъ Селакова и братъ ніен Дмитрие Селакъ, Г. Георг Младеновичъ, Кн. Старов. Іован Рашковичъ, Гіа кнегиніа Александра Рашковичка, Г. кн. Николаі Іованов Рашковичъ, Гн Антоніе Симоновичъ бив. воів Крушев., Степан Живковичъ Колеж. Ассес., Гіа Савка Николаевна Живковичка Гчна Софіа Степановна Живковичева, Филип Николаевичъ учен., Г. Лазар Арсеновичъ и ліуба ніегова, Гіа Сгана Іаковлева Арсеновичка, Гн Тошо Филиповичъ Хербез са сестромъ Гіом Госпавомъ Ф. Х., Петар Илиев Воіновичъ віерни Ћ—ов слуга, Г. Ілиа Чараничъ бив. Гроч. воів., Вицко Коловичъ из Котора.

3) Изъ Бессарабіи, изъ г. Аккермана: Г. Тома Милянновичъ Мориніанин из Боке, Цвѣтко син неого, Гіа Мариа Іанкова Милинвичка.

4) Изъ Бессарабіи, изъ г. Хотина: Господар Алекса Карагоревичъ, Г. Іеврем Ненадовичъ бив. воів. вал., Милош Сарановцъ бив. воів. Жупски, Александар Х. Трипковичъ Сараілиа.

5) Изъ Бессарабіи, изъ г. Измаила: Г. трговине сов. Матиа Драгичевичъ из Риена, Гіа Елисавета Х. Годоровичъ Драгичевичка, Стеван Браваичъ Мостаранин, Спиридон Бурковичъ из Риена, Іован Густовичъ Бокелъ из Нового, Іован Обиловичъ отлеѣер, Ћорге Ћурасовичъ отудаѣер.

Изъ этого перечня видно, что въ Россіи находились многіе изъ тѣхъ сербовъ, которые при Карагеоргіи были воеводами въ различныхъ округахъ Сербіи.

Пушкинъ почерпнулъ изъ современной сербской исторіи. Источника послѣднихъ мы не знаемъ и весьма склонны думать, что онѣ принадлежатъ Пушкину безраздѣльно».

Теперь, когда общая характеристика пушкинскаго творчества дана нашими лучшими писателями въ предшествовавшіе юбилейные годы, думаемъ, настала пора и для детальной оцѣнки произведеній нашего великаго поэта.

Личность перваго вождя въ борьбѣ сербовъ за свободу Георгія Петровича, прозваніемъ Чернаго или Кара Георгія, — вполне трагическая. Ставъ во главѣ своего народа за святое дѣло, освобожденіе родины, онъ не щадилъ никого, кто такъ или иначе препятствовалъ успѣхамъ дѣла. Кровавой драмѣ, при которой палъ отецъ Карагеоргія, посвятилъ Пушкинъ пѣснь о Георгіи Черномъ :

«Не два волка въ оврагѣ грызутся—
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ :
Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый.
Не боишься ты Господа Бога!
Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо—
Изъ ума, старикъ, видно выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.—
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ ;
Георгій старика догоняетъ :
Воротися отецъ, воротися,
Отпусти мнѣ невольное слово.
Старый Петро не слушаетъ, грозитъ :
Вотъ ужъ, разбойникъ, тебѣ будетъ !
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.

Догоняетъ вновь его Георгій
И хватаетъ за сивую косу :
Воротися, ради Господа Бога,
— Не введи ты меня въ искушенье.
Отпихнулъ старикъ его сердито
И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ да и выстрѣлилъ тутъ-же,
Закричалъ Петро, зашатавшись :
Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ !
И упалъ на дорогу бездыханенъ».

Мы уже сказали, что въ сербской народной поэзіи обходятся этотъ роковой сюжетъ, но такое событіе должно было поразить народную память и преданія о немъ долго ходили среди народа. Этими преданіями и воспользовались поэты, — у Сербовъ Милутиновичъ въ Сербіянкѣ, у насъ Пушкинъ ; эти преданія заносили на свои страницы и путешественники, напр., Ами Буэ. Вотъ, что говоритъ намъ преданіе : Георгій вмѣстѣ съ своими односельчанами и родными былъ вынужденъ бѣжать въ Сръмъ. Они были уже на берегу Савы возлѣ Дубоко и ждали венгерскихъ лодокъ, чтобы переѣхать на австрійскій берегъ. Отецъ Георгія потерялъ мужество, задумалъ вернуться домой и хотѣлъ заставить и сына слѣдовать за собой, грозя въ противномъ случаѣ дать знать въ Бѣлградъ о бѣгствѣ сербовъ. «Оставайся съ нами, не возвращайся и раздѣли нашу участь, кричалъ ему сынъ. Старикъ не послушалъ и пошелъ по бѣлградской дорогѣ, тогда сынъ выстрѣлилъ въ него, тихо говоря : «лучше погибнуть тебѣ одному, чѣмъ намъ всѣмъ». По другому разсказу мать Карагеоргія велѣла ему остановить отца силой, потому что онъ выжилъ изъ ума ; она сама вскрикнула : «Гдѣ твоя твердая рука и твой вѣрный глазъ ? Отправь его туда, гдѣ Турки не могутъ его слышать». Карагеоргій три раза поднималъ руку и не могъ побѣдить природное чувство. Тогда онъ отдалъ ружье своему товарищу Георгію Остричу и сказалъ ему : «Стрѣляй : столько людей не должны погибать изъ-за одного ; пусть лучше погибнетъ одинъ. Если есть правда, если угодно Богу, ты попадешь въ него». Онъ былъ погребенъ своими, и сынъ приказалъ присутствовавшимъ сельчанамъ совершить по отцѣ поминки. —

Версія, которою пользовался Пушкинъ, ближе къ тому преданію, гдѣ не говорится объ участіи матери. Такова передача этого событія у Милутиновича. Сходство у Пушкина и у Милутиновича можетъ легко объясняться тѣмъ, что Милутиновичъ писалъ Сербянку на югѣ Россіи: его родители жили въ Кишиневѣ, а потому оба поэта могли пользоваться одними и тѣми же рассказами. Но въ подробностяхъ Пушкинъ отклоняется и, можно думать, окончаніе пѣсни, сцена матери съ сыномъ, принадлежитъ нашему поэту.

«Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился,
Его мать вышла ему на встрѣчу:
Что, Георгій, куда дѣлся Петро?
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
За обѣдомъ старикъ пьянъ напился
И заснулъ на бѣлградской дорогѣ —
Догадалась она, завопила:
Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный».

Ни у Милутиновича, ни въ записанныхъ сербами преданійхъ нѣтъ такой версіи. Милутиновичъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ мать отнеслась къ совершившемуся факту. И заключеніе, въ которомъ прозваніе Чернаго приписывается Пушкинымъ за совершенное отцеубійство, не подтверждается сохранившимися у сербовъ преданіями, хотя таковыя дошли до насъ въ нѣсколькихъ версіяхъ. По одной изъ нихъ, когда сестра Карагеоргія выходила замужъ, онъ выбралъ для нея нѣсколько ульевъ пчель. Замѣтивъ, что мать подмѣнила нѣкоторыя изъ нихъ, онъ позвалъ ее, поднимая передъ ней каждый улей и спрашивалъ: хорошъ ли онъ? Затѣмъ поднявъ послѣдній, онъ набросилъ его на голову матери и убѣжалъ. Мать закричала: «Георгій, черная душа» (по другому варианту: Ахъ ты сынъ мой Черный! Что сдѣлалъ ты своей матери)? Оттого говорятъ и осталось за нимъ прозваніе Черный Георгій. Мать его, ужаленная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, сама смѣялась, вспоминая этотъ случай.— Мы привели этотъ рассказъ, какъ онъ переданъ у Ами Буэ. Милутиновичъ, съ которымъ Буэ близко сходится, прибавляетъ въ похвалу воспѣваемого героя: «Это скорѣе было смѣшно,

чѣмъ опасно; но доблесть стремится къ правдѣ и не смотритъ ни на родство, ни на лица. Оттого на вѣки и осталось за Георгіемъ прозвище Черный или скорѣе строгій, а Турки на своемъ языкѣ послѣ чудесно счастливыхъ сраженій, въ которыхъ онъ разбивалъ ихъ повсюду, перевели «черный» словомъ «Кара», такъ получилось на вѣки славное имя Кара—Джордже.

Есть еще совершенно другой рассказъ, объясняющій прозвище Черный: Разъ Георгія преслѣдовала погоня, такъ что нигдѣ не было ему пристанища. Георгій пришелъ къ одному источнику недалеко отъ села; разсчитывая, что здѣсь онъ въ безопасности, напился воды и сѣлъ отдохнуть. Видитъ, баба идетъ съ ведрами за водой. Что за шумъ въ селѣ, баба, спросилъ Георгій.— Да вотъ этотъ черный, а не бѣлый Георгій бѣжалъ въ гайдуки и надѣлалъ зла больше чѣмъ турки; его хотятъ схватить. А ты знаешь этого Чернаго Георгія? Не знаю, сынокъ; я его никогда не видала.—А чтобъ тебя!... такъ вотъ узнай его, сказалъ Георгій и забросалъ бабу и ведра камнями. Вотъ, говорилъ онъ позднѣе, вѣдь не иной кто, а баба прозвала меня Чернымъ, но и отплатилъ же я ей».

Рѣшить какая версія ближе къ первоначальной, разумѣется трудно, но во всякомъ случаѣ Пушкинъ пользовался надежнымъ источникомъ. Такъ самое начало пѣсни: Не два волка грызутся въ оврагѣ, интересно вѣрнымъ указаніемъ мѣстности. Событіе происходило на самомъ дѣлѣ у оврага. По разсказу одного изъ сподвижниковъ Карагеоргія Йюкича одинъ разъ на охотѣ въ той мѣстности, гдѣ произошло убійство, Карагеоргій ему сказалъ: Видишь-ли, Петръ, этотъ красный оврагъ? — Вижу, государь, отвѣтилъ я.— Тамъ зарытъ мой отецъ! — И больше ни слова не сказали мы, ни онъ, ни я. Въ стихотвореніи «Дочери Карагеоргія», поэтъ сильными стихами очертилъ трагическій образъ знаменитаго его отца:

«Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ».

Слѣдующіе затѣмъ стихи требуютъ разьясненія:

Тебя, младенца, онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной.

Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
 Братоубійствомъ изощренный.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
 Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью
 Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
 И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью».

Пушкинъ очевидно слышалъ рассказъ объ убійствѣ Карагеоргіемъ своего брата, но ему вѣроятно осталась неизвѣстна причина новой суровости Карагеоргія. Его братъ отличался распущенностью; Карагеоргію хорошо это зналъ, много разъ его останавливалъ, но это не дѣйствовало, и когда снова одна женщина стала горько жаловаться, что онъ ведетъ себя не лучше турокъ, Карагеоргію велѣлъ его повѣсить. Еще два серба лишены были жизни Карагеоргіемъ; одинъ говорилъ противъ его власти, какъ верховнаго вождя, и палъ отъ его пули, другой принадлежалъ къ разбогатѣвшимъ и злоупотреблявшимъ своей властью старѣйшинамъ Карагеоргія, бѣжалъ въ Австрію и выданный австрійцами былъ убитъ по распоряженію Карагеоргія, но не имъ лично. Суровая казнь постигала дурныхъ людей и являлась не столько результатомъ обдуманнаго заранѣе убійства, сколько вспышкой гнѣва, карающаго за нарушеніе общаго блага. Но стихи: «Таковъ былъ сумрачный, ужасный до конца» мастерски характеризуютъ замкнутый характеръ Карагеоргія, неумоимаго въ битвѣ или за полевыми работами, но не охотника до разговора и веселья. А общій тонъ стихотворенія, въ которомъ въ рѣзкой противоположности выставленъ невинный образъ дочери и сумрачный ликъ ея героя отца, на душѣ котораго тяготѣютъ страшныя преступленія, и его конецъ придаютъ ему романтическій оттѣнокъ: Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца смиренной жизнію предъ небомъ искупила: Съ могилы грозной къ небесамъ Она, какъ сладкій ѳиміамъ, Какъ чистая любви молитва восходила.

Второму вождю за сербскую свободу Милошу Обреновичу Пушкинъ посвятилъ пѣсню Воевода Милошъ. Положеніе Сербіи вѣрно изображено Пушкинымъ: возстанію Милоша дѣйствительно предшествовали страшныя насилія турокъ; послѣднія, завладѣвъ Сербіей послѣ удаленія Карагеоргія въ 1813 году, чувствовали себя въ ней прежними хозяевами, обложили населеніе тяжелыми налогами, отбирали у него оружіе, принуждали

къ тяжелымъ общественнымъ работамъ, оскорбляли сербскихъ женщинъ; а послѣ Хаджи Продакова бунта поступали, какъ настоящіе звѣри, душили привязанными къ подбородку мѣшками съ золой, связавъ по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину, наложивъ на тѣло тяжелые камни, засѣкали до смерти, сажали на колъ, поджаривали живыхъ. Магометанскіе цыганы снимали съ встрѣчавшихся сербовъ одежду и взамѣнъ отдавали свои лохмотья. Мы теперь все это знаемъ изъ историческихъ очерковъ новой сербской исторіи, напр. изъ книги Ранке, — Пушкинъ въ свое время пользовался живыми рассказами. Вотъ его пѣсня:

«Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже,
 Забьдаютъ насъ волки-янычары.
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сыновей въ неволю забираютъ,
 Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
 Распѣвать зазорныя пѣсни
 И плясать басурманскія пляски.
 Старики даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали—
 Ужъ и имъ нестерпимо насилъе.
 Гуслеры насъ въ глаза укоряютъ:
 Долго-ль намъ мирволить янычарамъ?
 Долго-ль намъ терпѣть оплеухи!
 Или вы ужъ не сербы—цыганы?
 Или вы не мужчины—старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велійское ущелье—
 Тамъ гроза готовится на турокъ,
 Тамъ дружину свою собираетъ
 Старый сербинъ, воевода Милошъ».

Въ этой пѣснѣ можно замѣтить только одно: нигдѣ не упоминается Велійское ущелье при рассказѣ о возстаніи Милоша и напрасно воевода Милошъ названъ старый сербинъ, если этимъ нашъ поэтъ хотѣлъ отмѣтить его происхожденіе изъ старой Сербіи.

Изъ той же эпохи борьбы народовъ балканскаго полуострова за свою свободу Пушкинъ сохранилъ намъ яркую картинку въ повѣсти Кирджали. Въ ней героемъ является болгаринъ по рож-

денію, вступившій въ отрядъ гетеристовъ. Пушкинъ своимъ разсказомъ увѣковѣчилъ битву подъ Скулянами, гдѣ 700 чело-вѣкъ отступило передъ 15000-нымъ турецкимъ отрядомъ и въ которой по его словамъ палъ герой другой его повѣсти «Выстрѣлъ» Сильвіо. О герояхъ этой битвы, разсыпавшихся по Бессарабіи, Пушкинъ говоритъ съ участіемъ: «Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали уже изнашиваться, но хохлатая скуфейка все же еще надѣта была на бекрень, а ятаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобъ эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе клѣты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ними». — Прекрасно изображено Пушкинымъ отношеніе русскихъ властей къ Кирджали, когда турки потребовали его выдачи, и защита его. Пойманный въ домъ блага монаха и посаженный подъ караулъ, Кирджали говорилъ на допросѣ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужаго добра, не обидѣлъ и послѣдняго цыгана. Для турокъ, для молдаванъ, для валаховъ я, конечно, разбойникъ, но для русскихъ я — гость. Когда Саѣаносъ, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, отбирая у раненныхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ ятагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ и остался безъ денегъ. Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ подаяніемъ! За что же теперь русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?» Послѣ описанія отъѣзда Кирджали, исполненнаго бытовыхъ указаній, характерныхъ для Бессарабіи, Пушкинъ изображаетъ типичный видъ самого Кирджали: «Онъ казался лѣтъ 30-ти. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; доломанъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красныя туфли составляли остальной его нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ». И здѣсь мастераки

нарисованъ знакомый балканскому полуострову типъ гайдуга. И этотъ герой съ гордымъ сознаніемъ своей силы на лицѣ, гремя цѣпями, падаетъ въ ноги передъ «краснорожимъ чиновникомъ въ полиняломъ мундирѣ, съ тремя болтающимися на немъ пуговицами», «съ оловянными очками на багровой шишкѣ, замѣнявшей у него носъ» — по истинѣ Гоголевскій типъ — гнуса читающимъ приговоръ, — голосъ Кирджали дрожитъ, лицо измѣняется, онъ плачетъ. Но это было не долго; передавъ просьбу, Кирджали «сталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: гайда! Жандармъ сълъ подлѣ него; молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покатила». Очевидецъ событія узналъ отъ чиновника, что Кирджали просилъ его позаботиться объ его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалече отъ Килии «въ болгарской деревнѣ, боясь, чтобы и они изъ за него не пострадали». — Здѣсь Пушкинъ отмѣтилъ симпатичную черту нѣжной семейственности, отличающей болгарина, и вообще южнаго славянина. Невольно намъ вспоминается при этомъ одно мелкое стихотвореніе нашего поэта, посвященное болгарамъ:

«Въ стѣняхъ зеленыхъ Буджака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка,
Обходитъ русскія владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селеніе:
Семействами болгары тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Храня родительскіе права,
Питаюсь рукъ своихъ трудомъ
И не заботаю о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И марно правятъ ихъ судьбой!...»

Только первостепенный поэтъ могъ увѣковѣчить селеніе, не назвавъ его имени, — стихами, въ которыхъ затронута красота природы изображаемой мѣстности и привлекательныя черты трудолюбиваго, но еще не доросшаго до политическаго самосознанія населенія. Розыскать это не названное по имени селеніе такъ и манять «зеленыя степи Буджаака» и то укромное въ нихъ мѣстечко, гдѣ ручеекъ впадаетъ въ завѣтную рѣку Прутъ. Развязка повѣсти — бѣгство Кирджали, переноситъ насъ въ исполненный чудесъ міръ востока и съ этой стороны безплодно.

Уваженіе турокъ къ подвигамъ героя, хотъ и врага, довѣрчивость и безпечность при поискахъ клада, все это вполнѣ въ духѣ востока. Рѣдко можно встрѣтить въ небольшой повѣсти такое обиліе бытовыхъ чертъ той мѣстности и среды, жизнь которыхъ составляютъ ея сюжетъ. Такъ написать могъ только человѣкъ, хорошо знавшій изображаемую имъ обстановку. «Кирджали мастерекой разсказъ истиннаго произшествія» выразился не даромъ Бѣлинскій.

Разобранныя нами стихотворенія и эта повѣсть, а также письма о греческомъ возстаніи, остались свидѣтельствомъ того живого участія къ судьбамъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ народовъ Балканскаго полуострова, которое Пушкинъ благодаря главнымъ образомъ пребыванію своему на югѣ Россіи, могъ выразить въ своей поэзіи.—Кто знаетъ Балканскій полуостровъ съ чудной красотой его природы, съ разнообразіемъ народовъ его обитающихъ, кому дороги завѣтные преданія Византіи, славные памятники ея культуры, гордые своимъ величіемъ и подѣ владычествомъ Турокъ, все еще къ стыду Европы продолжающимся, кого интересуютъ исполненныя превратности судьбы единоплеменныхъ намъ славянъ: сербовъ и болгаръ, привлекающихъ своеобразиемъ этнографическаго типа и все еще сохраняющихъ характерныя черты славянскаго склада жизни, кого, наконецъ, плѣняетъ интересная пестрота нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ, простекающихъ отъ столкновенія востока и Европы,—тотъ особенно можетъ пожалѣть, что не осуществились порывы нашего великаго поэта посѣтить Константинополь. Въ 1829 г. могъ бы представиться удобный случай, если-бъ Пушкинъ попалъ въ забалканскую армію Дибича, но судьба, соединивъ его съ арміей Паскевича, обогатила русскую литературу поэмой Галубъ и такими прекрасными стихотвореніями, какъ Кавказъ, Монастырь на Казбекѣ, Обвалъ, Делибашъ, Донъ и др. вмѣсто краевъ Забалканскихъ Грузіи и Арменіи посчастливилось быть описанными Пушкинымъ. Но все же Пушкинъ и съ Кавказа отозвался на событія на Балканахъ стихотвореніемъ: Олеговъ Щитъ.

Стихотвореніе Дочери Карагеоргія и два другихъ: пѣсня о Георгіи Черномъ и воевода Милошъ различаются по внѣшней формѣ, а также и по духу. Первое представляетъ обычный искусственный размѣръ, два другихъ писаны пѣсеннымъ народ-

нымъ стихомъ; первое написано въ духѣ романтизма, два другихъ эпически изображаютъ сюжетъ въ духѣ народнаго творчества. Это зависитъ отъ разницы во времени между тѣмъ и другими. Прошло болѣе десяти лѣтъ съ 1820 г.: Пушкинъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе становился народнымъ. Народныя пѣсни, сказки, пословицы, которыми онъ справедливо восхищался, открыли передъ нимъ новый міръ народнаго творчества. Пушкинъ вздумалъ внести сюжеты этого міра и въ свою поэзію. Въ печати какъ первый опытъ въ этомъ родѣ появилась сказка о царѣ Салтанѣ и др. Бѣлинскій отнесся къ этимъ сказкамъ неблагоклонно: въ его глазахъ онѣ были поддѣльными цвѣтами, плодомъ ложнаго стремленія къ народности. Тѣмъ интереснѣе, что отъ 1830 г. сохранилось у насъ начало сказки склада вполнѣ народнаго:

Какъ весенней теплою порою
Изъ подъ утренней теплой зорюшки
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу изъ дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами
Поголять посмотрѣть, себя показать и т. д.

Пушкинъ, какъ видно колебался между тѣмъ или инымъ способомъ передачи народныхъ сюжетовъ. Въ пѣсняхъ западныхъ Славянъ у него получилъ преобладаніе народный размѣръ. Только Похоронная пѣсня, Бонапартъ и Черногорцы, Вурдалакъ и Конь писаны рифмованными стихами, во всѣхъ остальныхъ, по наблюденію проф. О. Е. Корша, Пушкинъ своеобразно подражалъ сербскому десятисложному стиху, не заботясь о введеніи правильнаго стопнаго строя, а свободно обращаясь съ размѣромъ и довольствуясь осуществленіемъ ритма въ общихъ чертахъ. Въ размѣрѣ этихъ пѣсенъ видны слѣды вліянія русской народной пѣсни. И это неудивительно Изъ статьи Мысли на дорогѣ, писанной въ 1833 г., видно какъ высоко цѣнилъ въ это время Пушкинъ народный стихъ, ставя Радищеву въ заслугу, что онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Ожидая, что будущій эпическій поэтъ изберетъ бѣлый стихъ и сдѣлаетъ его народнымъ, Пушкинъ предсказываетъ ему блестящую будущность.

Знакомство Пушкина съ сербской народной поэзіей относится

безъ сомнѣнія ко времени пребыванія его на югѣ Россіи въ Бессарабіи. Липранди намъ передаетъ, какъ одинъ разъ въ Измаилѣ въ домѣ серба Славича, гдѣ гости были встрѣчены съ славянскимъ радушіемъ, свояченица хозяина, не знавшая кромѣ родного и итальянскаго языка никакого другого, продиктовала нашему поэту какую-то славянскую пѣсню и пришлось отыскивать когонибудь, кто бы могъ ему объяснить слова иллирійскаго нарѣчія, бывшія ему непонятными. Къ сожалѣнію Пушкинъ обратился къ сюжетамъ изъ сербской народной поэзіи много позднѣе и большую часть сербскихъ пѣсенъ заимствовалъ изъ петочника сомнительнаго, какимъ являлась книга французскаго писателя Мериме, который никогда не бывалъ въ славянскихъ земляхъ и вносилъ въ пѣсни черты, чуждыя пѣсенному содержанию, напр. вѣрованія въ вукодлаковъ, т. е. вампировъ, длинные рассказы о привидѣніяхъ. Въ оправданіе Пушкина слѣдуетъ замѣтить, что наша литература того времени не представляла ничего цѣннаго въ той области, на которую обратила вниманіе нашего поэта книга Мериме. Прекрасная брошюрка Венелина «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ», которую умѣлъ оцѣнить Бѣлинскій, явилась позднѣе въ 1835 г. Не было даже и общей характеристики славянской народной поэзіи, которая была впервые представлена въ магистерской диссертациі Бодянскаго: «О народной поэзіи славянскихъ пѣсенъ» Москва 1837 г. Къ чести Пушкина должно сказать, что онъ остерегался ошибки и пытался провѣрить впечатлѣніе, произведенное на него книгой Мериме, справками о происхожденіи этихъ пѣсенъ и отзывами знающихъ дѣло людей. Въ числѣ такихъ онъ называетъ Мицкевича: «поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзіи не усумнился въ подлинности сихъ пѣсенъ». На одну изъ пѣсенъ Мериме, которую Мицкевичъ перевелъ на польскій языкъ: *Morlach* и *Wepesiji* (z serbskiego), Пушкинъ и сослался въ примѣчаніи къ своему переводу той же пѣсни: Валахъ въ Венеціи. Подложность книги Мериме выяснилась постепенно и при дѣятельномъ участіи самого Пушкина, что и ставитъ ему въ заслугу Мицкевичъ въ своемъ курсѣ исторіи Славянскихъ литературъ¹⁾. Очень

¹⁾ Глава XII, стр. 333 французскаго изданія.

вѣроятно, что сомнѣнія Пушкина, заставлявшія его искать повѣрки, зародились у поэта именно благодаря его раннему знакомству съ подлинными народными пѣснями сербовъ. Оттого быть можетъ Пушкинъ и остановился на передѣлкѣ лишь немногихъ пѣсенъ изъ книги Мериме¹⁾. Фальшивыя нотки однако проникаютъ далеко не весь матеріалъ Гузлы. Если этотъ упрекъ можно отнести къ такимъ пѣснямъ, каковыя Гайдукъ Хризичъ, Марко Якубовичъ, Вурдалакъ, Ѳедоръ и Елена, похоронная пѣсня Іакинѳа Маглановича, то за то остальные, напр., Видѣніе короля, Янко Марнавичъ, Битва у Зеницы великой, Влахъ въ Венеціи, Бонапартъ и Черногорцы, Конь—сохранили намъ несомнѣнныя мѣстныя черты. Таковыя преданія о борьбѣ сербовъ съ турками въ Боснѣ, сюжеты изъ жизни Далматинскаго Приморья и Черногоріи.

Не говоримъ уже о томъ, что всѣ эти пѣсни, свободныя и несвободныя отъ фальши, вносили въ русскую литературу своего времени совершенно для нея новые славянскіе сюжеты, знакомили русскихъ читателей съ историческими преданіями о гибели сербскихъ владѣній, о борьбѣ съ турками гайдуковъ, съ отношеніями покоренныхъ къ туркамъ, съ бытовыми чертами южныхъ славянъ, каковы напр. побратимство, вѣра въ вукодлаковъ и др. и въ этомъ отношеніи имѣли важное значеніе. Что же касается достоинства перевода пѣсенъ, взятыхъ у Мериме, то мы раздѣляемъ взглядъ Анненкова и др. Пушкинъ измѣненіями французскаго оригинала улучшилъ эти пѣсни, а народный складъ перевода пѣсенъ, народный размѣръ, народный языкъ, все это дѣйствительно наложило на пушкинскій переводъ тотъ славянскій отпечатокъ, который замѣчаемъ былъ большинствомъ критиковъ. Для примѣра достаточно сопоставить извѣстную всѣмъ нашимъ христоматіямъ сербскую пѣсню: Что ты ржешь, мой конь ретивый? съ ея французскимъ оригиналомъ. Дословный переводъ будетъ таковъ: Отчего ты плачешь мой прекрасный бѣлый конь? Отчего ты ржешь печально? Развѣ не по тебѣ твоя богатая упряжь? Развѣ недостаетъ тебѣ серебряныхъ подковъ съ золотыми гвоздями? Развѣ не висятъ серебряныя бубенчики на твоей шеѣ и ты не носишь на себѣ короля плодо-

¹⁾ Мицкевичъ былъ еще счастливѣе, выбравъ только одну пѣсню.

родной Боснии?—Я плачу, мой господинъ, потому, что невѣрный сниметъ съ меня серебряныя подковы, мои золотые гвозди и мои серебряныя бубенцы. Я ржу, мой господинъ, потому, что кожей короля Боснии обтянетъ невѣрный мое сѣдло. Въ пушкинской передѣлкѣ эта пѣсня чрезвычайно выигрываетъ: Что ты ржешь, мой конь ретивый? *Что ты шею опустил? Не потряхиваешь гривой? Не прыгнешь своихъ удилъ? Али я тебя не холю? Али пшъ овса не въ волю?* Али сбруя не красна? *Аль поводья не шелковы,* Не серебряны подковы, Не злачены стремена? Отвѣчаетъ конь печальный: *Оттого я присмирѣлъ, Что я слышу топота дальный, Трубный звукъ и пшье стрѣлъ;* Оттого я ржу, *Что въ полъ ужъ не долю мпъ цулять, Проживать въ красъ и холъ, Свптлой сбруей щеголять;* Что ужъ скоро врагъ суровый Сбрую всю мою возьметъ И серебряны подковы съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ; *Оттого мой духъ и поетъ, Что на мьсто чепрака* Кожей онъ твоей покроетъ Мнѣ *вспотѣвшіе бока.*—Эта пѣсня, которая у Мериме носитъ заглавіе: *Le cheval de Thomas II* и принадлежитъ къ числу удачныхъ, очень интересна своимъ отношеніемъ къ пѣснѣ «Шта је коњу најтеже», находящейся въ сборникѣ Вука Караджича. У Мериме конь носитъ на себѣ короля Боснии Оому—героя изъ борьбы сербовъ съ турками и пѣсня Караджича не даромъ упоминаетъ Косово: *Конь јунака оставио На злу мѣсту у Косову, Јунак коњу говорио: Ој конциу, добро моје! Зашто мене ти остави На злу мѣсту у Косову? Шта је теби додијало? Или ти је додијало Бојно седло шимширово? Или ти је додијала Тешка узда искиѣна? Или су ти додијали Чести пути на далеко?»* Сравнительно съ такимъ началомъ не гармонируетъ вторая половина пѣсни, въ которой передается отвѣтъ коня: *«Конь јунаку говорио: Ни је мени додијало Бојно седло шимширово, Нити ми је додијала Тешка узда искиѣна, Нити су ми додијали Чести пути на далеко; Веће су ми додијали Чести пути у меану, Мене свежеш за меану, А ти идеш у меану, У меани три девојке: једној име Љубичица, Другој име Грличица, Требој име Гонджелале; Ти се играш с девојкама: Љубичице, љуби мене! Грличице, грли мене! Гонджелале, лез' код мене! А ја кониц жедан, гладан Копам земљу до колена, Гризем траву до корена, Пијем воду са камена».* Упоминаніе Косова по нашему мнѣнію указываетъ, что и эта пѣсня первоначально принадлежала къ циклу эпопеи, вос-

пѣвавшей борьбу сербовъ съ турками. Имя Оомы у Мериме есть безъ сомнѣнія случайное позднее приуроченіе, въ старшемъ первоначальномъ текстѣ должно было стоять какое либо другое; но конецъ первоначальной пѣсни не могъ быть такимъ, какимъ мы находимъ его у Вука Караджича. Пушкинъ, опустивъ имена Оомы и Боснии, удачно придалъ своей пѣснѣ общесербскій характеръ. Этотъ обращеніе его передѣлки служить лучшимъ примѣромъ творческаго отношенія поэта къ сюжету и въ то же время ясно подтверждаетъ вышеприведенное нами замѣчаніе, что далеко не всѣ пѣсни изъ книги Мериме заслуживаютъ порицанія. Напротивъ, мы должны быть благодарны, что этотъ «острый и оригинальный писатель» своей книгой вновь привлекъ вниманіе Пушкина къ славянской народной поэзіи, и начавъ съ передѣлки заключавшагося въ ней матеріала, нашъ поэтъ обратился и къ подлинному источнику сербскихъ пѣсней—сборнику Караджича. Изъ него Пушкинымъ образцово переведены двѣ цѣльныя пѣсни и начата третья (имѣющаяся впрочемъ и у Мериме) объ Асанѣ агиницѣ, пѣсня известная тѣмъ, что ее первую перевели на европейскіе языки, на нѣмецкій самъ Гете. Эти послѣднія пѣсни служатъ намъ свидѣтельствомъ того, что Пушкинъ вполне овладѣлъ сербскимъ языкомъ, знакомство съ которымъ слѣдуетъ относить еще ко времени его пребыванія на югѣ Россіи. Интересно, что Пушкинъ зналъ не одинъ только языкъ пѣсней.

Въ замѣчаніяхъ на пѣсню о Полку Игоревомъ для объясненія употребленія частицы *ли* въ древнеслав. онъ ссылается на ея значенія въ живомъ сербскомъ языкѣ, а для объясненія слова «готовъ» въ значеніи «известный» на *иллирійское славянское нарѣчіе*: неготовыми (неизвестными) дорогами. Обращаясь къ словарю, мы находимъ у Янежича: *gotón—bereit, fertig; gewiss, sicher,* у Вука Караджича послѣднихъ значеній нѣтъ. Въ той-же статьѣ Пушкинъ приводитъ въ латинскомъ правописаніи, вѣроятно, изъ книги Вельтмана, для объясненія слова «кметъ» въ значеніи крестьянинъ: *Kar gospoda stori krivo, kmeti mōrjo plazhat shivo.* Подлинность слова онъ подкрѣпляетъ тѣмъ, что въ немъ есть слова, отысканныя въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ они еще сохранились во всей свѣжести употребленія. Эта ссыла на славянскія нарѣчія при объясненіи древнерусскаго памятника драгоцѣнна для насъ, какъ указаніе на то,

что нашъ поэтъ сознавалъ вѣжностъ изученія славянскихъ нарѣчій.

Называя пѣсни, взятыя главнымъ образомъ изъ Мериме и отчасти изъ сборника Вука Караджича, *западными*, Пушкинъ безъ сомнѣнія допускалъ неточность выраженія, весьма понятную для его времени. Но среди этихъ пѣсенъ есть одна, къ которой вполне подходило бы это названіе: Это пѣсня о Янышѣ королевичѣ. При ней у Пушкина находимъ такое примѣчаніе: «пѣсня о Янышѣ королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую и то не всю». Не смотря на такое точное повидимому указаніе и до сихъ поръ остается неразысканнымъ этотъ подлинникъ. Благодаря этому въ нашей литературѣ высказывались неодинаковыя мнѣнія объ этой пѣснѣ. Анненковъ считалъ ее заимствованной изъ чешскихъ народныхъ сказаній, а проф. О. Е. Коршъ считаетъ ее эпической обработкой сюжета Русалки. Мы позволимъ поэтому отмѣтить тѣ черты, которыя придаютъ Пушкинской пѣснѣ западно-славянскій колоритъ. Прежде всего разумѣется имя Любуши, которая названа чешской королевой, затѣмъ имя Янышъ, извѣстное у словаковъ и мораванъ въ формѣ: Јанош = Јап, ум. Јаношек (отсюда имена мѣстъ: Јаноушов, Јаношовице и т. д.)¹⁾ и зеленая Морава, повидимому, точнѣе опредѣляютъ мѣстность, гдѣ нужно искать затерянное преданіе. Послѣ того какъ слово «вила» встрѣтилось въ одномъ чешскомъ памятникѣ и опять какъ разъ изъ Моравіи:

Getrich poče hniewiw byti,
Lawrynkem o zemi biti;
Со mu večil, to mu zaplatil,
Nes giz bieše pasec ztratil,
W niemž miel nadziegi y vtiechu;
Ale přetržen bieše po hriechu,
Genz mu byli dali *wily*²⁾,

«сербскія вилы» уже не могутъ говорить противъ чешскаго источника. Но разумѣется, пока не будетъ розысканъ подлин-

¹⁾ Словарь Котта, т. VI, стр. 485.

²⁾ Archiv für Slav. Phil., 13, т. стр. 10.

никъ, нельзя настаивать на зависимости пѣсни о Янышѣ Королевичѣ отъ чешскаго сказанія, до тѣхъ поръ чешскія имена Любуши, Яныша, Моравы будутъ намъ дороги уже по одному указанію на интересъ Пушкина къ преданіямъ чешской исторіи.

Изъ польской литературы Пушкинъ взялъ сравнительно съ тѣмъ, что она могла дать, очень мало, но за то это немногое взято у Мицкевича. Отрывокъ изъ Конрада Валленрода¹⁾ и двѣ баллады «Воевода» и «Будрысъ» переведены удачно, особенно послѣдняя. Въ ней сохраненъ и размѣръ подлинника и рифмованіе половины перваго и третьяго стиха каждой строфы: «Три у Будрыса сына, какъ и онъ три литвина. Онъ пришелъ толковать съ молодцами. Дѣти! създа чините, лошадей приводите, да точите мечи съ бердышами». Не меньшій интересъ представляетъ всѣмъ извѣстное стихотвореніе «Мицкевичъ», въ которомъ Пушкинъ, лично знакомый съ польскимъ поэтомъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, далъ едва ли не самую привлекательную и блестящую характеристику Мицкевича:

Онъ между нами жилъ
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,

¹⁾ Въ переводѣ изъ него есть только одинъ промахъ: стихъ: Wdzigkami pruskiéj topoli psona—переведенъ: *Нѣмецкой* тополью плѣненный. Интересно было бы поэтому знать, какъ думалъ Пушкинъ о народности своихъ предковъ, говоря о своемъ родоначальникѣ: «Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца *Радши* или *Рачи* (мужа честна, говоритъ летописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго; ср.: «Мой предокъ Радша службой бранной Святому Невскому служилъ». Литовскаго равно какъ и нѣмецкаго въ этомъ имени ничего нѣтъ, а потому скорѣе всего предокъ Пушкиновыхъ былъ славянскаго происхожденія. Съ этимъ именемъ слѣдуетъ сравнить, приведенныя въ словарѣ Котта: Radoslav рядомъ с Raclav: Rad, Radeč, Radim, Radoch, Radon, Radosta, Radoš. Radota и т. д. Послѣднія два особенно важны: ср. *Путша* и *Путша*, а съ вариантомъ *Рача*—Raclav и Rač см. Radeč. т. VII, стр. 552 и 549. Сравни также: Badžej=raději, Radši=raději, Radšik=raději тамъ же стр. 558.

И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили.

Если мы припомнимъ и другія мѣста, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о Мицкевичѣ, напр., въ стихотвореніи Сонетъ:

«Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ».

или въ Евгеніи Онѣгинъ:

Тамъ *) пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ».

и если присоединимъ отзывы о Мицкевичѣ друзей Пушкина князя Вяземскаго и Баратынскаго, то должны будемъ признать, что въ отношеніяхъ всѣхъ ихъ къ польскому поэту преобладали истинно дружественныя чувства.

Что же касается второй половины стихотворенія, въ которой мы находимъ горькіе упреки, обращенные къ Мицкевичу, то виной тому были особыя обстоятельства, при которыхъ оно было написано. Противоположность тѣхъ началъ, которыхъ выразителями являются поляки и русскіе, большое различіе польскаго и русскаго характера, давнее историческое соперничество между двумя славянскими народами всегда создавали важныя и трудно устранимыя причины рѣзкихъ противорѣчій со всѣми ихъ печальными послѣдствіями. Пушкинъ, какъ видно изъ его сочиненій, постоянно выставлялъ на видъ эти противорѣчія какъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, такъ и въ стихотвореніяхъ. Одно изъ нихъ относится къ 1824 г.:

«Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена.

*) Т. е. въ Крыму.

То наша стонеть сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою».

Тѣмъ сильнѣе сказывались эти противорѣчія въ такіе моменты, когда вѣковая распри принимала острый характеръ. Но слѣдуетъ помнить, что и въ стихотвореніяхъ «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина», какъ на это не разъ указывалось, главное негодованіе поэта направлено на грозившихъ вмѣшательствомъ иноземцевъ. Считаая взаимныя отношенія русскихъ и поляковъ споромъ славянъ между собою, Пушкинъ съ удивительной пронизательностью намѣтилъ, что то или иное рѣшеніе этого спора можетъ произойти только на славянской почвѣ. Правда онъ поставилъ страшную для славянскаго чувства дилемму:

«Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ».

Съ славянской точки зрѣнія въ интересахъ сохраненія племеннаго славянскаго индивидуализма мы не можемъ желать рѣшенія спора въ такомъ направленіи, при которомъ одна изъ сторонъ должна пострадать. Но мы не должны и обольщаться, не должны обманывать себя иллюзіями. Исторія насъ учитъ, до какихъ бѣдъ доводила славянъ ихъ взаимная рознь. Не одинъ Пушкинъ смотрѣлъ такъ. Возможность рокового исхода представлялась и Шафарику. Ранѣе 1831 г. совершенно по другому поводу чешскій ученый писалъ Коллару: «вопросъ о томъ, какой славянскій языкъ и какая славянская азбука будутъ все-славянскими, рѣшится не перомъ, а мечомъ—потокъ крови проведутъ черты буквъ—тамъ, гдѣ ихъ протечетъ болѣе, возникнутъ и языкъ и азбука общеславянскіе». Но если мы искренно желаемъ приблизить то время, «когда народы распри позабывъ, въ великую семью соединятся», то слѣдуя нашему великому поэту, будемъ поддерживать въ себѣ «огонь поэзіи чудесный», который способенъ «сердца враждебныя дружить».

Мы исчерпали все, что въ литературной и поэтической дѣятельности Пушкина имѣетъ отношеніе къ славянству. Среди нашихъ поэтовъ Пушкинъ является едва ли не самымъ чуткимъ къ славянамъ и славянскимъ литературамъ. Онъ удѣлилъ вниманіе болгарамъ и сербамъ, полякамъ и чехамъ. Изъ литературы сербской и польской онъ перенесъ намъ въ прекрас-

ныхъ переводахъ образцы народной поэзіи: сербскія народныя, и нѣсколько стихотвореній первокласнаго польскаго поэта. У слѣдовавшаго за нимъ Лермонтова находимъ только одинъ сонетъ изъ Мицкевича, у другихъ второстепенныхъ поэтовъ если самыхъ стихотвореній и больше, за то они не обнимаютъ всѣхъ славянъ. Славянскія темы у Пушкина облекались въ живые поэтическіе образы, каковы напр. герои сербской борьбы за свободу Георгій Черный и его дочь, воевода Милошъ и др., которые никогда не перестанутъ намъ напоминать о его живомъ интересѣ къ славянству.

Насколько-же Пушкинъ извѣстенъ славянамъ и въ какой степени распространены среди нихъ его произведенія, насколько глубоко онъ понятъ славянской критикой? Обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы могъ бы составить предметъ особаго изслѣдованія и потребовалъ бы довольно продолжительныхъ подготовительныхъ трудовъ, справокъ въ славянскихъ библіотекахъ, пересмотра славянскихъ газетъ и журналовъ и рѣдкихъ изданій, которыя въ желательной полнотѣ можно найти только въ крупныхъ славянскихъ центрахъ. Подготовительная работа въ этомъ направленіи только еще начинается.

Мы ограничимся теперь лишь краткими замѣчаніями. Знакомство съ Пушкинымъ пролагало путь къ славянамъ не сразу. При отсутствіи правильной организаціи книжныхъ сношеній произведенія однихъ славянъ переходили къ другимъ часто по случаю, черезъ друзей и пріятелей и запаздывали своимъ появленіемъ. Въ Исторіи слав. литературъ Шафарика 1826 г. Пушкинъ названъ какъ авторъ встрѣченныхъ съ общимъ одобреніемъ романтическихъ поэмъ Русланъ и Людмила 1820 г., Кавказскій плѣнникъ 1822 г., Бахчисарайскій фонтанъ 1824 г., Евгений Онѣгинъ 1825 г., но очевидно всѣ эти сочиненія Пушкина были извѣстны только по именамъ. Величайшимъ русскимъ поэтомъ, ссылаясь на приговоръ современниковъ, онъ считаетъ Жуковскаго и даже о Батюшковѣ выражается сильнѣе, называя его человѣкомъ классически образованнымъ, гениальнымъ, во многихъ отношеніяхъ всего ближе стоящимъ къ Жуковскому.

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за успѣхами Пушкина два чешскіе поэта Челяковскій и Камаритъ, въ перепискѣ которыхъ имя нашего поэта начинаетъ упоминаться съ 1825 г. Кто знаетъ, какія препятствія приходилось преодолевать воз-

рождающейся чешской литературѣ, тотъ пойметъ тонъ этихъ писемъ: «Боже—пишетъ Камариту Челяковскій 23-го февраля 1825 г.—если-бы положеніе нашего языка и литературы было таково, какъ въ Англии, Франціи, Германіи или по крайней мѣрѣ въ Россіи: на этихъ дняхъ въ газетахъ было напечатано, что А. Пушкинъ, авторъ Руслана и Людмилы, продалъ въ Москвѣ свое новѣйшее стихотвореніе, заключающееся только изъ 600 стиховъ за 3000 р. Во что станетъ стихъ? (Немного поздиѣе о томъ-же со словъ русскихъ путешественниковъ): «Русскіе идутъ впередъ такъ что сердце радуется; на дняхъ были здѣсь изъ Петербурга два доктора, рассказывавшіе намъ утѣшительныя извѣстія въ особенности о молодомъ Пушкинѣ, который обращаетъ на себя вниманіе новѣйшимъ поэтическимъ произведеніемъ «Бахчисарайскій фонтанъ», 5000 экз. разошлось въ одинъ годъ. Если-бы только можно получить его здѣсь». Съ тревожнымъ чувствомъ пишетъ Челяковскій 15 февраля 1826 г., когда распространились слухи о заговорѣ Декабристовъ: «Изъ Россіи приходятъ печальныя вѣсти. Въ этомъ проклятомъ заговорѣ замѣшаны также знаменитые писатели Пушкинъ и Муравьевъ Апостолъ. Первый лучшій стихотворецъ, второй лучшій прозаикъ. Безъ сомнѣнія оба поплатятся головой». Пушкинъ уцѣлѣлъ и поздиѣе о немъ доходятъ уже иного рода вѣсти: «На прошлой недѣлѣ проѣзжалъ здѣсь одинъ русскій секретарь... о Пушкинѣ говорилъ, что живетъ въ Петербургѣ, оставивъ всѣ должности, отдавшись единственно труду писателя; къ сожалѣнію онъ вступилъ въ писательской дѣятельности на путь Виланда, что дастъ ему болѣе денегъ, но принесетъ ли большую славу, сомнительно. 14 августа 1828 г. Какъ не легко было доставать русскія изданія, можно судить по письму въ сентябрѣ 1832 г.: Какъ-то довольно уже давно просилъ ты какихъ нибудь стихотвореній Пушкина и вотъ спустя два года не менѣе присланъ Русланъ и Людмила въ новомъ передѣланномъ и роскошномъ изданіи 1828 г., но цѣна ужасно высокая 6 талеровъ. Не знаю, будетъ ли это тебѣ пріятно: книга лежитъ у Кронбергга; иначе нужно будетъ вернуть ее назадъ».

На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Пушкина Руслана и Людмилу я взялъ у Кронбергга, но это будетъ самая дорогая книга моей библіотеки».

Отзывы о Пушкинѣ встрѣчаются и у хорватскихъ писателей. Станко Вразъ въ письмѣ Челяковскому, говоря о достоинствѣ Дубровницкой литературы высказываетъ такія мысли: «Я думаю, что наша поэзія долго будетъ хромать, пока рядомъ съ искусственнымъ стихомъ не будетъ по заслугамъ оцѣниваться народная пѣсня, пока духъ народныхъ пѣсенъ не проникнетъ въ произведенія нашей литературы. Я признаю цѣну дубровницкихъ поэтовъ, ихъ классичность, удивляясь возвышенности ихъ идей, богатству выражений и дивной тонкости стиха; но стоитъ перевести ихъ на итальянскій языкъ и всякій итальянецъ скажетъ, что переводъ есть итальянскій оригиналъ. Ихъ совершенству не достаётъ того, чему удивляются русскіе почитатели Пушкина». Ясно, что хорватскій поэтъ разумѣетъ здѣсь народную самобытность пушкинской музыки.

Въ 1849 г. Вразъ совѣтуетъ издателю Христоматіи на словинскомъ языкѣ Мадуну помѣстить въ инославянскомъ ея отдѣлѣ нѣсколько стихотвореній Пушкина, прекрасно переведенныхъ Деметромъ, вмѣстѣ съ русскимъ оригиналомъ. При этомъ интересно, что названы Три Будрысовича и Воевода. Такимъ образомъ видно, что Деметръ перевелъ съ русскаго пушкинскіе переводы Мицкевича. Не мѣшаетъ сопоставить съ этимъ, что и Бѣлинскій въ замѣткѣ на четвертую часть стихотвореній Пушкина Сб. 1835 писалъ: «Гусарь, Будрысъ и его сыновья, Воевода, всё эти піесы не безъ достоинства, а послѣдняя рѣшительно хороша», точно также не зная, повидимому, что два послѣднія стихотворенія Пушкина не оригинальныя, а переводныя.

Вскорѣ послѣ смерти Пушкина начали появляться въ славянскихъ литературахъ и статьи о его жизни и литературной дѣятельности. Не всё они одинаковаго достоинства и характера. Большею частію они даютъ краткій обзоръ и оцѣнку произведеній Пушкина въ связи съ его біографіей. Но мѣстами въ нихъ встрѣчаются не лишеныя интереса сужденія и въ то же время характерныя для мѣстныхъ условій. Для примѣра укажемъ, что и въ статьѣ, помѣщенной въ Danicъ за 1837 г. и въ извѣстной чешской энциклопедіи Научный Словникъ, вниманіе авторовъ обратила мягкость наказанія, постигшаго Пушкина въ 1820 г. «Иногда ювошеское увлеченіе такъ овладѣвало Пушкинымъ, что онъ писалъ стихотворенія въ духѣ республиканскомъ, которыя и въ свободныхъ государствахъ едва ли могутъ явиться

въ печати. Между ними особенной извѣстностью пользуются Ода вольности и Кинжалъ. Пушкинъ былъ за это высланъ императоромъ Александромъ въ Бессарабію, гдѣ ему довольно милостиво дана была и какаѣ то царская служба». Авторъ статьи въ Научномъ Словникѣ отозвался точно также: «За свободомысленное политическое направленіе, выражаемое въ стихахъ и рѣчахъ, Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга съ чрезвычайною мягкостію: былъ высланъ въ Екатеринославль и опредѣленъ въ канцелярію Инзова». Невольно приходятъ на память слова самого Пушкина, влагаемыя имъ въ уста императора Александра: «Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ, король Галліи или императоръ австрійскій съ Вами не такъ бы поступили. За всё ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ». Стихотворенія Пушкина «Клеветникамъ Россіи», «Бородинская годовщина», которыя, нужно замѣтить, были охотно переводимы у всѣхъ славянъ, вызывали не одинаковое отношеніе къ нимъ въ славянской печати. Въ статьѣ Даницы о нихъ сказано: «два стихотворенія особенно повредили Пушкину въ общественномъ мнѣніи — то, въ которомъ онъ прославляетъ взятіе Варшавы, и ода Клеветникамъ Россіи». Авторъ чехъ, подробно останавливаясь на важнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина, обошелъ совершеннымъ молчаніемъ эти два стихотворенія, что, вѣроятно, зависѣло отъ крупнаго различія во взглядѣ чеховъ на польскорусскія отношенія.

Совершенно исключительнымъ явленіемъ представляется статья о Пушкинѣ Мицкевича въ польской литературѣ. Это, разумѣется, зависѣло какъ оттого, что одинъ великій поэтъ писалъ о другомъ, такъ и оттого, что о Пушкинѣ въ данномъ случаѣ говорилъ человекъ, близко его знавшій, считавшій его своимъ другомъ. Вотъ, почему отъ этой статьи вѣетъ такой теплотой.

Сказавъ о чуждомъ народнаго духа, народныхъ преданій и обычаяхъ направленіи лицейскаго образованія Пушкина, о противодѣйствіи этому направленію, какое онъ нашелъ у Жюковскаго, Мицкевичъ разъясняетъ, въ какой степени подчинился Пушкинъ Байрону. Вполнѣ справедливо считаетъ онъ Пушкина не простымъ подражателемъ Байрону, а скорѣе творщимъ въ его духъ: «если-бы твореніе Байрона не существовало, Пушкинъ былъ бы провозглашенъ первымъ поэтомъ своего времени.

Коснувшись особыхъ условий, въ которыхъ находились въ Россіи представители литературы, и указавъ на революціонное направленіе ея въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, на участіе въ этомъ движеніи Пушкина, Мицкевичъ признаетъ знаменательнымъ благосклонное отношеніе къ нашему поэту Императора Николая I, отмѣчая въ то же время вызваннаго этой перемѣной нареканія на Пушкина со стороны нашихъ либераловъ того времени. Продолжая за тѣмъ оцѣнку произведеній Пушкина, въ Цыганахъ и Полтавѣ Мицкевичъ видитъ несомнѣнный ростъ его таланта и сожалеетъ только — по отношенію къ послѣдней впрочемъ, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго, совершенно несправедливо — о слѣдахъ байроновскаго вліянія въ формѣ, но Онѣгина, начатаго съ подражанія Донъ Жуану, признаетъ въ концѣ концовъ совершенно оригинальнымъ, въ исторіи славянскихъ литературъ прибавляя къ тому, что его съ удовольствіемъ будутъ читать во всѣхъ славянскихъ земляхъ¹⁾. Бориса Годунова Мицкевичъ не рѣшается вслѣдъ за русскими критиками ставить наравнѣ съ шекспировскими драмами, но сознается, что этотъ первый опытъ Пушкина въ драматической поэзіи давалъ понятъ, до чего онъ можетъ дойти... *et tu Shakespeare eris, si fata sinant*. Не только отдѣльныя подробности, но и цѣлыя сцены поражаютъ Мицкевича, особенно высоко онъ цѣнитъ прологъ, находя его единственнымъ въ своемъ родѣ. Напомнивъ, что автору было еще только 30 лѣтъ, Мицкевичъ обращаетъ вниманіе на перемѣну, наставшую въ немъ въ это время: на охлажденіе къ иностраннымъ романамъ и газетамъ, интересъ къ народнымъ преданьямъ, народнымъ пѣснямъ отечественной исторіи и вопросамъ религіознымъ, что все вмѣстѣ тѣснѣе сближало его съ родной землей. Какъ извѣстно, многія поэтическія произведенія Пушкина отъ этого времени явились въ печати только позднѣе, поэтому Мицкевичъ былъ правъ, когда говорилъ, что Пушкинъ въ это время пересталъ почти писать стихи и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько подготовительныхъ историческихъ работъ, и вѣрно предъугадывалъ, что въ этомъ поэтическомъ безмолвіи Пушкина таились счастливыя предназна-

¹⁾ Мицкевичъ оказался вполнѣ правъ; на многіе славянскіе языки Онѣгинъ переведенъ по нѣскольку разъ.

менованія для русской литературы — предназначенія скорого проявленія его таланта въ полномъ могуществѣ. Въ сравненіи съ этимъ признаніемъ не выдерживаетъ критики мнѣніе, высказанное Мицкевичемъ въ Исторіи славянскихъ литературъ, будто бы Пушкинъ послѣ стихотворенія Пророкъ не написалъ ничего лучшаго и талантъ его сталъ падать.

Въ заключеніе Мицкевичъ характеризуетъ рѣдкія качества ума и сердца Пушкина: «Пушкинъ изумлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностію ума, былъ одаренъ необыкновенной памятью, вѣрнымъ сужденіемъ, утонченнымъ вкусомъ. Когда онъ говорилъ о политикѣ внѣшней и отечественной, можно было думать, что слушаешь челоуѣка, посѣдѣвшаго за государственными дѣлами и пропитаннаго ежедневнымъ чтеніемъ парламентскихъ преній. — Я довольно близко зналъ русскаго поэта, находилъ въ немъ характеръ слишкомъ впечатлительный, а иногда и легкомысленный, но всегда искренній и благородный, способный къ сердечнымъ изліяніямъ. Его недостатки зависѣли, повидимому, отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ жилъ, но, что было въ немъ хорошаго, простекало изъ глубины его сердца».

Этотъ очеркъ дѣятельности Пушкина гораздо выше той оцѣнки, которую Мицкевичъ представилъ позднѣе въ курсѣ исторіи славянскихъ литературъ. Князь Вяземскій былъ вполнѣ правъ, говоря: «едва ли найдется въ русской критикѣ (а о Пушкинѣ много писали и пишутъ) подобная вѣрная тонкая и глубокая характеристика поэта нашего».

Многіе славянскіе поэты посвящали Пушкину свои стихотворенія. Владыка Черногорскій Петръ II Сѣни Александра Пушкина посвятилъ изданный имъ сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ называетъ нашего поэта счастливымъ пѣвцомъ великаго народа. Словацкій поэтъ Сладковичъ, восхищаясь лучшими произведеніями Пушкина, оплакиваетъ его преждевременную кончину. Стихи Пушкина «Къ морю» и «Погасло дневное свѣтило» вдохновили чешскаго поэта Ярослава Верхлицкаго, и онъ изобразилъ Пушкина на берегу моря — свободной стихіи, столь сродной душѣ поэта, воскрешающимъ въ своихъ воспоминаніяхъ знаменательные моменты своей жизни и созданные имъ поэтическіе образы Онѣгина и Татьяны. Подъ вліяніемъ Евгенія Онѣгина написалъ поэму чешскій поэтъ

Полегерь-Моравскій. И другихъ славянскихъ поэтовъ— чеха Коубка, хорвата Кукелевича Сакцинскаго, серба Воислава Илича вдохновляли не разъ муза и имя Пушкина.

Переводы Пушкина стали появляться на славянскихъ языкахъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ. Первые были польскіе, за ними слѣдовали чешскіе, сербскіе и хорватскіе и наконецъ болгарскіе. Нѣкоторыя изъ крупныхъ твореній Пушкина, напр. Евгений Онѣгинъ переведены три раза на языкъ сербскомъ и хорватскомъ, два раза на чешскомъ, не говоримъ о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя переводились еще чаще. Славянскіе переводы печатались и въ крупныхъ славянскихъ центрахъ и и въ мало извѣстныхъ уголкахъ славянскаго міра: въ Прагѣ, Загребѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Люблячахъ, Брнѣ, Турчанскомъ св. Мартинѣ, Пискѣ, Задрѣ, Новомъ Садѣ, Панчевѣ, Мостарѣ, Русукѣ, Силистріи и др., а также въ столицахъ государствъ не-славянскихъ: Вѣнѣ, Царьградѣ, Бухарестѣ.

Нашъ великій поэтъ пѣлъ о себѣ:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ».

Слава о немъ, давно переступивъ рубежи отечества, идетъ по всему міру и все возрастаетъ, но съ особенной гордостію и любовію называетъ славное имя Пушкина родной ему по крови славянскій міръ, преклоняясь предъ вѣчно прекрасной его музой, видя въ ней одно изъ величественнѣйшихъ проявленій славянскаго гения.

Пушкинъ и Новороссійскій край¹⁾.

Члена историко-филологическаго общества А. И. Маркевича.

Приближеніе столѣтія со дня рожденія величайшаго поэта нашего А. С. Пушкина возлагало на всѣхъ сколько-нибудь прикосновенныхъ къ исторіи русской литературы лицъ обязанность принять участіе въ торжественныхъ о немъ поминкахъ. Обязанность эта пріятная, ибо нельзя не сочувствовать тому литературному празднику праздниковъ, который нынѣ такъ оживляетъ всю грамотную Россію; но обязанность эта и трудная: жизнь и произведенія Пушкина настолько извѣстны нашему образованному обществу и столь часто были оцѣниваемы въ сочиненіяхъ выдающихся критиковъ и публицистовъ, что въ торжественный день, посвященный его памяти, просто невозможнымъ представляется избрать для рѣчи, произносимой передъ такимъ обществомъ, какое я имѣю честь теперь видѣть передъ собою, тему, которая отличалась-бы новизною или оригинальностью. Я внимательно слѣдилъ за литературой о Пушкинѣ во дни, предшествовавшіе настоящему празднеству, и съ грустной ироніей долженъ сказать, подражая Лессингу, что, хотя о Пушкинѣ въ послѣднее время было напечатано много новаго и много интереснаго, но — то, что интересно, уже не ново, а что ново, то совершенно неинтересно.

Въ виду такого положенія дѣлъ мнѣ оставалось лишь въ дѣятельности Пушкина найти моменты, о которыхъ умѣстно было-бы напомнить во время празднованія памяти его здѣсь, въ Одессѣ, культурномъ центрѣ Новороссіи, а именно — хотя-бы въ краткихъ чертахъ указать значеніе, какое имѣлъ Новорос-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета и ученыхъ обществъ 27-го мая 1899 г.

сійскій край въ жизни нашего величайшаго поэта, и, насколько это доступно, выяснитъ вліяніе, какое онъ оказалъ на Новороссію.

Недобровольный прїѣздъ Пушкина на югъ Россіи состоялся весною 1820 года. Въ это время Пушкинъ уже былъ высоко цѣнимъ въ кружкахъ нашихъ вліятельныхъ тогда литераторовъ; замѣтили его, къ сожалѣнію, и еще болѣе важныя сферы; но большой публикѣ онъ въ сущности былъ мало извѣстенъ; довольно напомнить, что первое доставившее ему крупную популярность произведеніе — «Русланъ и Людмила» — окончено было имъ уже на Кавказѣ, а напечатано въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ. Бойкія эпиграммы и нецензурныя произведенія и не могли получить въ то время очень широкаго распространенія; и Пушкинъ, кажется, раньше сталъ извѣстенъ крупными шалостями, нежели мелкими стихотвореніями. Между тѣмъ, уѣзжая изъ Одессы (тоже недобровольно) лѣтомъ 1824 г. на сѣверъ, Пушкинъ былъ уже знаменитымъ поэтомъ, даже болѣе популярнымъ, чѣмъ впослѣдствіи. На югѣ созданы лучшія его поэмы и лирическія произведенія, и матерьялъ для нихъ былъ доставленъ Пушкину главнымъ образомъ этимъ-же югомъ, т. е. Новороссіей.

На это, разумѣется, имѣлись свои причины, для выясненія которыхъ я и позволю себѣ сдѣлать краткій абрисъ того, чѣмъ былъ въ это время югъ Россіи, гдѣ Пушкину довелось прожить четыре года, самыхъ поэтическихъ въ его жизни.

Новороссійскій край такъ сравнительно недавно вошелъ въ составъ Россіи, что во времена Пушкина въ немъ еще сохранялось очень много чертъ, рѣзко выдѣлявшихъ его изъ всего государства; именно эти-то черты и отразились лучше всего въ поэзіи Пушкина.

На югѣ отъ предѣловъ Малороссіи, въ то время уже достаточно населенной и не бѣдной культурнымъ обществомъ (припомнимъ, напр., Каменку Раевскихъ, находившуюся почти на границѣ Новороссіи), лежали широкія, почти безлюдныя Новороссійскія степи, такъ недавно еще бывшія мѣстомъ борьбы Запорожья и татаръ. Теперь объ этомъ не было и рѣчи; но въ степяхъ Новороссіи все-же было далеко небезопасно: здѣсь укрывались бѣглецы и формировались шайки разбойниковъ, дѣлавшія проѣздъ или пребываніе здѣсь довольно рискованными

По степямъ были кое-гдѣ разбросаны города и села, но большинство городовъ тоже напоминало села, какъ напоминаетъ ихъ и въ настоящее время. Екатеринославъ, нѣкогда предназначенный служить столицей обширнаго Новороссійскаго края и своими памятниками затмить самый Римъ, не вышелъ изъ положенія маленькаго и неблагоустроеннаго городка, въ которомъ среди бѣлаго дня могли убѣжать скованные парами разбойники; немногимъ отличались отъ него и другіе города Новороссіи — кромѣ Одессы, о которой мнѣ предстоитъ говорить особо.

Тѣмъ не менѣе край этотъ уже былъ русскимъ, порядки въ немъ вообще были русскіе, и особенности его не могли такъ рѣзко бросаться въ глаза, какъ особенности тѣхъ мѣстностей, которыя вошли въ составъ государства значительно позже, чѣмъ Новороссія, и строй которыхъ во многомъ еще не былъ русскимъ.

Мѣстности эти: Кавказъ, Крымъ и Бессарабія.

О Кавказѣ мнѣ не приходится очень распространяться; въ сущности, во время перваго пребыванія на югѣ Россіи Пушкинъ на Кавказѣ не былъ; онъ остановился въ Предкавказіи, на группѣ минеральныхъ водъ. Величественныя кавказскія горы видѣлъ онъ лишь издали. А то, что нынѣ придаетъ особую красоту этой группѣ, сдѣлано было уже во времена гр. Воронцова. Но все-же на путника, явившагося сюда съ сѣвера, могли произвести впечатлѣніе и такія горы, какъ Бештау. Предкавказье могло представить своимъ климатомъ значительный контрастъ съ петербургскимъ, а, главное, въ окрестностяхъ Пятигорска путешественникъ могъ еще основательно познакомиться съ бытомъ черкесовъ, столь отличнымъ отъ русскаго, могъ видѣть борьбу ихъ съ нами, могъ даже лично испытать опасность пребыванія въ этой мѣстности. Извѣстенъ случай, когда, спустя свыше 20 лѣтъ послѣ пребыванія Пушкина въ Предкавказіи, гр. Воронцовъ со всѣмъ высшимъ кавказскимъ обществомъ чуть не сталъ во время бала въ Кисловодскѣ добычею неожиданно набѣжавшихъ черкесовъ. Во всякомъ случаѣ страна эта была еще мало похожа на Россію, и вольный образъ жизни здѣшняго населенія могъ дать достаточно матерьяла для поэтическихъ произведеній.

Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи лишь за 37 лѣтъ до пріѣзда сюда Пушкина. Хотя великолѣпный князь Тавриды и его сотрудники ввели здѣсь русскіе порядки, но они были, если можно такъ выразиться, поверхностными, ибо управляемое населеніе было нерусское. Главную массу составляли татары, рѣзко отличавшіеся образомъ жизни отъ русскихъ, а обширныя, разданныя въ Крыму высокопоставленнымъ лицамъ имѣнія или лежали пустыми, или колонизованы были людьми самыхъ разнообразныхъ національностей и меньше всего русскими. Административный центръ Крыма — Симферополь былъ небольшою грязноватой городокъ; Севастополь и не думалъ о своемъ послѣдующемъ значеніи; правда, Феодосія была немаловажнымъ торговымъ пунктомъ, мечтавшимъ даже о конкуренціи съ Одессой, но на ви́шнемъ видѣ ея это отражалось весьма мало; въ еще бѣльшей степени то-же можно сказать о Керчи. Казалось-бы, что Крымъ тогда былъ мѣстностью мало интересною, тѣмъ болѣе, что не были еще приложены труды гр. Воронцова къ благоустройству южнаго берега; не было ни его прекраснаго шоссе, ни многочисленныхъ красивыхъ дачъ.

Но мы, одесситы, смотрящіе нынѣ на южный берегъ Крыма, какъ на наши дачныя мѣста, и легко совершающіе туда экскурсіи, хорошо знаемъ поэзію Крыма, и притомъ поэзію вѣчную. Его омываетъ море, одинаково чудное и въ тихую, и въ бурную погоду и незнакомое съверьянамъ. Море это необыкновенно гармонируетъ и съ южнымъ небомъ, и съ невысокими малолѣсистыми горами. Горы даютъ возможность развиться на южномъ берегу поэтической растительности кипарисовъ и магнолій, совершенно необычной для сѣвернаго жителя, который найдетъ здѣсь въ изобиліи и янтарный виноградъ, еще такъ недавно, на моей памяти, представлявшій величайшую рѣдкость даже въ Малороссіи, куда его привозили изъ Крыма въ арбахъ на верблюдахъ въ очень помятомъ видѣ и продавали по баснословно дорогой цѣнѣ. На дикомъ южномъ берегу уже были построены кое-гдѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ дачи, напр. дюкомъ де-Ришелье возлѣ Гурзуфа, а между дачами, часто надъ морскимъ берегомъ, вились тропинки, приводившія путника то къ глубокимъ таинственнымъ ущельямъ, то къ веселымъ полянамъ, то къ кипарисовымъ рощамъ. Пріѣзжіи въ Крымъ могли любоваться поразительною по красотѣ панорамною, открываю-

щуюся изъ Георгіевскаго монастыря, могли проѣхать въ глубь полуострова и посѣтить своеобразный татарскій Бахчисарай съ пустыннымъ, но полнымъ поэзіи дворцомъ, могли дивиться загадочнымъ памятникамъ Чуфутъ-Кале или Мангупа, а на другой сторонѣ Крыма развалинами Судака или керченскими курганами.

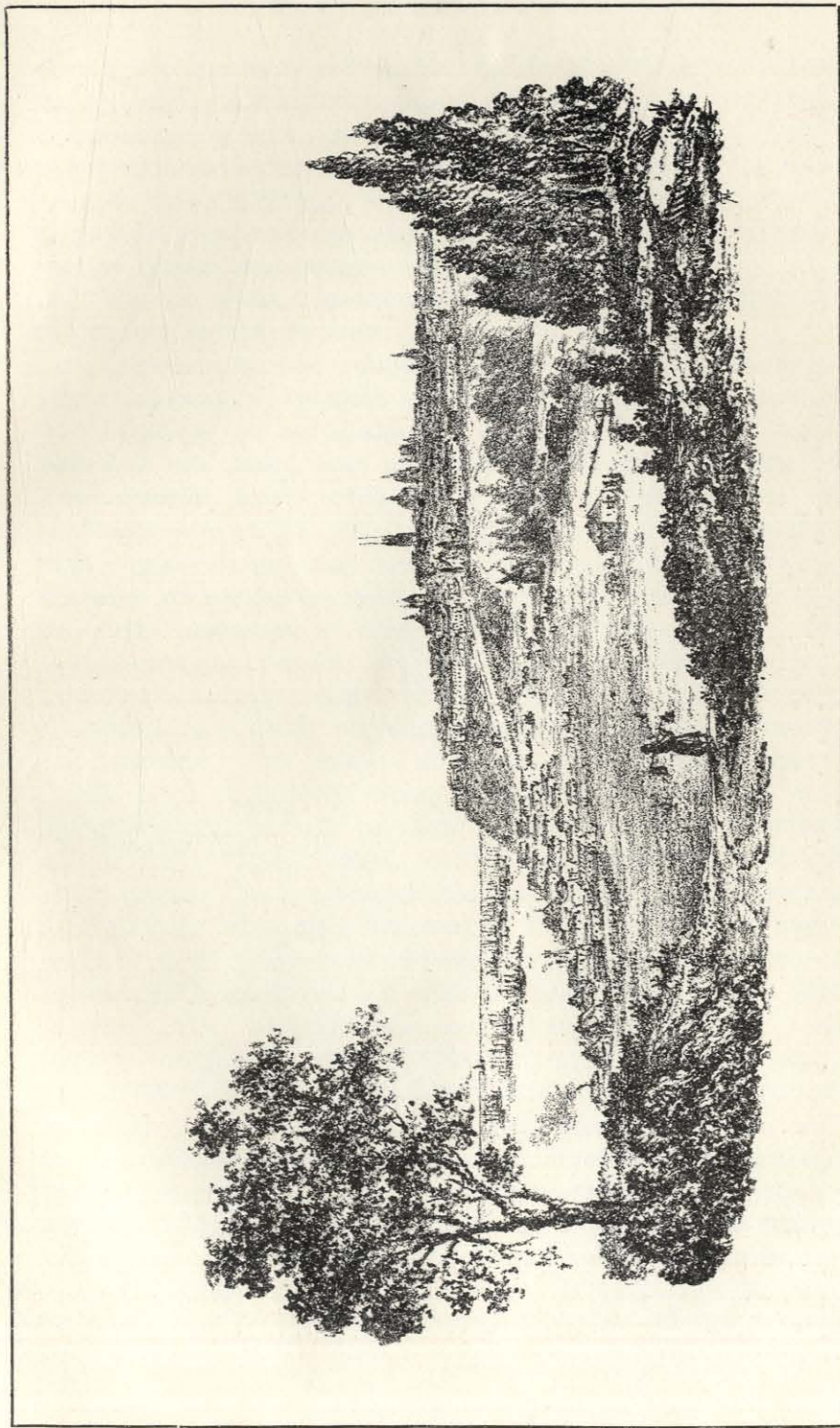
Совершенно другую картину представляла въ то время Бессарабія. Она была присоединена къ Россіи лишь за 8 лѣтъ до пріѣзда сюда Пушкина, почему не могла не имѣть обособленнаго характера. Правда, она и до формальнаго присоединенія къ Россіи находилась въ нашихъ рукахъ лѣтъ шесть; но и это немного, да мы и не предпринимали тогда ничего для ея реорганизаціи. Несмотря на то, что въ Бессарабіи было не болѣе 40,000 семействъ, она послѣ присоединенія къ Россіи не превратилась въ обыкновенную губернію, а, по благосклонному отношенію къ извѣстнымъ политическимъ порядкамъ Императора Александра I, управлялась сходно съ Финляндіей или Польшей. Небольшая гористая часть сѣверной Бессарабіи населена была малороссами; но затѣмъ вся остальная область, какъ центральная — волнистая, такъ и южная, равнины которой представляютъ продолженіе Новороссійскихъ, населена была молдаванами, образъ жизни которыхъ хотя и болѣе схожъ съ русскимъ (точнѣе — съ малорусскимъ), нежели черкесскій или татарскій, но все-же имѣетъ и значительныя отличія. Сверхъ того въ Бессарабіи, преимущественно южной, какъ и во всей Новороссіи, поселено было множество разнообразныхъ колонистовъ, особенно болгаръ; оставались отъ турецкихъ временъ греки и армяне, а по степямъ Бессарабіи часто кочевали цыганскіе таборы; словомъ, и эта страна была для кореннаго русскаго совершенно необычная.

Бессарабія, можетъ быть, не столь поэтична, какъ южный берегъ Крыма. Поэзія Новороссійскихъ степей (впрочемъ, вдохновившихъ Мицкевича) требуетъ большой къ нимъ привычки, тогда какъ море, горы, роскошная растительность чаруютъ сразу. Но Бессарабія имѣла еще одну особенность: среди ея небольшихъ городковъ, зачастую сохранившихся еще въ турецкомъ видѣ, былъ Кишиневъ — городъ тоже небольшой и грязноватый, но не лишенный характера столицы. Здѣсь былъ довольно самостоятельный Верховный Совѣтъ, крупныя административныя власти съ цѣлою свитой чиновниковъ, бѣльшею частью моло-

дыхъ и образованныхъ; здѣсь находилось управленіе расположенными въ Бессарабіи войсками, съ весьма образованными-же офицерами генеральнаго штаба. Во главѣ края стоялъ генер. Инзовъ, извѣстный своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ, и въ томъ числѣ къ Пушкину; у Инзова и у другихъ офицеровъ были прекрасныя библіотеки. Въ Кишиневѣ-же былъ значительный слой молдавской знати, можетъ быть, и недостаточно культурной въ дѣйствительности, но не лишенной того виѣшняго налета, который дается заграничнымъ воспитаніемъ и политическимъ значеніемъ. Здѣсь дамы держали себя аристократками. Все это окрашивало кишиневскую жизнь какою-то необычною для русской провинціи свѣткостью: жизнь была ключомъ, процвѣталъ флиртъ, затѣвались интриги, доводившія до дуэлей, велась крупная игра; но зато здѣсь жили и политическими интересами, устраивались не только масонскія ложи, но даже прямые заговоры: начиналось возстаніе угнетенныхъ балканскихъ народностей противъ турокъ. Здѣсь зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ западной Европѣ, и не могли помириться съ фактомъ, что за Прутомъ уже иное государство, тѣмъ болѣе, что народъ былъ одинъ и тотъ-же; многіе помѣщики владѣли и тамъ и здѣсь имѣніями. Кишиневъ и Яссы казались двумя половинами одного цѣлаго.

Наконецъ, на самой окраинѣ государства и Новороссіи находилась еще одна точка, которая по характеру жизни довольно рѣзко отличалась отъ остальной Россіи. Это была наша Одесса. Когда культурные и преимущественно коммерческіе интересы государства потребовали, чтобы на южной окраинѣ его было прорублено новое окно за границу, менѣе тусклое, чѣмъ Петербургъ, выборъ нѣсколькихъ разумныхъ администраторовъ палъ на Гаджибей — Одессу, которая, особенно благодаря заботамъ приснопамятнаго дюка де-Ришелье, стала центромъ Новороссіи. Обладая великими организаторскими способностями, де-Ришелье развилъ въ бывшей очаковской степи широкую иностранную колонизацію и въ молодую Одессу привлекъ массу иностранцевъ-же, трудами которыхъ она естественно приняла видъ обычнаго для нихъ западно-европейскаго города, и притомъ, по желанію герцога, очень веселаго. Развитію Одессы помогли и политическія обстоятельства, сдѣлавшія изъ нея единственные ворота для торговыхъ сношеній Россіи съ западной Европой. Прием-

Табл. IV.

Видъ Одессы время Пушкина

(съ современной литографіи).

никъ и послѣдователь де-Ришелье гр. Ланжеронъ, осуществляя его предназначенія, сдѣлалъ Одессу какъ умственнымъ центромъ Новороссіи, устроивъ здѣсь Ришельевскій лицей, такъ и «дешевымъ городомъ» — вслѣдствіе учрежденія порто-франко. Съ того времени значеніе Одессы, какъ культурнаго центра Новороссіи, и притомъ очень своеобразнаго, не походяго на другіе крупные центры Россіи, было надолго обезпечено.

Что же однако представляла собою Одесса ко времени пребыванія въ ней Пушкина?

Городъ былъ еще весьма невеликъ. Хотя онъ занималъ мѣсто нынѣшнихъ лучшихъ его частей, въ предѣлахъ внѣшняго бульвара, но сохранившіеся рисунки 20-хъ годовъ показываютъ, что дома, даже на главной тогда улицѣ Одессы — Ришельевской, были небольшіе и рѣдкіе и перемежались съ хлѣбными магазинами, особенно частыми и большими на окраинахъ города. Предмѣстья Одессы — Пересыпь и Молдаванка, отдѣлялись отъ нея пустырями и, хотя тоже были частью застроены, но скорѣе походили на села, нежели на отдѣлы города. За Преображенскою улицею, отъ такъ назыв. «Чуднаго дома», уже начинались пустыри, среди которыхъ построены были дома нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, напр. гр. Потоцкаго (нынѣ архіерейскій), а еще далѣе — обширная усадьба Нарышкиныхъ (нынѣ домъ, подаренный городу г. Маразли, и мѣсто, ему еще принадлежащее, а также то мѣсто напротивъ ихъ, гдѣ застраивается цѣлая часть города, съ университетскими клиниками включительно). На Херсонской улицѣ было нѣсколько недурныхъ домовъ, напр. негоціанта Ризнича; но далѣе шли хлѣбные магазины, и расположены были большія зданія городской больницы. Соборъ уже существовалъ, и была застроена мѣстность по Дворянскую улицу, а затѣмъ шли плохіе домики и пустыри, среди которыхъ начиналась постройка Института. Дерибасовская улица, хоть и существовала, но приобрѣла нѣкоторое значеніе лишь съ того времени, когда на углу ея и Преображенской улицы поселился начальникъ края гр. Воронцовъ. Дерибасовскій городской садъ, примыкавшій къ зданіямъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и въ то время не былъ особенно посѣщаемъ. На той-же улицѣ были расположены зданія Ришельевского лицея, сохранившіяся донинѣ среди дома Вагнера. Бульвара еще не было, но мѣсто подъ него, занятое растительностью, гдѣ еще недавно

можно было охотиться, уже начали расчищать, для чего сломаны были остатки турецкой крѣпости; не было ни памятника де-Ришелье, ни гранитной лѣстницы къ морю, ни ряда домовъ на бульварѣ, ни дворца гр. Воронцова, ни зданія городской думы, ни прежняго зданія музея Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. вмѣсто этого были зданія одесской таможни и карантин и казармы. Внизу бульвара былъ портъ, представлявшій конечно только слабый очеркъ нынѣшняго; зато море въ то время было для одесситовъ гораздо доступнѣе. На нынѣшней Театральной площади стоялъ театръ, мѣстность вокругъ котораго была завалена камнями отъ развалинъ бывшаго дома де-Ришелье, а въ началѣ Ришельевской улицы находилась популярная кофейня.

Улицы въ Одессѣ были еще немощеныя; поэтому осенью она тонула въ грязи, а лѣтомъ купалась въ облакахъ пыли. Правда, въ 20-хъ годахъ начали ее замащивать по модной тогда системѣ Макъ-Адама, но, какъ матерьялъ для мостовой, употребляли мѣстный камень — и результаты оказались чрезвычайно плачевными. На моей еще памяти экипажи, загрузившіе въ грязи на Преображенской улицѣ, противъ зданія университета, вытаскивались волами; обыватели незамощенныхъ частей города во время грязи переѣзжали на жительство въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ гостиницы или къ знакомымъ въ болѣе благоустроенныя части города. Вспоминалось тогда, какъ запирались цѣпями Почтовая улица, ибо проѣздъ по ней во время грязи могъ грозить гибелью; да и Дерибасовская улица была въ этомъ отношеніи небезопасною. Овраги, пересекающіе Одессу, были особенно грязными, и черезъ нихъ проложены были жалкіе мостики. Пыль была такова, что я разъ, уронивъ на Преображенской улицѣ, возлѣ Дерибасовской, шляпу, въ тотъ-же мигъ пересталъ ее видѣть. Въ довершеніе всего Одесса страдала отъ безводья и, хотя городское управленіе изыскивало уже разные способы, чтобы обезопасить населеніе отъ недостатка въ водѣ, но изъ этого выходило мало проку. Я опять-таки могу припомнить, какъ во времена продолжительнаго бездождія вода доставлялась въ Одессу съ Днѣпра въ бочкахъ и продавалась по 1 рублю за бочку, а щедрые домовладѣльцы отпускали квартирантамъ по ведру въ день на семейство. Растительность Одессы, хоть и воспѣтая Туманскимъ, въ сущности была жалкою (такою

она была и на моей памяти); даже акаціи на улицахъ еще не было. Недуренъ былъ Ботаническій садъ, теперь, къ сожалѣнію, погибшій, но и въ немъ господствовала акація. За предѣлами Одессы было нѣсколько оазисовъ — дачъ: де-Ришелье — на Водяной Балкѣ и на Мало-Фонтанской дорогѣ, гр. Ланжерона (мѣстность сохранила донинѣ это названіе), нѣсколькихъ богатыхъ негоціантовъ (также по Мало-Фонтанской дорогѣ), напр. Рено, гдѣ Пушкинъ будто-бы прощался съ Чернымъ моремъ. Но все это было, можно сказать, въ самомъ примитивномъ видѣ, и по Мало-Фонтанской-же дорогѣ были лужи, похожія на озера, гдѣ лицеисты охотились за дичью; поздно вечеромъ здѣсь проходить было далеко небезопасно, какъ и вообще въ окрестностяхъ Одессы, — впрочемъ, даже и не въ столь отдаленное время.

Итакъ, Одесса 20-хъ годовъ была городомъ сравнительно еще не очень благоустроеннымъ; но, во-первыхъ, таковы были въ то время и другіе города Россіи, а во-вторыхъ, жизнь въ Одессѣ представляла многія привлекательныя стороны, почему о пребываніи здѣсь съ восторгомъ вспоминали люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, и нашъ городъ имѣлъ счастье быть воспѣтымъ стихами Туманскаго, Пушкина, Воейкова, Бороздны и др.

Что-же было въ Одессѣ привлекательнаго?

Прежде всего, разумѣется, ея море. Хотя крымское приморье еще красивѣе, но, какъ я сказалъ, Крымъ въ то время представлялъ большую глушь, и люди, не искавшіе сильныхъ ощущеній, всегда могли предпочесть ему болѣе культурную Одессу. Намъ, одесситамъ, хорошо знакомо наслажденіе любоваться своимъ моремъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, съ берега (несовсѣмъ удачно названнаго Пушкинымъ «неподвижнымъ»), бродить по этому еще довольно пустынному берегу, испытывая чувства, трудно поддающіяся анализу. Но море давало и болѣе конкретное наслажденіе: въ то время въ Одессѣ можно было еще пользоваться морскими купаньями; они славились на всю Россію и привлекали въ Одессу массы пріѣзжающихъ; поставляла ихъ даже и западная Европа.

Лиманы тоже функционировали, хотя не столь замѣтно, частью велѣдствіе малаго развитія въ то время вообще лѣченія лиманами, частью-же изъ-за труднаго къ нимъ доступа, ибо на моей памяти низина у Пересыпи постоянно была залита водою,

не просыхавшею и лѣтомъ, и приходилось объѣзжать ее черезъ гору по весьма сквернымъ дорогамъ, доставившимъ ей не даромъ названіе Шкодовой. Лѣчились въ Одессѣ и фруктами.

Другую силу Одессы составляло ея географическое положеніе: здѣсь все дышало югомъ, пестрѣло разнообразными красотами. И въ этомъ отношеніи Одесса тогда была тоже внѣ конкуренціи, хотя и претендовалъ нѣсколько на это Таганрогъ, куда такъ неудачно была въ половинѣ 20-хъ годовъ отправлена царская семья ради климатическаго лѣченія.

Затѣмъ Одесса была веселымъ городомъ. Здѣсь былъ театръ съ модною итальянскою оперой, пѣвцы которой распѣвали сладкіе мотивы любимца европейской публики Россини; у театра было кафе, откуда въ антрактахъ приносили къ театру мороженое, и публика ѣла его, располагаясь на разбросанныхъ вокругъ театра камняхъ. Другое кафе Оттона, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, пользовалось еще болѣею популярностью и, повидимому, было очень хорошее; имъ восхищались люди, знакомые не только съ петербургскими, но и съ заграничными ресторанами. Въ Одессѣ нерѣдко бывали балы и маскарады, устраиваемые какъ ея администраторами, такъ и публичные; до насъ дошли, напр., описанія празднованія масляницы при гр. Ланжеронѣ и костюмированнаго бала у гр. Воронцова, и видно, что жилось тогда въ Одессѣ весело. У Оттона шла подъ сурдинкой крупная игра, да и вообще въ Одессѣ были для нея соотвѣтственные притоны. Легкостью-же нравовъ нашъ городъ особенно славился издавна и не даромъ былъ центромъ «невѣнчаннаго» края; деньги здѣсь зарабатывались легко, а потому и тратились съ легкимъ сердцемъ, въ особенности на то, «чѣмъ жизнь красна». Наконецъ, Одесса была и дешевымъ городомъ влѣдствіе порто-франко. Сюда пріѣзжали для закупокъ дешевыхъ, преимущественно модныхъ, товаровъ окрестные въ широкомъ смыслѣ помѣщики и безъ труда провозили ихъ къ себѣ; сюда переселялись на зиму помѣщики и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, привлекаемые и сравнительною культурностью города, и его дешевизною; иные пріѣзжали въ Одессу ради воспитанія дѣтей въ Лицеѣ и въ многочисленныхъ и разнообразныхъ пансіонахъ, другіе черезъ Одессу уѣзжали за границу, особенно на востокъ, въ Святые мѣста, и подолгу жили въ Одессѣ въ ожиданіи удобной погоды или подходящаго корабля,—

извѣстны случаи, что изнутри Россіи ѣхали за границу черезъ Одессу на Радзивиловъ и Броды.

Самое одесское общество въ 20-хъ годахъ представляло нѣчто для Россіи совершенно необычное и своеобразное; въ среднемъ, оно было культурнѣе и образованнѣе общества любого русскаго города, не исключая Петербурга или Москвы; хотя въ то-же время верхній слой одесскаго населенія былъ менѣе образованъ, нежели таковой даже въ иныхъ провинціальныхъ городахъ, напр. въ Харьковѣ. На культурность коммерческаго класса въ Одессѣ, самого въ ней замѣтнаго, вліяло и господствующее занятіе торговлею, преимущественно заграничною. Тогда какъ громадное большинство населенія русскихъ городовъ занято было примитивнымъ земледѣліемъ, а главная торговля въ нихъ производилась «распивочно и на выносъ», посѣтители Одессы не могли не удивляться, встрѣчая въ одесскомъ коммерсантѣ не знакомаго имъ купца Абдулина, а джентльмена западно-европейской складки, съ изящными манерами, съ знаніемъ иностранныхъ языковъ, съ извѣстнымъ политическимъ развитіемъ, воспитаннымъ на чтеніи иностранныхъ газетъ, столь далеко опередившихъ нашу «Пчелку» или ея сверстниковъ. Такой характеръ одесскихъ коммерсантовъ почти сливалъ ихъ въ одну группу съ жившею въ Одессѣ «аристократіей», что и дѣлало такъ наз. одесское «общество» широкимъ и при общемъ типическомъ сходствѣ въ частностяхъ достаточно разнообразнымъ.

Въ Одессѣ жилъ и начальникъ всего Новороссійскаго края. Дюкъ де-Ришелье давно уже покинулъ Одессу и умеръ вдали отъ нея, все мечтая сюда возвратиться. Гр. Ланжеронъ тоже пересталъ быть генераль-губернаторомъ, хотя и продолжалъ жить въ Одессѣ, составляя, такъ сказать, одну изъ ея достопримѣчательностей. Временное управленіе генер. Инзова прошло въ Одессѣ безслѣдно, а затѣмъ сюда назначенъ былъ графъ Воронцовъ.

Время генераль-губернаторства гр. Воронцова до высылки отсюда Пушкина было слишкомъ непродолжительно, чтобы по этому поводу рисовать характеристику его управленія краемъ; тогда мало было и сдѣлано; поэтому я ограничусь лишь немногими замѣчаніями, необходимыми для пониманія отношеній гр. Воронцова къ Пушкину.

Гр. Воронцовъ былъ дѣйствительно полу-милордъ, и не по одному только происхожденію. Это былъ человекъ образованный, съ широкимъ взглядомъ на общественную самостоятельность, понимавшій значеніе торговли и промышленности, всегда и во всемъ гуманный, желавшій освобожденія крестьянъ, другъ образованія, даже среди солдатъ; но въ то-же время это былъ прежде всего придворный, поэтому иногда видѣвшій предметы въ искусственномъ освѣщеніи. Затѣмъ, русскій по самосознанію, гр. Воронцовъ вовсе не былъ таковымъ по образованію; онъ недостаточно хорошо зналъ русскую жизнь и не могъ понять многого въ исторіи умственного развитія нашего общества, мѣряя все на западно-европейскую мѣрку, да еще и на такую, которая видѣла въ провозглашенныхъ французскою революціей принципахъ однѣ лишь утопическія бредни, въ Наполеонѣ — исчадіе революціи и въ Священномъ союзѣ — оплотъ отъ величайшихъ бѣдъ. При такихъ условіяхъ онъ и не могъ отнестись къ Пушкину иначе, нежели отнесся.

Хотя къ половинѣ 20-хъ годовъ гр. Воронцовъ еще не создалъ возлѣ себя дворцовой атмосферы, которая окружала его въ послѣдующіе годы, но частью около него, частью около гр. Е. К. Воронцовой складывался уже кружокъ образованныхъ людей, по преимуществу изъ числа чиновниковъ канцеляріи гр. Воронцова, или изъ богатой фланировавшей въ Одессѣ молодежи. Настоящей родовитой аристократіи въ Одессѣ было немного: нѣсколько польскихъ семействъ (Потоцкіе, Понатовскіе, Сабанскіе и др.), да полу-польская семья Нарышкиныхъ. Они имѣли огромныя помѣстья или возлѣ Одессы, или въ юго-западномъ краѣ, т. е. были связаны съ нею экономическими интересами. Многихъ поляковъ привлекали въ Одессу и тѣ ея преимущества, о которыхъ было сказано выше. При гр. Воронцовѣ-же число жившихъ здѣсь поляковъ еще болѣе увеличилось. Изъ русскихъ баръ отмѣтимъ семью гр. В. П. Кочубея, загостившуюся въ Одессѣ въ 1824 г., да извѣстную кн. Зинаиду Волконскую, поселившуюся въ Одессѣ ради воспитанія дѣтей. Было и мѣстное русское дворянство, хотъ и не очень обильное.

Гораздо многочисленнѣе была здѣсь коммерческая аристократія, составившаяся изъ иностранныхъ негоціантовъ, преимущественно грековъ, частью далматинцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Ризничъ, тагъ неожиданно для себя попавшій

въ исторію русской литературы. Впрочемъ онъ былъ человекъ образованный, и на его средства была издана въ 1826 году извѣстная «Сербіанка» С. Милутиновича вмѣстѣ съ первою книжкою его стихотвореній. Да и греческое общество жило въ Одессѣ не одними коммерческими интересами: какъ разъ въ это время здѣсь сформировалась знаменитая гетерія; иностранная, а частью и русская интеллигенція участвовала въ масонской ложѣ (находившейся въ такъ наз. «Чудномъ» домѣ), а среди офицеровъ, жившихъ въ Одессѣ или недалеко отъ нея, было не мало членовъ тайныхъ обществъ. Появлялись въ Одессѣ и такія исключительныя достопримѣчательности, какъ аея Гутчинсонъ, или корсаръ въ отставкѣ мавръ Али, тоже увѣковѣченные памятью о Пушкинѣ.

Разумѣется, было въ Одессѣ и мелкое чиновничество, мало отличавшееся отъ обычнаго русскаго, и русское купечество, и, наконецъ, простонародье, очень разнообразное по племенному составу; но для біографіи Пушкина эти элементы имѣютъ мало значенія.

Жила Одесса главнымъ образомъ вывозною торговлею. Здѣсь были самые существенные ея интересы, и сношенія ея съ границей настолько окрашивали общій характеръ ея жизни, что на улицахъ итальянскій, греческій или французскій языкъ слышался чаще, нежели русскій. Въ ея учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и Лицея, ученье шло на французскомъ языкѣ; на этомъ-же языкѣ издавались у насъ и первая газета, и первый журналъ; были магазины, гдѣ продавались иностранныя книги, тогда какъ русскія приходилось пріобрѣтать въ посудныхъ лавкахъ.

Я могъ-бы значительно распространить свой рассказъ объ Одессѣ 20-хъ годовъ, имѣя для этого немало собранныхъ даже мною самимъ матерьяловъ, — но, полагаю, сказаннаго совершенно достаточно для выясненія, что могъ Пушкинъ найти въ Одессѣ.

Какъ-же однако нашъ югъ встрѣтилъ Пушкина?

Говорить подробно о пребываніи его въ Новороссійскомъ краѣ, и въ частности въ нашемъ городѣ, я тоже считаю излишнимъ, ибо предметъ этотъ, можно сказать, исчерпанъ въ печатныхъ трудахъ Анненкова, Бартенева и Яковлева; я только напомяну объ этомъ въ самыхъ краткихъ словахъ.

Въ маѣ 1820 г. Пушкинъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и пробылъ тамъ недѣли двѣ, заболѣвъ при этомъ; объ отношеніяхъ его къ мѣстному обществу сохранилось развѣ нѣсколько анекдотовъ изъ ряда такихъ, какіе вообще рассказываютъ о Пушкинѣ. Въ Екатеринославѣ онъ почти не работалъ: очевидно, свѣжи были еще впечатлѣнія постигшаго его удара; впрочемъ, изъ здѣшнихъ впечатлѣній позднѣе явилась поэма «Братья-Разбойники».

Въ послѣднихъ числахъ мая Пушкинъ уѣхалъ съ семьей Раевскихъ на Кавказъ, гдѣ пробылъ до начала августа; на Кавказѣ онъ какъ-бы сталъ оживать; здѣсь написанъ имъ эпиграммъ къ «Руслану и Людмилѣ» и начатъ «Кавказскій плѣнникъ», по мѣстнымъ впечатлѣніямъ.

Августъ—сентябрь 1820 г. Пушкинъ проводитъ въ Крыму, главнымъ образомъ въ Гурзуфѣ, съ Раевскими-же, и здѣсь начинается расцвѣтъ его поэтического творчества. Съ одной стороны чудная природа Крыма и его оригинальность разсѣиваютъ дотошное мрачное настроеніе поэта; съ другой — онъ испытываетъ увлеченіе, далеко не похожее на тѣ, какія имѣли мѣсто раньше въ Петербургѣ. Подъ вліяніемъ любви и Крыма Пушкинъ создаетъ цѣлый рядъ прелестныхъ стихотвореній; другія, того-же характера и внушенные тою-же любовью, написаны имъ въ Каменкѣ.

Вліяніе кружка Раевскихъ сказалось въ Пушкинѣ и созрѣваніемъ его политическихъ взглядовъ, которые однако не привели его къ участию въ серьезныхъ тайныхъ обществахъ; на это были свои причины, на которыхъ нѣтъ цѣли здѣсь останавливаться.

Въ сентябрѣ 1820 г. Пушкинъ уѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ прожилъ до лѣта 1823 г. Это время, не смотря на бурный образъ жизни Пушкина и на мучительный процессъ, совершавшійся въ его душѣ, было особенно благоприятно для его поэтического творчества; здѣсь созданы Пушкинымъ едва-ли не лучшія его лирическія произведенія, окончены «Кавказскій плѣнникъ», написаны «Братья-Разбойники» и «Бахчисарайскій фонтанъ», начаты «Евгеній Онѣгинъ», задуманы «Цыганы». Чѣмъ обусловлена была такая дѣятельность? Очевидно, только что пережитыми впечатлѣніями, возбужденными въ душѣ Пушкина творческій процессъ, которому не было основанія прекратиться въ городѣ, жившемъ столь бойкою политическою и общественною жизнью;

скорѣе всего, именно здѣсь созрѣваютъ политическія воззрѣнія Пушкина. Не думаю впрочемъ, чтобы молдаванская или даже греческая аристократія того времени могла оцѣнить въ Пушкинѣ великаго поэта; скорѣе въ немъ видѣли правительственную жертву, по «несчастному случаю» заброшеннаго въ Кишиневъ молодаго аристократа, очень интереснаго въ обществѣ по своему остроумію, волокиту, игрока; съ нимъ не церемонились выходить на дуэль; но русское общество въ Кишиневѣ, начиная съ Инзова и не исключая дамъ, стало уже понимать значеніе Пушкина и дѣлало, что могло, чтобы облегчить ему тернистый путь его изгнанія и неудобства пребыванія въ отдаленныхъ мѣстахъ. Затѣмъ изъ Кишинева Пушкинъ постоянно выѣзжалъ то въ Кіевъ, то въ Каменку, то — три раза — въ Одессу, то въ южную Бессарабію, и всякая поѣздка его порождаетъ какія-либо чудныя произведенія.

Наконецъ, въ началѣ 1823 г. Пушкинъ переселяется въ Одессу, гдѣ остается свыше года; здѣсь имъ создано нѣсколько главъ «Онѣгина» и опять-таки много прекрасныхъ стихотвореній мѣстнаго содержанія, заканчивающихся знаменитымъ прощаніемъ Пушкина съ Чернымъ моремъ.

Этотъ бѣглый перечень достаточно убѣдителенъ для отвѣта: насколько было благоприятно для Пушкина вообще пребываніе на югѣ Россіи? Здѣсь подъ вліяніемъ поэтического и своеобразнаго характера посѣщенныхъ Пушкинымъ мѣстностей окрѣпло и развилось его творчество, а вслѣдствіе политической жизни края укрѣпились идеалы, хоть и навѣянные ему раньше нѣкоторыми лицейскими профессорами, напр. Куницынымъ, а потомъ близкими людьми, въ родѣ Чаадаева, и даже общемою атмосферою того времени; тѣмъ не менѣе до переселенія Пушкина на югъ они были еще въ немъ очень неустойчивыми. Только на югѣ Россіи окончательно опредѣлилась личность Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она всеѣмъ намъ дорога; только послѣ этого періода творчества могъ сказать о себѣ Пушкинъ, что

«Чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
И (пожалуй) милость къ падшимъ призывалъ.»

Вскорѣ послѣ этого въ поэзіи Пушкина, при всей ея геніальности, зазвучать другія ноты, утратится присущая ему и раз-

витая югомъ жизнерадостность, почувствуется сложная и тяжелая душевная драма; но анализъ всего этого вывелъ-бы меня изъ предѣловъ моей задачи.

Теперь для меня представляетъ специальныйъ интересъ вопросъ о томъ, какъ принять былъ Пушкинъ въ Одессѣ, или, точнѣе, какъ на него здѣсь смотрѣли?

Графъ Воронцовъ сперва отнеси къ поэту чрезвычайно любезно; въ сущности, онъ перезвалъ его въ Одессу изъ Кишинева; но вскорѣ между ними пошли нелады, обнаружившіе, что гр. Воронцовъ тоже видѣлъ въ Пушкинѣ скорѣ свѣтскаго юношу, случайно наказаннаго за шалости, нежели великаго поэта. Дивиться тутъ нечему: какъ я уже сказала, гр. Воронцовъ имѣлъ тѣ взгляды на литературу, какіе вообще господствовали въ правительственныхъ сферахъ въ эпоху Священнаго союза. Исходя изъ такихъ взглядовъ, онъ могъ лишь враждебно отнестись къ поэзіи Байрона и тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ оцѣнить значеніе поэтической дѣятельности его послѣдователя, и притомъ такого, за которымъ еще не было даже полнаго «Онѣгина». Хотя гр. Воронцовъ и признавалъ счастливыя дарованія Пушкина и надѣялся, что изученіе имъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ можетъ сдѣлать его выдающимся писателемъ. Между тѣмъ поведеніе Пушкина не могло не шокировать гр. Воронцова, не говоря уже о столкновеніяхъ чисто личнаго свойства, обидномъ отношеніи къ гр. Воронцову самого Пушкина (у котораго, кстати сказать, встрѣчаются и похвалы ему) и нежеланіи его хоть сколько-нибудь войти въ извѣстныя служебныя рамки, что очень цѣнилось въ свое время, и несмотря на то, что онъ широко раздвигались для него гр. Воронцовымъ¹⁾. Вопреки общепринятымъ мнѣніямъ, выскажусь, что гр. Воронцовъ съ точки зрѣнія начальника края и западно-европейскаго вельможи отнесся къ Пушкину довольно снисходительно, и постигшая поэта кара была по тому времени сравнительно нестрогаю. Приведемъ въ параллель, во-первыхъ, что англійское общество и до сихъ поръ

¹⁾ Неужели можно сочувствовать Пушкину въ его поведеніи въ дѣлѣ о саранчѣ только потому, что онъ написалъ остроумный рапортъ? Въдѣ саранча на югѣ Россіи страшное общественное бѣдствіе, и къ нему нельзя не относиться серьезно.

не можетъ простить Байрону ни его біографіи, ни его произведеній; что къ поэзіи Байрона отрицательно относился Жуковскій (хотя сперва и переведившій его); что не только Императоръ Александръ I, совершенный западно-европеецъ по воспитанію и образованію, совсѣмъ не знавшій ни русской жизни, ни русской литературы (хотя сперва и благосклонный къ Пушкину изъ-за нѣсколькихъ доведенныхъ до его свѣдѣнія стиховъ), но и многіе тогдашніе русскіе *литераторы* относились къ произведеніямъ Пушкина отрицательно, какъ напр. И. И. Дмитріевъ къ «Руслану и Людмилѣ», Рылѣевъ къ «Онѣгину», Н. Полевой къ «Борису Годунову». Императоръ Николай I, видѣвшій въ Пушкинѣ хоть и своеобразнаго, не укладывающагося въ точно опредѣленныя рамки, но очень умнаго человѣка и выдающагося поэта, совершенно искренно находилъ, что ему слѣдовало-бы заняться болѣе серьезнымъ дѣломъ, нежели стихотворство, напр. написать трактатъ о воспитаніи,—несмотря на то, что поэтъ въ то время женатъ не былъ, ни своихъ, ни чужихъ дѣтей никогда не воспитывалъ, и вся предшествующая біографія мало подготовляла его къ этому, почтенному, конечно, занятію. Очень расположенный къ Пушкину Инзовъ требовалъ отъ него перевода на русскій языкъ молдавскихъ законовъ и пр. Собственный отецъ Пушкина поступалъ съ нимъ гораздо хуже, нежели гр. Воронцовъ, а какъ потомъ отнеслось къ поэту высшее петербургское общество, атмосфера котораго такъ систематически послѣдовательно привела Пушкина къ роковой дуэли, это не нуждается въ напоминаніи.

Съ другой стороны слѣдуетъ вспомнить и то, что Пушкину уже раньше грозило наказаніе, гораздо болѣе суровое, нежели водвореніе на жительство въ собственную деревню, а онъ (предполагается) не исправился; что за одесскія выходки осуждали его такія близкія къ нему лица, какъ кн. П. А. Вяземскій и А. И. Тургеневъ, причемъ послѣдній уже не разъ отклонялъ отъ него высылку изъ Одессы, которой сперва только и добивался гр. Воронцовъ; что ссылка Пушкина въ Пековскую губ. тоже придумана была А. И. Тургеневымъ; что Каразинъ пострадалъ въ то-же самое время гораздо сильнѣе, скорѣе за докучливость, чѣмъ за предположительно приписанный ему проступокъ, въ которомъ онъ былъ невиноватъ, и что вообще подобныхъ при-мѣровъ для 20-хъ годовъ можно-бы привести не мало.

Графиня Воронцова болѣе благоволила къ Пушкину, нежели ея мужъ. Трудно сказать, насколько справедлива гипотеза о свѣтскихъ ширмахъ, которыми будто-бы послужилъ Пушкинъ относительно графини; но во всякомъ случаѣ она съумѣла оцѣнить поэта, и ея вліяніе на него сказалось добрыми послѣдствіями. Въ ея кружкѣ былъ молодой Раевскій — близкій къ Пушкину человѣкъ, даже сильно вліявшій на его умственное развитіе; близки къ Пушкину были и служившіе при канцеляріи гр. Воронцова два поэта Туманскіе, Казначеевъ, Сивинъ и др.

Къ сожалѣнію, никто изъ этого кружка не оставилъ намъ о Пушкинѣ воспоминаній; мнѣ выпало на долю застать въ Одессѣ въ живыхъ лишь одного изъ такихъ чиновниковъ — г. Пикулова; но онъ былъ очень старъ и притомъ человѣкъ не пушкинскаго покроя. Г. Пикуловъ рассказывалъ мнѣ, что гр. Воронцовъ сперва очень благоволилъ къ Пушкину и прощалъ ему чиновничьи грѣхи, что Пушкинъ былъ очень неаккуратнымъ служащимъ, наконецъ, что причиною неудовольствія гр. Воронцова на Пушкина была ревность, — словомъ, то, что и безъ этого хорошо извѣстно.

Немногимъ полеѣе и воспоминанія о Пушкинѣ гр. М. Д. Бутурлина, который въ то время жилъ безъ всякаго дѣла въ Одессѣ; онъ былъ даже дальній родственникъ Пушкина, но мало имъ интересовался, случайно узналъ о пребываніи его въ Одессѣ, случайно видѣлся съ нимъ и не попытался даже стать съ нимъ въ болѣе близкія отношенія.

Если присоединить къ этому извѣстное свидѣтельство А. А. Скальковскаго, прибывшаго въ Одессу вскорѣ послѣ выѣзда отсюда Пушкина и почти (по его словамъ) не заставшаго уже здѣсь людей, которые хранили-бы память о немъ, то можно-бы подумать, что дѣйствительно въ Одессѣ посмотрѣли на Пушкина только какъ на свѣтскаго человѣка, съ которымъ интересно встрѣчаться въ обществѣ, а не какъ на поэта. Тѣмъ менѣе могла понять его, напр., г-жа Ризничъ, которую онъ такъ любилъ и поэтически воспѣлъ и которая — увы! даже не могла прочесть посвященныхъ ей стихотвореній. Не думаю также, чтобы семья Кочубеевъ, гдѣ, можетъ быть, слѣдовало-бы искать первообразъ Татьяны, или гр. Потоцкая могли оцѣнить Пушкина,

какъ поэта: свѣтскія дамы того времени были на счетъ русской литературы почти невмѣняемы.

Къ счастью, имѣются твердыя доказательства, что въ Одессѣ 20-хъ годовъ уже было кому оцѣнить Пушкина, какъ поэта, и главнѣйшее изъ нихъ принадлежитъ самому гр. Воронцову. Въ роковомъ письмѣ къ гр. Нессельроде онъ такъ мотивируетъ необходимость высылки Пушкина изъ Одессы:

«Здѣсь проживаетъ множество людей, и количество ихъ еще увеличится во время сезона купанья; они, будучи экзальтированными поклонниками его (Пушкина) поэзіи, думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу неприятеля, способствуя его самоувлеченію и убѣждая его, что онъ выдающійся писатель».

Что гр. Воронцовъ былъ правъ, подтверждается и воспоминаніями бывшихъ лицейстовъ Сумарокова и Н. Г. Троицкаго. Первый сообщаетъ, что о Пушкинѣ много говорили въ городѣ и зачитывались его «Русланомъ и Людмилою»; поэтому, увидя Пушкина, Сумароковъ испыталъ особенное волненіе. Второй рассказываетъ, что во время его отрочества въ Одессѣ имя Пушкина произносилось, какъ имя прославленнаго поэта; его читали, перечитывали, переписывали, затверживали на память; нѣкоторые изъ его ненапечатанныхъ стиховъ ходили по рукамъ въ рукописи, какъ запрещенные; особенно-же зачитывались «Онѣгинимъ», надъ чѣмъ смѣялся самъ авторъ его. Когда Троицкій былъ въ младшемъ отдѣленіи Лицея и сидѣлъ въ классѣ, кто-то крикнулъ: «Пушкинъ идетъ!» и всѣ малыши кинулись къ окошку.

Такія показанія объясняютъ намъ, въ комъ въ Одессѣ Пушкинъ нашелъ себѣ поклонниковъ: это была учащаяся, преимущественно русская молодежь, а также и русскія семьи въ родѣ Троицкихъ, Кирияковыхъ, Бларамберговъ и, наконецъ, личные друзья Пушкина: Раевскій, Туманскіе, Пуцинъ и др., о которыхъ было сказано выше.

Образъ жизни Пушкина въ Одессѣ лучше всего описанъ имъ самимъ въ знаменитыхъ строфахъ «Онѣгина». Его страстная любовь къ г-жѣ Ризничъ и отношенія къ гр. Воронцовой и къ инымъ одеситкамъ также давно стали литератур-

нымъ достояніемъ. Поэтому я перехожу къ вопросу, какія воспоминанія нашъ край оставилъ въ Пушкинѣ?

Крымъ и общество Раевскихъ заставили Пушкина немедленно по разставаніи съ ними уже вспоминать о нихъ въ такихъ чудныхъ стихотвореніяхъ, какъ «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда» или «Нереида»; затѣмъ онъ вспоминаетъ о Крымѣ и въ періодъ кишиневской и одесской жизни; такъ, въ 1820 г. имъ написано стихотвореніе «Фонтану Бахчисарайскаго дворца», въ 1821 г. — «Желанье», въ 1822 г. — тѣ мѣста субъективнаго характера, которыя находятся въ поэмѣ «Бахчисарайскій фонтанъ»; въ 1823 г. (?) нѣкоторые стихи въ первой пѣснѣ «Онѣгина», напр.: «Я видѣлъ море предъ грозой»; къ этому-же году относится и отзывъ о Крымѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому; въ 1824 г. — такой-же въ письмѣ къ бар. Дельвигу; въ 1825 г. — стихотвореніе «Ты видѣлъ дѣву на скалѣ» (я не упоминаю объ отрывкахъ и наброскахъ). Воспоминанія эти заканчиваются отрывками изъ путешествія Онѣгина, посѣтившаго между прочимъ Тавриду. Отыскать хоть одинъ неблагоклонный отзывъ Пушкина о Крымѣ мнѣ не удалось.

Иное дѣло Бессарабія и Кишиневъ; они вызвали въ Пушкинѣ довольно сложныя впечатлѣнія. Сначала Бессарабія напоминаетъ ему объ Овидіи, и онъ рисуетъ нашъ югъ съ симпатіей; потомъ онъ пишетъ сатиры на кишиневскихъ дамъ — и въ то-же время въ посланіи къ Баратынскому называетъ пустынную Бессарабію страной, священной для души поэта: «Она Державинымъ восцѣта и славой русскою полна». Переселившись въ Одессу, Пушкинъ то вздыхаетъ о Кишиневѣ (въ письмѣ къ брату), то посылаетъ Вигелю извѣстную сатиру на этотъ городъ, впрочемъ въ такой инкрустаціи, которая не позволяетъ серьезно относиться къ этому стихотворенію. Изъ Михайловскаго въ 1826 г. Пушкинъ пишетъ къ Н. С. Алексѣеву: «Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшотчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой твоей избушкѣ... я за новости кишиневскія стану тебя потчивать новостями московскими». Оканчивая «Цыганъ», Пушкинъ въ эпилогѣ съ большимъ чувствомъ говоритъ о Бес-

сарабіи и о своемъ пребываніи въ цыганскомъ таборѣ¹⁾. Еще позднѣе онъ вспоминаетъ о цыганахъ въ VIII главѣ «Онѣгина» и пишетъ стихотвореніе «Цыгане», гдѣ опять съ удовольствіемъ вспоминаетъ о похожденіяхъ въ цыганскомъ таборѣ.

Столь измѣнчивое отношеніе Пушкина къ одному и тому-же предмету вовсе не представляетъ исключенія. Извѣстно, какъ онъ любилъ Петербургъ (см. хотя-бы «Люблю тебя, Петра творенье» и т. д.); но можно подобрать немало мѣстъ, гдѣ онъ осыпаетъ его жесточайшею бранью (Проклятый Петербургъ... Я золь на Петербургъ и радуюсь каждой его гадости... свинскій Петербургъ); Пушкинъ недолюбливалъ Москвы, но случалось ему и хвалить ее (напр. въ «Онѣгинѣ»); онъ любилъ Россію — и жаловался, что родился русскимъ.

Одесса во всякомъ случаѣ пользовалась у Пушкина болѣею благосклонностью, нежели Кишиневъ. Тотчасъ по переселеніи въ Одессу Пушкинъ сообщаетъ брату, что Инзовъ отпустилъ его въ Одессу: «Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторанція и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу... Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни». Немедленно по пріѣздѣ въ Михайловское, онъ проситъ Д. М. Княжевича писать ему изъ Одессы: «Объ Одессѣ ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ... Ради Бога, слово живое объ Одессѣ; скажите мнѣ, что у Васъ дѣлается; скажите, во-первыхъ, выздоровѣла-ли Катенька (Гика)».

Вскорѣ Пушкинъ сталъ получать изъ Одессы письма отъ гр. Воронцовой, украшенныя печатью съ кабалистическими знаками (т. е. въ дѣйствительности съ караимскими письменами); тогда Пушкинъ запирается въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Письма эти онъ сжигалъ, о чемъ онъ и говоритъ въ стихотвореніи «Сожженное письмо», а о гр. Воронцовой вспоминаетъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Ангель» и «Талисманъ». Двумя еще болѣе поэтическими произведеніями: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» и «Для береговъ отчизны дальней», почтилъ онъ память скончав-

¹⁾ Интересно-бы знать, въ чемъ состояло порученіе, данное Пушкину относительно цыганъ генер. Инзовымъ?

шейся одесситки, г-жи Ризничъ. Но самое подробное воспоминаніе объ Одессѣ находится въ извѣстныхъ строфахъ «Евгенія Онѣгина», посвященныхъ его путешествію. Приводить ихъ не рѣшаюсь, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны одесситамъ, а замѣчу лишь, что въ нихъ господствуетъ самое свѣтлое воспоминаніе объ одесской жизни, неомрачаемое и нѣкоторыми недостатками Одессы: пылью, грязью, отсутствіемъ растительности, безводіемъ,—тѣмъ болѣе, что можно было тогда ожидать и скорого избавленія ея отъ этихъ бѣдъ. Впрочемъ одесская грязь настолько поразила Пушкина, что онъ припомнилъ ее гораздо позднѣе, во время втораго путешествія на Кавказъ, проѣзжая между Орломъ и Ельцомъ: «Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской». Затѣмъ одинъ изъ вариантовъ путешествія Онѣгина указываетъ, что еще у Пушкина оставило объ Одессѣ хорошую и плохую память:

«А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ тригорскихъ.»

Въ 30-хъ годахъ воспоминанія Пушкина о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ юга Россіи тускнѣютъ; но все-же и въ это время можно найти у него стихи, гдѣ онъ говоритъ о югѣ съ большимъ чувствомъ и, посѣтивъ Михайловское незадолго до смерти, онъ на берегу озера воспоминаетъ съ грустью иные берега, иные волны. И немудрено: тамъ протекала свѣтлая пора его юности, тамъ онъ жилъ болѣе естественною жизнью, тамъ наконецъ онъ былъ счастливѣе, нежели въ это время.

Но помнилъ-ли югъ великаго поэта, такъ неожиданно сюда залетѣвшаго? И если помнилъ, то какъ относился къ его памяти? Я остановлюсь главнымъ образомъ на Одессѣ, такъ какъ относительно другихъ, упомянутыхъ мною выше, мѣстностей располагаю лишь позднѣйшими данными.

Гр. Воронцовъ продолжалъ относиться къ Пушкину недоброжелательно, что особенно сказалось по случаю его смерти. Извѣстенъ разсказъ бывшего редактора газеты «Одесскій Вѣстникъ» Н. Г. Тройницкаго (записанный мною съ его словъ) о томъ, какъ онъ принесъ на просмотръ гр. Воронцову некрологъ

Пушкина, заключавшій глубоко прочувствованныя похвалы ему и скорбь по поводу его безвременной кончины (см. далѣе); гр. Воронцовъ разрѣшилъ печатать некрологъ, но выразилъ недомѣнне, заслужилъ-ли Пушкинъ этотъ некрологъ,—тѣмъ болѣе, что подобнаго не было, напр., по смерти Державина или Хераскова. Несмотря на данное разрѣшеніе, редакція газеты опасалась, не будетъ-ли нахлобучки за некрологъ изъ Петербурга, и можетъ быть, не безъ основанія, такъ какъ тамъ дѣйствительно по поводу смерти Пушкина происходили, какъ извѣстно, такія событія, которыя были-бы черезъ-чуръ смѣшны, если-бы не были столь грустными. Относительно-же гр. Воронцовой мнѣ неоднократно передавали близкія къ ней лица, напр. протоіерей М. К. Павловскій, что сочиненія Пушкина навсегда остались ея любимымъ чтеніемъ.

Враждебное отношеніе аристократа-западноевропейца гр. Воронцова къ памяти Пушкина въ сущности не было исключительнымъ: на глазахъ одесситовъ прошелъ и другой примѣръ въ лицѣ гр. А. Г. Строгонова. Были-ли у него съ Пушкинымъ какіе-либо личные счеты, положительно сказать не умѣю, хотя указанія на это и есть; но извѣстно, что еще незадолго до смерти гр. Строгоновъ продолжалъ видѣть въ Пушкинѣ революціонера, автора стихотворенія «Кинжалъ» и проч.; онъ грубо обошелся съ уважаемыми одесситами, явившимися къ нему съ подписнымъ листомъ на памятникъ Пушкину, и съ крикомъ удивлялся, чего-же смотритъ полиція на постановку памятника такому «кинжалщику». Отзвѣы о Пушкинѣ лицъ, весьма близкихъ къ гр. Строгонову, были рѣзки до-нельзя, и въ нихъ сквозила мсть за Дантеса¹⁾ Изъ этого-же аристократическаго кружка при посредствѣ небезъизвѣстнаго одесситамъ

¹⁾ Въ Одессѣ на моей памяти доживала вѣкъ одна особа, знавшая Пушкина еще въ Лицѣ — г-жа Ю. Ф. фонъ-Гауэншильдъ, вдова профессора; въ Одессѣ существовала очень популярная женская гимназія, будто-бы завѣдуемая ею, а въ дѣйствительности принадлежавшая ея дочери М. Ф. Кларкъ. Я пытался разспрашивать старушку о Пушкинѣ, но могъ узнать отъ нея только, что онъ былъ большой шалунъ, а г. фонъ-Гауэншильдъ очень строгъ и, когда онъ накладывалъ на Пушкина суровое наказаніе, тотъ прибѣгалъ къ ней за защитой, и она выпрашивала у мужа для него снисхожденіе. Но и это не новая черта въ біографіи Пушкина.

лица (носившаго прозвище Pic-assiette) явилась недавно брошюра объ истинныхъ причинахъ смерти Пушкина, напечатанная всего будто-бы въ 10-ти экземплярахъ и заключающая въ себѣ грубый пасквиль на Пушкина, близкихъ къ нему лицъ, его друзей и его враговъ, словомъ на всѣхъ, чье имя попало подъ перо автора.

Но возвращаюсь къ Одессѣ того времени, когда ее покинулъ Пушкинъ. Помнило-ли его мѣстное общество? А. А. Скальковскій говоритъ, что, кромѣ одного-двухъ, нѣкогда лично близкихъ къ Пушкину людей, его уже забыли въ Одессѣ въ концѣ 20-хъ годовъ. Объясняю такое показаніе официальнымъ положеніемъ А. А. Скальковского, до котораго изъ среды лицъ, окружавшихъ гр. Воронцова, дѣйствительно отзывы о Пушкинѣ могли и не дойти; не даромъ-же онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о пребываніи Пушкина въ Одессѣ въ своей исторіи ея; но воспоминанія Н. Г. Тройницкаго доказываютъ, что въ русскомъ обществѣ Одессы и хорошо помнили Пушкина, и восхищались его произведеніями. Затѣмъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1827 г. въ № 30 отъ 20-го апрѣля перепечатано было стихотвореніе Пушкина «Одесса» изъ «Онѣгина», которое могло напомнить многимъ одесситамъ о своемъ авторѣ.

Наконецъ, въ 1828—1830 гг. рижельскіе лицеисты издавали рукописный журналъ «Ареопагъ» (хранящійся нынѣ въ одесской публичной библіотекѣ). По словамъ одного изъ его редакторовъ, Н. Г. Тройницкаго, журналъ этотъ былъ вызванъ къ жизни именно вліяніемъ Пушкина; и точно, въ немъ перепечатывались его стихотворенія, разбирались его произведенія и т. д.

Въ послѣднихъ книжкахъ «Ареопага» о Пушкинѣ говорится рѣдко; но въ то время и вообще въ русскихъ журналахъ видно оскудѣніе статей о Пушкинѣ—до тѣхъ поръ, пока смерть снова не привлекла къ нему общаго вниманія; извѣстіе-же о смерти Пушкина, напечатанное въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (1837 г. № 13), отличается высокимъ лиризмомъ; для обралика привожу окончаніе статьи, какъ имѣющее для моей темы спеціальнѣйшій интересъ:

«Съ ранняго возраста прислушивались мы къ этимъ очаровательнымъ пѣснопѣніямъ, къ этимъ незнаемымъ дотолѣ обо-

ротамъ русской рѣчи, къ этой неслыханной у насъ гармоніи языка. Съ любовью слѣдили мы каждый шагъ поэтическаго поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видѣли въ ней нашу собственную славу, — славу Россіи. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемымъ безсмертнымъ достояніемъ русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвеннаго... Пушкинъ! Пушкинъ! Зачѣмъ-же такъ рано, такъ неожиданно! И нѣтъ преемника тебѣ, вѣщій пѣвецъ нашего времени».

Послѣ смерти Пушкина наступило время изученія его біографіи и оцѣнки его литературной дѣятельности, стали появляться статьи о немъ и воспоминанія; не осталась чуждою къ этому и Одесса, гдѣ еще до 50-хъ годовъ было напечатано о Пушкинѣ нѣсколько статей, и въ сущности начало серьезному изученію біографіи Пушкина положено было одесситомъ.

Питомецъ Рижельскаго лицей, затѣмъ профессоръ въ немъ русской словесности, К. П. Зеленецкій (теперь, кстати сказать, незаслуженно забытый и неудостоившійся обстоятельной біографіи, хотя по его учебникамъ нѣкогда училась вся Россія) былъ величайшимъ поклонникомъ Пушкина. Уже въ 1838 г. онъ напечаталъ въ «Современникѣ» воспоминанія о немъ нѣкоего А. Грена и затѣмъ надолго посвятилъ себя изученію біографіи великаго поэта, усиленно розыскивая даже принадлежавшую ему извѣстную оригинальную палку, которая однако попала къ другому одесскому почитателю Пушкина Н. Г. Тройницкому, а нынѣ находится въ музеѣ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей.

Переселеніе въ Одессу на службу брата поэта, Л. С. Пушкина, побудило К. П. Зеленецкаго особенно усердно заняться выясненіемъ обстоятельствъ пребыванія поэта въ Новороссіи, результатомъ чего былъ рядъ прекрасныхъ статей его о Пушкинѣ, опередившихъ капитальный трудъ Анненкова. Не называю ихъ, равно и дальнѣйшихъ статей, написанныхъ у насъ о Пушкинѣ, такъ какъ перечисленіе ихъ частью есть уже въ извѣстныхъ книжкахъ Межова и проф. В. А. Яковлева (одессита-же), частью, какъ мнѣ извѣстно, готовится къ печати одесскою публичною библіотекою. Число ихъ, особенно во время пушкинскихъ торжествъ 1880 и 1887 гг., прямо таки колос-

сально, и авторами какъ воспоминаній о Пушкинѣ, такъ и посвященныхъ ему статей являются всё безъ исключенія сколько-нибудь замѣтные наши литераторы и публицисты, какъ уже покойные (А. А. Скальковский, Н. Н. Мурзакевичъ, М. Ф. де-Рибасъ, О. О. Чижевичъ, проф. В. А. Яковлевъ и др.), такъ и тѣ, которые еще продолжаютъ свою дѣятельность. Такое-же одушевленіе господствуетъ въ крымской и бессарабской прессѣ; отсюда тоже доходитъ къ намъ рядъ воспоминаній о Пушкинѣ, иногда поэтическихъ, какъ напр. рассказъ о кипарисѣ и соловьѣ въ Гурзуфѣ, иногда баснословныхъ, какъ напр. большинство новыхъ кишиневскихъ воспоминаній, даже съ массою неизвѣстныхъ стиховъ, будто-бы пушкинскихъ. Появляются переводы сочиненій Пушкина на всѣхъ имѣющихся на югѣ Россіи иностранныхъ языкахъ, до эсперанто включительно; въ честь Пушкина обильно пишутся стихотворенія и создаются памятники искусства, напр. музыкальныя произведенія; словомъ, совершаются всевозможные способы чествованія его памяти. Я позволю себѣ (по весьма понятной причинѣ) остановиться лишь на дѣятельности въ этомъ отношеніи одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, черезъ просвѣтительный трудъ котораго красной нитью проходитъ популяризація сочиненій Пушкина въ средѣ одесскаго простонародья. Это-же общество организовало постановку въ Одессѣ одного изъ первыхъ памятниковъ Пушкину въ Россіи (впрочемъ, Кишиневъ сдѣлалъ это раньше) и отмѣтило на основаніи вполне авторитетныхъ показаній тотъ домъ, гдѣ остановился Пушкинъ по пріѣздѣ въ Одессу въ 1823 г.

Немало сдѣлало для прославленія памяти Пушкина и наше городское общественное управленіе. Достаточно указать, что въ настоящее время имъ связано съ именемъ Пушкина едва-ли не самое симпатичное учрежденіе, вызванное его юбилеемъ. Но, кому въ исторіи распространенія любви къ Пушкину и памяти о немъ на югѣ Россіи (и конечно по всей Россіи) принадлежитъ главное мѣсто — это нашимъ педагогамъ. Буду говорить объ Одессѣ, такъ какъ я располагаю лишь здѣшними данными. Въ нашемъ университетѣ читались систематическіе курсы о Пушкинѣ (проф. И. С. Некрасовымъ) раньше, нежели гдѣ-либо.

Совѣтъ университета неоднократно принималъ мѣры, чтобы направить студентовъ къ специальному изученію сочиненій великаго поэта. Какое значеніе имѣютъ сочиненія Пушкина въ нашей средней школѣ — общеизвѣстно; я готовъ даже сдѣлать упрекъ ей, что Пушкинъ здѣсь слишкомъ уже заслоняетъ нашихъ послѣдующихъ выдающихся писателей. Стоя въ послѣднее время близко къ нашимъ низшимъ учебнымъ заведеніямъ, могу засвидѣтельствовать, что и здѣсь Пушкинъ является любимѣйшимъ и популярнѣйшимъ писателемъ. И, если оправдается когда-либо упованіе Пушкина:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ»,

— этимъ Россія и Пушкинъ болѣе всего обязаны будутъ учителямъ народныхъ училищъ. Путемъ какъ-бы волосныхъ сосудовъ происходитъ, благодаря имъ, проникновеніе въ народъ сочиненій великаго поэта. Если имя его еще недостаточно извѣстно его народу — что дѣлать: это недостатокъ не одного юга. Полтора мѣсяца назадъ я съ однимъ знакомымъ отправился въ Петербургъ искать мѣсто роковой дуэли Пушкина. Не зная этого мѣста, мы разспрашивали о немъ и полицію, и мѣстныхъ сторожей, и вообще всякаго встрѣчнаго, по крайней мѣрѣ чело-вѣкъ 20, и могли убѣдиться, что ни для одного изъ нихъ слово «Пушкинъ» не звучало чѣмъ-то знакомымъ, близкимъ. И лишь культурный прохожій вывелъ насъ изъ затрудненія, указавъ намъ дорогу къ болоту, гдѣ стоитъ маленькій столбикъ съ плохимъ гипсовымъ бюстикомъ Пушкина, смотрящаго на скачки и на тотализаторъ! Мнѣ не было стыдно за Одессу!

Будемъ надѣяться, что празднества, подобныя нынѣшнему, тоже явятся прекраснымъ средствомъ привлечь народъ къ имени Пушкина, а послѣ того и къ его сочиненіямъ.

Нашъ югъ все еще принято почему-то считать не вполне Россіей. Отъ Одессы не отстаетъ репутація нерусскаго города. Но, если принадлежность къ націи опредѣляется самосознаніемъ, то Одесса, какъ и весь югъ, давно доказали свою русскую національность, и рядъ пушкинскихъ празднествъ явился луч-

шимъ показателемъ этого. Если-же этого мало и для нашего юга, съ Одессою включительно, еще предстоитъ работа, чтобы примкнуть къ русской національности, то единственнымъ способомъ явится распространение здѣсь великихъ произведеній русскаго національнаго гения и, можетъ быть, всего раньше Пушкина. Какъ ни громадно уже его значеніе въ настоящее время, но истинная миссія его выполнится лишь тогда, когда всѣ многочисленные жители Россіи сознательно и свободно признаютъ Пушкина своимъ великимъ поэтомъ.

136486

1534/A